

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER – OCTOBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2023

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛЮГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Александр Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Backès)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guijui)**, PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti)**, д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová)**, PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov)**, к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo)**, д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен (Mladen Uhlík)**, PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилија (Emilija Crvenkovska)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2023
© «Вестник Московского университета», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Виноградова Е.Н., Чэнь Сюэцин.</i> Семейства конструкций «по + соматизм» на стыке грамматики, лексикона и фразеологии	9
<i>Яковченко А.А.</i> Подходы к описанию конструкций исключения и добавления в отечественной русистике	25
<i>Алексеев Д.А., Федорова О.В.</i> Откуда на Руси есть пошел запрет на «раннее закрытие»	36
<i>Приходько Е.В.</i> О судьбе гомеровского слова θεοπρόλος	46
<i>Манерко Л.А., Шарипкова А.А.</i> Концептуальные доминанты терминологии морали Джона Локка. Часть 1	57
<i>Лакина С.В.</i> Частотный анализ антропонимов в учебниках по дисциплине «Античная литература»	73
<i>Кихней Л.Г., Темиришина О.Р.</i> «Внутренний образ стиха» и внутреннее слово: «Разговор о Данте» О.Э.Мандельштама в психолингвистической перспективе	86
<i>Гальцова Е.Д.</i> Русские контексты творчества Шарля Мориса	103
<i>Красавченко Т.Н.</i> У истоков британской готики: трагедии Шекспира «Тит Андроник» и «Макбет»	115
<i>Литвиненко Н.А.</i> Байронизм и жоржсандизм в первой половине XIX века — социокультурные мифы романтизма: типология несходства	126
<i>Ахметшин Р.Б.</i> «Другое» время Киселевых (по материалам неопубликованных писем к Чехову)	140
<i>Ибрагимова К.Р.</i> Река и водоворот: «Письмо жены речного торговца»	152
<i>Назарова А.В.</i> Перестройка гендерных моделей в романе Е.Н. Чirikова «Мой роман»	162

КИТАЙСКИЕ ЛИНГВИСТЫ О КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТАХ
КИТАЯ: ВАРИАНТЫ АНАЛИЗА

- Сунь Шуфан, Хэ Янян.* Лингвистический подход к интерпретации концепции «Сообщество единой судьбы человечества» 173
- Ван Сян.* К вопросу о национально-культурной семантике ценности «Ю Шань» (友善) в китайском языке 184

РЕЦЕНЗИИ

- Ранчин А.М.* «Книгам бо есть неизмерная глубина». Рецензия на книгу: Душечкина Е.В. «Строгая утеха созерцанья»: статьи о русской культуре / Сост., отв. ред. Е.А. Белоусова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 808 с. 193
- Трахтенберг Л.А.* Григорьев А.А. Собрание сочинений: В 10 т. / Изд. подг. Б.Ф. Егоров и А.П. Дмитриев. Т. I–III. СПб., 2021–2022 199

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ивинский Д.П., Коровин В.Л.* История русской литературы XVIII века: три конференции на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 204
- Меркулова И.Г.* Вопросы семиотического осмысления африканской литературы 211

ПАМЯТИ...

- Толмачёв В.М.* Александр Николаевич Николюкин 217

CONTENTS

ARTICLES

- Vinogradova E., Xueqing Chen.* Constructions ‘po + Body Part Noun’:
The Crossroads of Grammar, Phraseology and Lexicology 9
- Yakovchenko A.* Approaches to the Description of Exceptive and Additive
Constructions in Russian Studies 25
- Alekseev D.A., Fedorova O.V.* The Origins of the Early Closure Ban in the
Russian Literary Standard 36
- Prikhodko E.V.* On the Fate of the Homeric Word θεοπρόπος 46
- Manerko L.A., Sharapkova A.A.* Conceptual Dominants of John Locke’s
Moral Terminology. Part 1 57
- Lakina S.V.* Frequency Analysis of Proper Names in Textbooks on the
Academic Discipline ‘Classical Literature’ 73
- Kikhney L., Temirshina O.* “The Internal Form of the Verse” and the Inner
Word: Osip Mandelstam’s *Conversation about Dante* in the Psycho-
linguistic Perspective 86
- Galtsova E.D.* Russian Contexts of the Works of Charles Morice 103
- Krasavchenko T.N.* At the Origins of British Gothic: Shakespeare’s Tragi-
edies *Titus Andronicus* and *Macbeth* 115
- Litvinenko N.* Byronism and Georgesandism in the First Half of the 19th
Century as Sociocultural Myths of Romanticism: a Typology of Dis-
tinctivity 126
- Akhmetshin R.B.* The Different Time of the Kiselyevs (on the Materials
of Unpublished Letters to Chekhov) 140
- Ibragimova K.R.* The River and the Vortex: *The River Merchant’s Wife: a
Letter* by Ezra Pound 152
- Nazarova A.V.* The Restructuring of Gender Models in the Novel by E.N.
Chirikov *My Romance* 162

CHINESE LINGUISTS ON CULTURAL CONCEPTS OF CHINA:
VERSIONS OF ANALYSIS

Sun Shufang, He Yangyang. Linguistic Approach to the Interpretation of
the Concept of 'A Community with a Shared Future for Mankind' . . . 173

Xiang Wang. On the National-cultural Semantics of the Value 'You Shan'
(友善) in Chinese 184

REVIEWS

Ranchin A.M. "Innumerable Depth of Books". Dushechkina E.V. "The
Austere Joy of Contemplation": Articles on Russian Culture, compiled
and edited by E.A. Belousova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie,
2022. 808 p. 193

Trakhtenberg L. Grigoryev A.A. Sobranie Sochinenii (Collected Works): In
10 vols. Ed. by B.F. Egorov and A.P. Dmitriev. Vol. I–III. St. Petersburg,
2021–2022 199

ACADEMIC LIFE

Ivinsky D.P., Korovin V.L. History of Russian Literature of the 18th Cen-
tury: Three Conferences at the Faculty of Philology of Lomonosov
Moscow State University 204

Merkoulova I.G. Issues of Semiotic Interpretation of African Literature . . . 211

IN MEMORIAM

Tolmatchoff V.M. Alexandr Nikolayevich Nikolyukin 217

СТАТЬИ

СЕМЕЙСТВА КОНСТРУКЦИЙ «ПО + СОМАТИЗМ» НА СТЫКЕ ГРАММАТИКИ, ЛЕКСИКОНА И ФРАЗЕОЛОГИИ

Е.Н. Виноградова, Чэнь Сюецин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ekaterinavin@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются конструкции, формируемые предложением *по* с существительными-соматизмами, которые, с одной стороны, попадают в сферу интересов фразеологии, лексикологии и грамматики, а с другой, фиксируются в соответствующих фразеологических, лексикологических и грамматических источниках непоследовательно. Для того, чтобы системно описать данный класс языковых фактов, предлагается использовать идеи Грамматики конструкций. Цель работы — выявление и описание основных семейств конструкций, построенных по модели «*по* + соматизм». Исходным материалом для исследования послужили фразеологические словари и словари служебных частей речи, из которых было извлечено 26 конструкций, образованных по указанной модели. Проведенный анализ данных конструкций позволил установить, что они образуют 6 семейств: конструкции уровня (*по поясу*), конструкции высокой степени проявления признака (*по ушам*), наказания (*по шее*), конструкции соответствия (*по плечу*), конструкции безразличия (*побок*), а также темпоральные и локативные конструкции (*по стопам* + р.п., *по бокам от* + р.п.). Далее выделенные семейства конструкций были изучены с помощью корпусного подхода, что позволило их расширить, а также выделить различные структурно-семантические типы внутри семейств. Оказалось, что конструкции «*по* + соматизм» соотносятся с разными частями речи: наречиями, предикативами и предложениями — и претерпевают различные типы изменения (лексикализацию и грамматикализацию соответственно); а конструкция безразличия *побок* находится в процессе прагматикализации. В то же время указывается на возможность объединения данных процессов в более общем процессе конструкционализации.

Ключевые слова: соматизм; предлог *по*; конструкция; наречие; предикатив; предлог

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-1

Для цитирования: Виноградова Е.Н., Чэнь Сюецин. Семейства конструкций «по + соматизм» на стыке грамматики, лексики и фразеологии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 9–24.

CONSTRUCTIONS 'PO + BODY PART NOUN': THE CROSSROADS OF GRAMMAR, PHRASEOLOGY AND LEXICOLOGY

Ekaterina Vinogradova, Xueqing Chen

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ekaterinavin@mail.ru

Abstract: The article deals with constructions formed by Russian preposition *po* and body part nouns. On the one hand, they meet the interests of lexicology, phraseology and grammar and are being studied within these approaches, on the other hand, the data available is not very coherent. In order to provide a systemic description for this cluster of constructions, the ideas of Construction grammar have been applied. The article aims to reveal and scrutinize main families of *po* + body part nouns constructions. We extracted 26 constructions out of phraseological and auxiliary words dictionaries which were used as a source of material. Their analysis has shown that there are 6 families of the constructions in question: level constructions (*po poyas* 'waist-high/deep'), high degree of a feature constructions (*po ushi* 'over head and ears'), punishment constructions (*po shee* 'in the neck'), matching constructions (*po plechu* 'equal'), indifference constructions (*poboku* 'awry'), temporal and locative constructions (*po stopam* 'in the track of', *po bokam ot* 'on the sides of'). The families were studied with corpus data which allowed to enlarge the classes and assign some structure-semantic types within. The constructions correspond to different parts of speech and may be regarded as results of lexicalization, grammaticalization and pragmaticalization; however, they could be also considered as constructionalization effects.

Keywords: body part noun; Russian preposition *po*; construction; adverb; predicative; preposition

For citation: Vinogradova E., Xueqing Chen (2023). Constructions 'po + Body Part Noun': The Crossroads of Grammar, Phraseology and Lexicology. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 9–24.

Грамматика конструкций [Goldberg 2005; Hoffman, Trousdale 2013; Добровольский 2016 и др.] позволяет не только описывать языковые факты, учитывая одновременно различные уровни языка, но и более системно подходить к фиксации и анализу языковых единиц. Цель статьи — выявление и описание основных семейств¹ конструкций, построенных по модели «*по* + соматизм». Для реализации постав-

¹ Термин «семейство» употребляется в духе Грамматики конструкций, ср. [Endresen, Janda 2020].

ленной цели было необходимо собрать единицы данного типа из словарей; классифицировать их в соответствии с их структурно-семантическими особенностями; проанализировать полученные семейства конструкций и дополнить их, опираясь на корпусные данные; выявить и описать подклассы внутри каждого семейства конструкций. В настоящий момент многие конструкции не отмечаются последовательно ни в толковых словарях, ни во фразеологических словарях, ни в грамматических описаниях [Копотев, Стеклова 2017]. Более того, многие из этих конструкций находятся на пересечении сфер интересов грамматики, лексикологии и фразеологии.

В качестве источников материала использовались фразеологические словари [Федоров 1995 (СФ); Жуков, Жукова 2016 (СЖЖ); Баранов, Добровольский 2007 (ТБД)] и лексикографические работы [Ефремова 2001 (СЕ); Шиганова 2003; Бурцева 2010 (СБ); Всеволодова и др. 2018]². С помощью сплошной выборки из источников было получено 26 конструкций, которые стали отправной точкой исследования. Они формируются на основе разных моделей управления предлога *по*:

(а) *по* + соматизм_{в.п.}: *по горло, по пояс, по уши, по шею, по шейку*;

(б) *по* + соматизм_{д.п.}: *по башке, по мозгам, по рукам, по ушам, по шее, по шеям; (не) по зубам, не по носу, (не) по нутру, (не) по плечу, (не) по сердцу, по боку, по боку; по бокам (от), по стопам, по пятам*.

В результате анализа конструкции были разделены на 6 семейств:

- 1) конструкции уровня;
- 2) конструкции высокой степени проявления признака;
- 3) конструкции наказания;
- 4) конструкции соответствия;
- 5) конструкции безразличия;
- 6) локативные и темпоральные конструкции.

Оказалось, что большинство конструкций соотносится по функции с частями речи — наречиями, предикативами и предлогами. Рассмотрим каждое из семейств конструкций отдельно.

1. Конструкции уровня

Подробный анализ конструкций уровня был проведен в [Шеманаева 2008], где убедительно показано, что *по* + соматизм_{в.п.} обозначает меру протяженности или глубины в значении 'вплоть до, достигая чего-н.': *коса по пояс, дел по горло*, причем это всегда приблизительная, а не точная оценка уровня; см. также обусловленные

² В статье не учитываются «единичные» идиомы типа: *что в лоб, что по лбу, по ушам ездить, мороз по коже, мурашки по спине, маслом по сердцу, разобрать по косточкам, ходить по головам* и др.

синтаксемы *по* + в.п. «дименсив» в [Золотова 2001]; значение ‘вплоть до уровня’ в [Иомдин 1991].

В источниках нами были обнаружены следующие конструкции уровня, см. табл. 1.

Таблица 1

Конструкции уровня *по* + соматизм_{в.п.} в словарях

		ТБД	СЖЖ	СЕ	СБ
1	<i>по горло</i>	+	+	наречие (н) 2	н2
2	<i>по пояс</i>	–	–	н	н
3	<i>по уши</i>	+	+ 2 ³	н2	н2
4	<i>по шею</i>	+	–	н2	н2
5	<i>по шейку</i>	–	–	н2	н2

Как видно из табл. 1, в словаре ТБД последовательно указываются только конструкции, употребляемые в переносном значении, в СБ и СУ отмечаются также *по пояс*, *по шейку*, при этом все 5 единиц маркируются как наречия. Ограничивается ли этими лексемами набор соматизмов, образующих данную конструкцию? Так, в [Лингвистика конструкций 2010] как маркеры уровня указываются следующие части тела: *щиколотка*, *колени*, *пояс*, *живот*, *грудь*, *плечо*, *шея*, *горло*, *подбородок*, *глаза*, *уши*, *макушка*, *локоть*, *запястье*.

Реальное функционирование конструкций уровня можно оценить с помощью ранжированного по частотности списка биграмм в НКРЯ, см. табл. 2.

Таблица 2

Топ-10 биграмм (модель *по* + соматизм_{в.п.})

№	Тексты ▼	Вхождения ▼	ирт ▼	Фрагмент
1	1231	1784	4.77	<i>по пояс</i>
2	991	1337	3.57	<i>по колени</i>
3	746	885	2.36	<i>по горло</i>
4	703	847	2.26	<i>по уши</i>
5	445	539	1.44	<i>по локоть</i>
6	374	482	1.29	<i>по грудь</i>
7	208	235	0.63	<i>по щиколотку</i>
8	192	214	0.57	<i>по шею</i>
9	178	204	0.55	<i>по колени</i>
10	156	190	0.51	<i>по брюхо</i>

³ Цифрой помечено число выделяемых значений.

Из табл. 2 видно, что наибольшую частотность демонстрирует конструкция *по пояс*, не имеющая переносного значения, далее⁴ следуют *по горло*, *по уши*⁵ и более редкое *по шею*, системно отмечаемые во фразеологических словарях, а также не имеющие переносных значений *по грудь*, *по щиколотку*, *по колени*, *по брюхо*. Думается, что эти единицы также являются «кандидатами в наречия», как и другие возможные конструкции с более низким *ipm*: *по плечи* — 0,39, *по плечо* — 0,33, *по локти* — 0,09, *по щиколотки* — 0,06, *по макушку* — 0,06.

Таким образом, можно говорить об активном процессе лексикализации, которому подвергаются данные конструкции, пополняющие лексикон русского языка, в этом отношении далеко не случайным представляется их отнесение к наречиям в СЕ и СБ. Во фразеологических словарях конструкции уровня справедливо не отмечаются, но учитываются переносные употребления — конструкции высокой степени проявления признака.

2. Конструкции высокой степени проявления признака

Некоторые конструкции уровня подвергаются структурно-семантическим модификациям и образуют конструкции высокой степени проявления признака: *по горло*, *по уши*, *по шею*, что объясняет их высокую частотность (табл. 2) и системную отмеченность в словарях (табл. 1). Для конструкций *по пояс*, *по шейку*, *по грудь*, *по щиколотку* и др. подобных модификаций не отмечается. В [Шеманаева 2005] охарактеризованы метафорические переносы *по горло*, *по уши* и *море по колено*.

Анализ языкового материала показал, что единицы *по горло*, *по уши* и *по шею* со значением высокой степени проявления признака способны выступать в наречных и предикативных конструкциях.

2.1. Наречные конструкции *по горло*, *по уши*, *по шею* в значении 'сильно, очень'.

(1) Я <...> вдруг оказался **по горло** занят [НКРЯ. В. Белоусова. 2000];

(2) Рита **по уши** была занята в школе [НКРЯ. И. Грекова. 1980];

(3) <...> японцы, когда берут деньги, не думают долго, а когда завязнут **по шею** в долгах у англичан, их судьба будет не лучше Египта [НКРЯ. Н. Гарин-Михайловский. 1898].

2.2. Предикативные конструкции:

2.2.1. Кто по горло / по уши / по шею в чем:

⁴ По колено и по локоть входят в более крупные фраземы *море по колено* и *руки по локоть в крови*, поэтому данные табл. 2 для них не показательны.

⁵ Отметим перенос словесного ударения на предлог в конструкциях *по уши*, *по боку* и (необлигаторно) (*не*) *по сердцу*; на окончание сущ. — *по шеям*.

(4) *Да и собирались редко, <...> каждый по горло в своих делах* [НКРЯ. М. Тарковский. 2003];

(5) — *Алечка, не волнуйся: он у меня по уши в долгах* [НКРЯ. В. Маканин. 1977];

(6) — *Даже моего супруга? — Супруг по шею в текучке. Журнал и только журнал* [НКРЯ. В. Корнилов. 1969–1971].

2.2.2. *У кого/где по горло / по уши / по шею чего:*

(7) *И смотрит на Гуль, будто говорит: отвечай скорее, у меня и без того дел по горло* [НКРЯ. Д. Сабитова. 2011];

(8) — *У него сейчас по уши проблем с черной воронкой* [НКРЯ. С. Лукьяненко. 1998];

(9) *Рано же утром ему надо ехать на работу, и дел дома, говорит, по шею* [НКРЯ. В. Савельев. 1976].

Таким образом, обнаружено три типа конструкций высокой степени проявления признака с соматизмами *по горло*, *по уши*, *по шею*: одна соотносимая с функцией наречия, и две — с функцией предикатива. На данный момент в лексикографических источниках эти конструкции либо фиксируются только как наречия (СЕ, СБ), либо упоминается лишь одна из конструкций (ТБД; СЖЖ).

3. Конструкции наказания

(дать / получить) по + соматизм_{д.п.}

Конструкции наказания отмечаются в ТБД: *дать (кому-л.) / получить по башке, по мозгам, по рукам, по ушам, по шее, по шеям*; в СЕ *по шее* и *по шеям* маркируются как междометия⁶ и предикативы со значением ‘произнесение требования выгнать, прогнать кого-л. откуда-л. как действие’. В [Золотова 2001] подобное употребление предлога *по* отнесено к связанным синтаксемам с объектным значением, а в [Июмдин 1991] обозначено как «валентность пациенса предикатного слова X». Данные НКРЯ (табл. 3) показывают, что наряду с указанными соматизмами в этой модели выступают также *по морде, голове, физиономии, затылку, зубам, роже*, которые могут иметь сходное переносное значение.

(10) *Из-за политических баталий бизнесмена-учредителя с местными властями страдают журналисты: шансов получить по голове за заказные статьи куда больше, чем за объективные материалы* [НКРЯ. «Русский репортер». 2010];

⁶ В СЕ не приводятся иллюстрации, но, видимо, имеются в виду употребления типа: — *А вот за это — по шее!* — *раздается над ними сердитый возглас* [НКРЯ. Н. Дубов. 1966].

Топ-10 соматизмов в конструкции *дать по + сущ.*

Слово З Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
морда	83	28,14%	[23,31%, 33,52%]	0,22	Примеры
шея	38	12,88%	[9,53%, 17,19%]	0,1	Примеры
рука	24	8,14%	[5,53%, 11,82%]	0,06	Примеры
башка	22	7,46%	[4,98%, 11,03%]	0,06	Примеры
ухо	19	6,44%	[4,16%, 9,84%]	0,05	Примеры
голова	18	6,1%	[3,89%, 9,44%]	0,05	Примеры
физиономия	14	4,75%	[2,85%, 7,81%]	0,04	Примеры
затылок	13	4,41%	[2,59%, 7,39%]	0,03	Примеры
зуб	12	4,07%	[2,34%, 6,97%]	0,03	Примеры

(11) Возомнила про себя, что невица — и вот получила **по мордам** [НКРЯ. «Знамя». 2005];

(12) Декаденту государство может **дать по затылку** в раздражении, коленкой в зад пихнуть [НКРЯ. В. Гроссман. 1960];

(13) Комиссар <...> устало улыбается и отвечает уверенно: «Под Москвой враг получит **по зубам!**» [НКРЯ. «Дальний Восток». 2019].

Думается, что целесообразно расширить число реализаций данной конструкции, включив в них *по голове, по морде / по мордам, по затылку, по зубам*.

4. Конструкции соответствия

кому (не) по + соматизм_{д.п.} что

Конструкции соответствия непоследовательно отмечаются в словарях (см. табл. 4): так, только в одном словаре зафиксировано *не по плечу*, а во всех словарях отмечена только одна конструкция *не по зубам*. В [Золотова 2001] они включены в обусловленные синтаксемы «коррелятив» наряду с наречиями типа *по заслугам, по моде, по уму*; в [Июмдин 1991] выделяются фразеологические сочетания *Р не по X* 'действие или ситуация Р человеку X не нравится или не под силу'.

Данные конструкции могут выступать в качестве наречий и предикативов, при этом для предикативов более характерны отрицательные модификации, см. [Виноградова 2023]. О частотности конструкций соответствия судить достаточно сложно в связи со

значительным количеством прямых употреблений соматизмов в данной предложно-падежной форме.

Таблица 4

Конструкции *кому (не) по + соматизм*_{д.п.} *что* в словарях⁷

		СФ	СЖЖ	ТБД	СЕ	СБ
1	<i>не по зубам</i>	+	+	+	в знач. сказ. (с)	с
2	<i>не по носу</i> ⁷	-	-	-	с	с
3	<i>не по нутру</i>	-	-	+	с	с
4	<i>не по плечу</i>	-	-	-	с	-
5	<i>не по сердцу</i>	-	-	+	нареч., с	с
8	<i>по зубам</i>	-	-	-	с	с
9	<i>по нутру</i>	-	-	-	с	с
10	<i>по плечу</i>	-	+	+	с	с
11	<i>по сердцу</i>	-	-	+	нареч., с	нареч., с

Безусловно, предикативные конструкции соответствия включают также несоматические сущ.: *(не) по вкусу, (не) по возрасту, (не) по годам, (не) по душе, (не) по карману, (не) по летам, (не) по нраву, (не) по росту, (не) по силам, (не) по средствам* и под.

Рассматриваемая конструкция формирует 2 семантических типа.

4.1. Кому (не) по зубам, (не) по плечу что со значением ‘(не) соответствует чьим-либо возможностям’:

(14) **Не по зубам тебе это, даже если ты и прав** [НКРЯ. «Юность». 1961];

(15) — Дело сложное, **по зубам** только мне, Плевако и профессору Фуксу [НКРЯ. «Ковчег», 2012];

(16) Александр Блок когда-то заметил, что «искусство, как и жизнь, слабым **не по плечу**» [НКРЯ. «Дальний Восток». 2019];

(17) **Им по плечу** любые проблемы мировой научной и технической мысли [НКРЯ. В. Гроссман. 1960].

4.2. Кому (не) по нутру, (не) по сердцу что и редкая/устаревшая⁸ кому **не по носу** что со значением ‘(не) нравится, соответствует чьим-либо требованиям’:

⁷ Конструкция *по носу* справедливо, судя по отсутствию примеров ее употребления в НКРЯ, не фиксируется в словарях.

⁸ Данные НКРЯ свидетельствуют об уменьшении количества употреблений конструкции *не по носу* после 1960 года. Однако низкий *ipm* 0,07 не позволяет сделать убедительных выводов относительно особенностей ее функционирования.

(18) Знаю я, знаю, что вам **не по нутру** мои слова [НКРЯ. А. Островский. 1860];

(19) — Нет, — признался Марло, — хотя мне **по нутру** возбуждение, которое она с собой несет [НКРЯ. Ю. Нагибин. 1972–1979];

(20) — И отчего тебе **не по сердцу** наша забава? [НКРЯ. М. Семёнова. 2003]

(21) **По сердцу** была и Эстляндия, мызы ее, шпили Ревеля [НКРЯ. Ю. Давыдов. 1988–1989];

(22) <...> это тот самый Дени, который в 1917 и 1918 г. рисовал для «Сатирикона» такие рисунки, которые большевикам были совсем **не по носу** [НКРЯ. Н. Окунев. 1922].

Рассматриваемые сочетания с соматизмами чаще употребляются в качестве предикативов (14–22), однако обнаружены примеры их использования в функции наречия (23–25). Для группы 4.2. большинство наречных употреблений зафиксировано с полусвязочными глаголами *приходиться/прититься* (26–27).

(23) С ними, Виталья, так: погибает тот, кто полез на добычу **не по зубам** [НКРЯ. «Знамя», 2006];

(24) А я-то <...> и руки марасть не стану, мне давай дело **по плечу** [НКРЯ. «Ковчег». 2013];

(25) Рослый парень Франц встретил и девушку **по сердцу** — невысокую белошвейку — москвичку Настю [НКРЯ. «Наш современник». 2003];

(26) Словом, кому-то Сидоров пришелся **не по нутру** [НКРЯ. А. Рыбаков. 1975–1977];

(27) Думаю, новым читателям они также придутся **по сердцу** [НКРЯ. «Знание — сила». 2013].

Таким образом, представляется релевантным более последовательно выделять данные конструкции в словарях и учитывать, что они могут употребляться в функции как предикатива, так и наречия.

5. Конструкции безразличия *побоку* / *по боку*

Конструкция *по боку* выделяется в СФ и ТБД, *побоку* отмечается в качестве наречия и предикатива в СЕ и СБ, в СЕ она маркируется также как междометие. В [Июмдин 1991] сходная конструкция безразличия *Р по фигу X-у* указывается среди фразеологических сочетаний. В НКРЯ частотность употребления *побоку* составляет 0,61 ipm. Конструкция обладает ярко выраженным прагматическим значением ‘неважность, отсутствие значимости, ценности’ и реализуется в двух типах моделей.

5.1. Близкое к наречию **по боку** *кого / что* в значении ‘в сторону, прочь’:

(28) *А тут выходит — интеллигенцию по боку, не нужна* [НКРЯ. В. Корнилов. 1969–1971];

(29) *С золотом и пустыню можно по боку* [НКРЯ. П. Бажов. 1945].

5.2. Предикатив по боку кто / что со значением ‘безразлично, не обращая внимания’:

(30) *Но он по боку, любовь ведь не должна, видите ли, считаться ни с чем* [НКРЯ. В. Бибахин. 1975–1977];

(31) — *Стало быть, дом и ребенок — по боку?* [НКРЯ. «Семейный доктор». 2003].

Тенденция к слитному написанию (рис. 1) может свидетельствовать об активной прагматикализации. Кроме того, *побоку / по боку* может употребляться в качестве дискурсивных формул [Виноградова 2023; Рахилина и др. 2021].

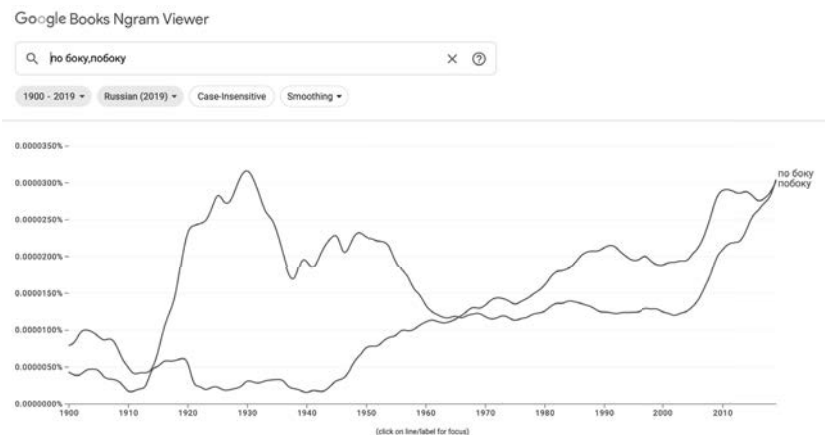

Рис. 1. Распределение по годам орфографических вариантов *по боку* и *побоку*.

Таким образом, *по боку / побоку* входит в отдельное семейство разговорных конструкций (*по барабану, по фигу, пофиг, поф* и др.), пополняющееся путем прагматикализации из ранее лексикализовавшихся наречий и предикативов.

6. Локативные и темпоральные конструкции (предложные единицы по + соматизм)

Предлог *по*, сочетаясь с релятивными сущ., системно «производит» отыменные предложные единицы (ПЕ): *по адресу, по аналогии, по линии, по мере, по направлению, по отношению, по поводу, по примеру, по причине, по пути* и др., а также грамматикализовавшиеся *поблизости, поверх, позади, поодаль от, поперек, посередине*. В свою очередь, соматизмы, как известно, являются регулярным

источником грамматикализации предлогов [Svorou 1994; Heine, Kuteva 2002; Конюшкевич 2010; Виноградова 2016 и др.]. Анализ словарей позволил выявить несколько ПЕ.

6.1. ПЕ *по* + соматизм_{д.п.} (*от*) выражают темпоральные и локативные отношения.

Таблица 5

Предложные конструкции *по* + соматизм_{д.п.} + р.п. в словарях

ПЕ	[Шиганова]	СЕ	СБ
<i>по бокам</i>	–	–	+
<i>по бокам от</i>	–	–	+
<i>по стопам</i>	+	+	+
<i>по пятам</i>	+	наречие	наречие

Отметим, что почти все рассматриваемые ПЕ полифункциональны и способны выступать также в качестве наречий. Так, для *по стопам* преобладают предложные употребления — 0,67 ipm (наречных — 0,11 ipm), в то время как *по пятам* имеет значительно больше наречных употреблений — 3,33 ipm (предложных — 0,26 ipm).

Как видно из табл. 5, во всех изученных словарях отмечен только темпоральный предлог *по стопам* + р.п., данные НКРЯ подтверждают также употребления *по пятам* + р.п. и в функции предлога.

(32) *А между тем открытие графена стало «нобелевским» чуть не мгновенно, хотя буквально по стопам этой премии начали уже появляться статьи <...>* [НКРЯ. «Знание-сила». 2013];

(33) *Когда-то по пятам событий слагались исторические песни и легенды* [НКРЯ. «Синтаксис». 1978].

Отметим, что (*идти*) *по стопам* выделяется также в СФ и ТБД, *по пятам* — в ТБД, это пересечение грамматических и фразеологических источников.

По данным НКРЯ, локативная конструкция *по бокам (от)* + р.п. системно употребляется в функции предлога:

(34) *Они стали по бокам занавески, и между ними прошел их начальник в черном костюме* [НКРЯ. В. Драгунский. 1963];

(35) *На переднем плане, по бокам от главной сцены, изображены мальчик-подросток и самая младшая девочка* [НКРЯ. И. Деспот-Юрасовская. 2012].

6.2. Во [Всеволодова и др. 2018] упоминается еще несколько локативных ПЕ *по* + соматизм_{в.п.}: *по левую/правую руку (от)* + р.п., *по обе руки (от)* + р.п., не отмечаемых в других словарях. В [Иом-

дин 1991] фиксируются наречные речения *X-овать по Z-й Y от W* 'быть расположенным способом X с Z-й стороны от предмета или линии W', где позицию Y могут занимать сущ. *сторона* и *рука*. Думается, что наличие актанта W в толковании может свидетельствовать о функционировании данных единиц в качестве предлога. В [Золотова 2001] же выделяется свободная лексически ограниченная синтаксема типа «локатив».

(36) *По левую руку от фасада стоит каменная кафедра* [НКРЯ. Милан. 2014];

(37) *На почетном месте во главе стола по правую руку хозяина сидел знатный приезжий гость* [НКРЯ. В. Шаламов. 1954–1961];

(38) *Тоска и страх стояли по обе руки от меня, тоска и страх...* [НКРЯ. Д. Рубина. 1986];

(39) *Так с тех пор и стоят — по обе руки Нуля* [НКРЯ. А. Асмолов. 2015].

Таблица 6

Частотность предложных единиц *по* + соматизм_{в.п.} + (*от*) + р.п.

ПЕ	ipm	ПЕ	ipm
<i>по левую руку</i>	0,12	<i>по левую руку от</i>	0,3
<i>по правую руку</i>	0,21	<i>по правую руку от</i>	0,49
<i>по обе руки</i>	0,002	<i>по обе руки от</i>	0,01

Данные НКРЯ (табл. 6) демонстрируют эпизодичное употребление ПЕ *по обе руки (от) + р.п.*, более частотное употребление ПЕ с предлогом *от* в постпозиции, а также преобладание ПЕ *по правую руку (от)* по сравнению с ПЕ *по левую руку (от)*.

ПЕ *по стопам, по пятам, по бокам (от); по левую/правую руку (от), по обе руки (от)* еще не полностью перешли в предлоги, они находятся на одной из стадий процесса грамматикализации, однако могут функционировать в качестве предлога и входят в функционально-грамматическое поле предлога.

Заключение

Представленное в статье описание отражает, безусловно, лишь один из этапов исследования: каждое семейство конструкций требует дальнейшего изучения, при этом выбор соматизмов в качестве объекта искусственно ограничивает рамки семейств: в конструкции входят и другие лексемы. Наша цель заключалась в демонстрации возможности системного и последовательного описания конструкций с помощью корпусных данных в рамках Грамматики конструкций.

Особый интерес для нас представляли процессы, лежащие в основе эволюции данных конструкций: грамматикализация для предлогов, лексикализация для наречий и предикативов и прагматикализация для *побоку*. Однако, возможно, релевантно и применение обобщающего термина «конструкционализация» для характеристики процесса появления конструкций, ср. [Traugott, Trousdale 2014].

На наш взгляд, в настоящее время возникла необходимость интеграции лексикологических, фразеологических и грамматических исследований, подобное разноуровневое описание предполагает Грамматика конструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградова Е.Н.* Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.
2. *Виноградова Е.Н.* Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) // Вопросы языкознания. 2023. № 1. С. 54–87.
3. *Добровольский Д.О.* Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
4. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2001.
5. *Иомдин Л.Л.* Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991. С. 94–120.
6. *Конюшкевич М.И.* Соматизмы в функции предлога (К вопросу о границах категории персональности) // 36. наук. праця: Лінгвістичні студії / А. Загнітко (наук. ред.). Вип. 20. Донецьк, 2010. С. 79–86.
7. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М., 2010.
8. *Копотев М.В., Стеклова Т.И.* Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: 2017.
9. *Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю.* Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27.
10. *Шеманаева О.Ю.* Конструкции измерения уровня с предлогом ПО в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005» / Под ред. И.М. Кобозевой и др. М., 2005. С. 514–520.
11. *Шеманаева О.Ю.* «Снег рыхлый по колено ей...»: семантические особенности конструкции измерения уровня с предлогом по в русском языке // Вестник РГГУ (Московский лингвистический журнал). 2008. № 6. С. 120–156.
12. *Endresen A., Janda L.* Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian // *Frontiers in Psychology*. 2020. № 11. Article 574353.
13. *Goldberg A.* *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language.* Oxford, 2005.
14. *Heine B., Kuteva T.* *World lexicon of grammaticalization.* Cambridge, 2002 (Kindle edition).
15. *Hoffman Th., Trousdale Gr. (eds.)*. *The Oxford handbook of Construction Grammar.* Oxford, 2013.

16. Svorou S. The grammar of space. Amsterdam, 1994.
17. Traugott E. Toward a constructional framework for research on language change. *Cognitive Linguistic Studies*, 2014, 1 (1), pp. 3–21.
18. Traugott E.C., Trousdale Gr. *Constructionalization and Constructional Changes*. Oxford Studies in Diachronic and Historical Linguistics. Oxford, 2013.

ИСТОЧНИКИ

- ТБД — Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (ред.) *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8 000 идиом*. М., 2007.
- СБ — Бурцева В.В. *Словарь наречий и служебных слов русского языка*. М., 2010.
- Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления*. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М., 2018.
- СЕ — Ефремова Т.Ф. *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. М., 2001.
- СЖЖ — Жуков А.В., Жукова М.Е. *Словарь современной русской фразеологии*. М., 2016.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru
- СФ — Федоров А.И. (ред.) *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.* М., 1995.
- СШ — Шиганова Г.А. *Релятивные фразеологизмы русского языка*. Челябинск, 2003.

REFERENCES

1. Vinogradova E. N. Grammatikalizatsiya v russkom yazyke: ot formy sushchestvitel'nogo k predlogu (na materiale somatizmov) [Grammaticalization in Russian: From noun to preposition (a case study of body part names)]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 1, pp. 25–50. (In Russ.)
2. Vinogradova E.N. Grammatikalizatsiya, leksikalizatsiya i pragmatikalizatsiya (na materiale konstruksii, vklyuchayushchikh predlog PO) [Grammaticalization, lexicalization and pragmatization (a case of Russian constructions including preposition PO)]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1, pp. 54–87. (In Russ.)
3. Dobvol'skii D.O. Grammatika konstruksii i frazeologiya [Construction Grammar and Phraseology]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 3, pp. 7–21. (In Russ.)
4. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar'. Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [A syntactic dictionary. A Repertoire of Elementary units of Russian syntax]. Moscow, Editorial URSS, 2001. 440 p. (In Russ.)
5. Iomdin L.L. Slovarnaya stat'ya predloga PO [A dictionary article of preposition PO]. *Semiotika i informatika*, 32. Moscow: VINITI Publ., 1991, pp. 94–120. (In Russ.)
6. Konyushkevich M.I. Somatizmy v funktsii predloga (K voprosu o granitsakh kategorii personal'nosti) [Body part names functioning as a preposition (towards the borders of personality category)]. Zagnitko A. (ed). *Linguistic Studies*. Issue 20. Donetsk, Donetsk National University Publ., 2010, pp. 79–86. (In Russ.)
7. Kopotev M.V., Steksova T.I. *Isklyuchenie kak pravilo: Perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: Intermediate entities in grammar and dictionary]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2017, 168 p. (In Russ.)
8. *Lingvistika konstruksii* [Construction linguistics]. E.V. Rakhilina (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 584 p. (In Russ.)

9. Rakhilina E.V., Bychkova P.A., Zhukova S.Yu. Rechevye akty kak lingvisticheskaya kategoriya: diskursivnye formuly [Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2, pp. 7–27. (In Russ.)
10. Shemanaeva O.Yu. Konstruktsii izmereniya urovnya s predlogom PO v russkom yazyke [Russian Level constructions with preposition PO]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog'2005»*. I.M. Kobozeva et al. (eds). Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 514–520. (In Russ.)
11. Shemanaeva O.Yu. «Sneg rykhlji po koleno ei...»: semanticheskie osobennosti konstruktsii izmereniya urovnya s predlogom po v russkom yazyke [“The loose snow is up to her knee”: semantic peculiarities of Russian level constructions with preposition po]. *Russian State Humanitarian University Bulletin (Moscow Linguistic Journal)*, 2008, 6, pp. 120–156. (In Russ.)
12. Endresen A., Janda L. Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian. *Frontiers in Psychology*, 2020, 11. Article 574353.
13. Goldberg A. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford, Oxford University press, 2005. 280 p.
14. Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002 (Kindle ed.).
15. Hoffman Th., Trousdale Gr. (eds.). *The Oxford handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 586 p.
16. Svorou S. *The grammar of space*. Amsterdam: John Benjamins, 1994. 290 p.
17. Traugott E. Toward a constructional framework for research on language change. *Cognitive Linguistic Studies*, 2014, 1 (1), pp. 3–21.
18. Traugott E. C. Trousdale Gr. *Constructionalization and Constructional Changes*. Oxford Studies in Diachronic and Historical Linguistics. Oxford, Oxford University press, 2013. 304 p.

SOURCES

- Baranov A.N., Dobrovolskii D.O. (red.) *Slovar' tezaurusov sovremennoi russkoi idioma-tiki: okolo 8 000 idiom* [A Thesaurus dictionary of modern Russian idiomacity: around 8 000 idioms]. Moscow, Mir entsiklopedii Avanta+ Publ., 2007. 1135 p. (In Russ.)
- Burtseva V.V. *Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [A Dictionary of Russian Adverbs and Auxiliary words]. Moscow, Russkii yazyk, Media; Drofa Publ., 2016. 750 p. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob'ektivnuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinits. Kniga 1.* [Russian prepositions and units of prepositional kind. Materials for a functional grammatic description of real usage: Introduction to fact-based grammar and lexicography of Russian prepositional units. Book 1]. Moscow, URSS Publ., 2014. 304 p. (In Russ.)
- Efremova T.F. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [A defining dictionary of Russian auxiliary parts of speech]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 863 p. (In Russ.)
- Zhukov A.V., Zhukova M.E. *Slovar' sovremennoi russkoi frazeologii* [A dictionary of modern Russian Phraseology]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 416 p. (In Russ.)
- NKRYA — Russian National Corpus. www.ruscorpora.ru

- Fedorov A.I. (ed.) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX vv.* [A phraseological dictionary of Russian literature language at the end of XVIII–XX cc.]. Moscow, Topikal Publ., 1995. 608 p. (In Russ.)
- Shiganova G.A. *Relyativnye frazeologizmy russkogo yazyka* [Russian Relative Phraseological units]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Publ., 2003. 306 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 02.04.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 02.04.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРАХ

Виноградова Екатерина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ekaterinavin@mail.ru

Чэнь Сюецзин — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina Vinogradova — PhD, Associate Professor; Department of Russian Language for Foreign Students of Humanitarian Faculties, Lomonosov Moscow State University

Xueqing Chen — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ КОНСТРУКЦИЙ ИСКЛЮЧЕНИЯ И ДОБАВЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РУСИСТИКЕ

А.А. Яковченко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Anastasia.yakovchenko@gmail.com

Аннотация: В данной статье представлен аналитический обзор отечественных работ, в которых исследуются конструкции исключения (например, *На день рождения пришли все мои одноклассники, кроме Ивана*) и добавления (например, *Кроме Ивана, на день рождения пришли все мои одноклассники*) в русском языке. Основными целями данной работы является сопоставление различных точек зрения, а также выявление некоторых не отмеченных ранее особенностей функционирования данных конструкций в русском языке. В разделе 1 обсуждаются показатели, маркирующие добавление или исключение. Раздел 2 посвящен членам данных конструкций. В разделе 3 рассматривается вопрос о полисемии *кроме*, а также примеры неоднозначной интерпретации этого слова. В разделе 4 ставится под сомнение частеречная принадлежность *кроме*, обсуждается возможность отнесения данной лексемы к функциональному классу коннекторов. В заключении представлены выводы, полученные в результате проведенного анализа описаний указанных конструкций.

Ключевые слова: конструкции исключения; конструкции добавления; русский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-2

Для цитирования: Яковченко А.А. Подходы к описанию конструкций исключения и добавления в отечественной русистике // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 25–35.

APPROACHES TO THE DESCRIPTION OF EXCEPTIVE AND ADDITIVE CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN STUDIES

Anastasia A. Yakovchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Anastasia.yakovchenko@gmail.com

Abstract: This article presents a review of papers describing exceptive (e.g. *All my classmates came to the birthday party, except for Ivan*) and additive (e.g. *Besides*

Ivan, all my classmates came to the birthday party) constructions. The main aims of this work are to compare different points of view, as well as identify some features of functioning of these constructions in the Russian language that were not mentioned before. Section 1 discusses the markers of addition or exclusion. Section 2 is devoted to the constituents of the constructions. Section 3 deals with the issue of monosemy and polysemy of *krome* 'except; besides', as well as examples of ambiguous interpretation of *krome*. Section 4 raises the question what part of speech *krome* belongs to and the possibility to include *krome* into the functional class of connectors.

Keywords: exceptive constructions; additive constructions; Russian language

For citation: Yakovchenko A. (2023) Approaches to the Description of Exceptive and Additive Constructions in Russian Studies. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 25–35.

В данной работе будут рассмотрены конструкции, с помощью которых носители русского языка в рамках одного предложения выражают значение исключения элемента из некоторого множества (например, *Все пришли, кроме <за исключением, не считая...> Ивана*), а также конструкции добавления (*Кроме <помимо...> Ивана, пришли еще мои одноклассники*). Несмотря на то, что конструкциям исключения и добавления в русском языке посвящено большое количество работ, многие вопросы остаются дискуссионными, в связи с чем сопоставление существующих в лингвистике представлений о единицах, выражающих значения исключения и добавления в русском языке, является актуальной задачей.

1. Конструкции исключения и добавления: показатели

В Новом объяснительном словаре в статье [Апресян 2004б] единица *кроме* рассматривается как две различные лексемы с антонимичными значениями: *кроме 1* со значением исключения и *кроме 2* со значением добавления.

(1) *На день рождения пришли все мои одноклассники, кроме Ивана — 'за исключением'.*

(2) *Кроме Ивана, пришли еще мои одноклассники — 'в добавление'.*

Единица *кроме 1* приводится в одном синонимическом ряду со словами *за вычетом, за исключением, если не считать, не считая 2*, при этом *кроме 1* имеет самое широкое значение из всех синонимов ряда. Единица *кроме 2* приводится в одном синонимическом ряду со словами *помимо 1, не считая 1, не говоря (уже <уж>)* о и максимально сближается со словом *помимо*: обе лексемы отличаются от других синонимов ряда почти полным отсутствием оценочных коннотаций.

В работе [Оскольская 2011] как показатель исключения рассматривается предлог *помимо*. В [Инькова, Манзотти 2019] значение исключения у *помимо* не усматривается. Стоит отметить, что в НКРЯ встречаются примеры как с положительным, так и с отрицательным универсальным квантификатором, подтверждающие его употребление в конструкциях исключения:

(3) *Но вся остальная страна, помимо двух западных военных округов, жила обычной жизнью...* [И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний (1995)],

поэтому вполне возможно рассматривать данную единицу как показатель не только добавления, но и исключения.

В [Инькова, Манзотти 2019] приведены еще такие маркеры исключения, как *кроме как* и *кроме того, что*. С ними сближается по значению маркер *разве что* (с вариантами *разве только* и *разве лишь*):

(4) *Фирменных офлайн-касс авиакомпаний почти нигде не осталось (разве что в аэропортах)* [В. Дятликович. Жертвы е-лихорадки // Русский репортер (2014)].

О.Ю. Инькова и Э. Манзотти отмечают, что *разве* и его производные придают исключаемому элементу статус гипотезы и понять, какое именно значение — исключение или ограничение — выражают показатели с элементом *разве*, не так просто, так как эти два значения семантически близки. Они полагают, что в пользу трактовки *разве* и его производных как показателей ограничения говорит их возможность сочетаться с показателями исключения, не создавая семантической избыточности: ср. *за исключением разве что, разве что кроме* и т. д., в то время как обычные показатели исключения не сочетаются между собой: **за исключением кроме*.

Итак, некоторые показатели могут выражать как исключение из множества, так и включение в него. Однако нам не встретилось ни одной работы, в которой была бы описана многозначность союза *кроме как*. При этом в НКРЯ и в сети Интернет встречается достаточно много примеров, демонстрирующих употребление данного союза в конструкции добавления, напр.:

(5) *Ведь кроме как головой, мы можем думать еще и сердцем, и животом* [О. Шотландия. Рейки — путь мастерства // Пятое измерение (2002)].

Очевидно, что состав показателей исключения и добавления требует дальнейшего уточнения.

2. Члены конструкций

В статье [Левин 1956] описывается структурная особенность данных конструкций: предлог *кроме* функционирует не на уровне словосочетания, а в составе трехчленной предложной конструкции.

Это находит отражение в работах лингвистов, однако члены конструкций исключения и добавления обозначаются в них по-разному. Так, в [Кравченко 2000] вслед за [Леоненко 1971] используются термины **предложно-надежный оборот** (сопоставляемый член, маркированный предлогом) и **свободный сопоставляемый член** (немаркированный), а предикат обозначается как **общий член**.

В [Апресян 2004б] в конструкциях исключения данные компоненты называются **правилом** и **исключением**, к которым некоторый предикат относится с противоположными полярностями, причем характерно, что под общее правило подпадает большая часть элементов множества, под исключение — меньшая, и при этом и правило, и исключение обязательно выражаются эксплицитно. В.Ю. Апресян замечает, что синонимы рассматриваемого ряда различаются по относительной важности правила и исключения для оценки ситуации. Так, например, невозможно употребление *<если не считать, не считая>* в постпозиции, так как они характеризуют элементы, составляющие исключение, как нечто незначительное, несущественное.

(5) **Я от него ничего не видела, <если не считать, не считая> издевательств и унижений.*

В конструкциях добавления компоненты названы автором **фоновой** и **центральной ситуациями**, и указано, что те же компоненты вводят и все синонимы ряда *кроме* в значении добавления, причем обе ситуации входят в ассерцию и обязательно упоминаются эксплицитно, а их сумма оценивается как нечто значительное.

В работе [Оскольская 2011] используется, на наш взгляд, наиболее удачная терминология. В конструкциях исключения выделяются следующие компоненты: **выделенный элемент**, **ассоциированное множество** и **предикат**. Так, в примере (1) выделенный элемент *Иван* исключен из ассоциированного множества *все мои одноклассники*. Кроме того, в ситуации исключения есть некий предикат, который относится к выделенному элементу с одной полярностью, а к ассоциированному множеству — с противоположной полярностью¹. Автор также отмечает противопоставление главной части предложения и выделенного элемента и считает, что наличие контраста в конструкциях исключения может быть сформулировано как противопоставление ожидаемой и непредсказуемой информации (противопоставление более выделенного и более доступного участников).

¹ Ср. идею о противоположной импликатуре, обсуждаемую в [Инькова, Манзотти 2019: 218].

В конструкциях добавления С.А. Оскольская выделяет те же компоненты. К выделенному элементу добавляется ассоциированный элемент, к обоим элементам относится один и тот же предикат с одинаковой полярностью. В ряде работ (см., напр. [Апресян 2004б; Vostrikova 2019]) отмечается, что в подобных конструкциях семантика добавления часто эксплицируется дополнительными словами в главной части предложения: акцентирующими частицами, союзами и их аналогами либо контекстуальными средствами (например, *еще, и, и еще, еще и, также, также и*).

3. Значение *кроме*

Как уже упоминалось выше, лексема *кроме* может выражать значения 'за исключением' и 'в добавление'. Однако границы между конструкциями исключения или добавления могут быть размытыми, а часть примеров (хотя и небольшая) не попадает однозначно в ту или иную группу. В данном разделе рассматривается вопрос о полисемичности *кроме*, а также примеры неоднозначной интерпретации и способы их решения.

3.1. Вопрос о полисемичности *кроме*

В академических словарях современного русского языка для слова *кроме* общепринятым является выделение двух в некотором роде антонимичных значений: «за исключением» и «в добавление» (см., напр., [БАС; МАС]). Многие работы, описывающие *кроме*, в значительной мере были посвящены разведению этих значений [Левин 1956; Маловичко 1987; Кравченко 2000; Апресян 2004а, б].

Однако в ряде работ утверждается, что *кроме* имеет лишь одно значение [Жажа 1979, Богуславский 2008]. В статье [Богуславский 2008] отмечается, что *кроме* имеет одно значение, но может употребляться в разных функциях. Автор считает, что *кроме* на самом деле маркирует раздельность двух подмножеств, при этом не уточняет, как данные подмножества соотносятся с предикатом — с положительной или отрицательной полярностью.

В статье [Оскольская, Холодилова 2009: 195] предлагается следующее логическое построение, которое позволяет объединить два значения лексемы *кроме* в одно: при обоих употреблениях *кроме* фигурирует одинаковый набор участников — «есть некоторое множество [А], которое вычитается из другого множества [В], а оставшееся множество [С] входит в множество [В]. Так, в примере *Я пригласил весь класс [В], кроме Пети и Маши [А]* реализуется значение *кроме* 'за исключением', а в примере *Кроме Пети и Маши [А], я пригласил еще свой класс [С]* — 'добавление'. При этом именная группа с предлогом *кроме* в обоих случаях представляет вычитаемое

множество [A]. Что касается выбора одного из элементов, то в данном случае зависит от говорящего, какой элемент будет вычитаться из множества.

3.2. Примеры неоднозначной интерпретации *кроме*

В [Апресян 2004а: 19] приводится следующий пример: *Кроме Пети, Машу пришли поздравить все ее друзья*, который может быть интерпретирован двояко: Петя входит или не входит в число Машиных друзей и приходит или не приходит ее поздравить. По мнению [Зализняк 2019: 81], подобная неоднозначность сохраняется только для письменной речи, так как в устной форме этим двум значениям соответствует разная интонация: для *кроме 1* акцент падает на *все*, а для *кроме 2* — на *друзья*.

Одной из первых работ, в которой был затронут этот вопрос, была статья [Левин 1956]. Автор считает, что порядок компонентов трехчленной конструкции может служить дополнительным признаком при разграничении двух значений *кроме*. В частности, в работе указывается, что *кроме* в значении добавления крайне редко употребляется в отрицательных предложениях.

В [Жажа 1979: 206] отмечается, что в одинаковых по лексико-синтаксической структуре предложениях оборот с *кроме* может иметь любое из двух значений, но предложения при этом будут отличаться актуальным членением.

В [Кравченко 2000: 72] приведен еще один из способов различать два значения *кроме*: *кроме* в значении “исключая X” требует, чтобы управляющее слово содержало квантор всеобщности (например, *никто, кроме меня, не пришел*). По замечанию А. Богуславского, подобные случаи неоднозначной интерпретации служат доказательством однозначности *кроме*. И в том, и в другом случае речь идет о двух ситуациях, темы и аскрипции которых принципиально различны и не пересекаются [Богуславский 2008: 101].

Согласно [Оскольская 2011: 43–44], интерпретация неоднозначного предложения зависит от ожиданий говорящего относительно ассоциированного и выделенного элементов. Можно представить шкалу с рядом возможных ассоциированных элементов от целого множества (верх шкалы) до пустого множества (низ шкалы), и посредством продвижения по этой шкале представить контраст. То, в какую именно сторону совершается продвижение в конкретном предложении, определяется рядом прагматических факторов. Например, в [Апресян 2004а] приводится пример различной интерпретации конструкции с *кроме* в зависимости от контекста: в конструкции с наречием *немного* при интерпретации ‘мало’ употребляется *кроме* в значении исключения: *Кроме этого стула*

и письменного стола, у меня немного мебели, а при интерпретации 'сколько-то' реализуется значение добавления: *Кроме этого стула и письменного стола, у меня еще есть немного мебели.*

В [Оскольская 2011: 18] отмечается еще одна особенность данных конструкций: в риторических вопросах употребляются только конструкции исключения. Это обусловлено тем, что вопросительные слова типа *где, кто, что* и др. интерпретируются как отрицательные кванторные слова и выражают идею всеобщности².

4. Грамматический статус слова *кроме*

Лексико-грамматическая категория *кроме* является достаточно спорным вопросом в отечественной лингвистике. Так, в словарях [БАС; МАС], а также в некоторых работах [Маловичко 1987; Оскольская 2014] *кроме* определяется как предлог. В ряде работ отмечается функциональная и семантическая близость единицы *кроме* к союзам, но даже в таких работах *кроме* обозначается как "предлог союзного типа" [Кравченко 2000].

Если в работах [Апресян 2004а, б], данная единица рассматривается с позиции логических категорий и определяется в них как квантор, то в работе [Богуславский 2008: 102] лексико-грамматическая категория *кроме* не определяется, т. к. автор считает, что невозможно отнести *кроме* ни к предлогам, ни к частицам или союзам в силу ярко выраженных особенностей, отличающих *кроме* от данных классов слов.

Действительно, с предлогами *кроме* объединяет управление падежной формой существительного, а также возможность группы *кроме* + ИГ отделяться и функционировать самостоятельно в качестве названий, например, *Кроме любви* (М. Цветаева), *Кроме тебя* (название песни) или в объявлениях предупредительного характера: *кроме служебного транспорта.*

С союзами *кроме* объединяет то, что эта единица, связывая два элемента в конструкции добавления, создает между ними отношения логически рядоположенных членов, аналогичные отношениям, создаваемым соединительными союзами [Кравченко 2000]:

Кроме депутатов в зале... присутствовали 750 приглашенных...

Данное предложение можно легко трансформировать в предложение с соединительным союзом:

В зале... присутствовали депутаты и 750 приглашенных.

² Интересно отметить, что *кроме* является единственной единицей из синонимического ряда, которая может употребляться в риторических вопросах. В сети Интернет были обнаружены примеры с *помимо*, однако данные примеры не всем носителям языка кажутся вполне допустимыми.

Однако при такой трансформации пропадает элемент “градации значимости соединяемых компонентов” [Леоненко 1971].

Принимая во внимание, что отсутствует четкая граница, отделяющая союзы от других классов слов, например частиц, в результате чего существуют переходные типы слов (частицы-союзы, или союзные частицы) [Кобозева 1991], следует рассмотреть отношение *кроме* к классу частиц.

Неотъемлемой частью значения целого ряда частиц с семантикой сопоставительного выделения, например *именно* и *только*, является построение релевантного множества [Кобозева 1991], что характерно и для *кроме*. В [Апресян 2004б] отмечается, что все синонимы ряда *кроме* в значении исключения сближаются с частицами *только* и *лишь*. Действительно, конструкции с предложно-падежными оборотами с семантикой исключения можно заменить на указанные частицы без потери смысла: например, *Никто не пришел, кроме Ивана* — *Пришел только Иван*.

Однако основным отличием *кроме* от союзов и частиц является тот факт, что *кроме* может присоединять только именную группу. Учитывая, что невозможно однозначно отнести *кроме* к предлогам в силу выраженных свойств других лексико-грамматических категорий, мы разделяем точку зрения, изложенную в [Инькова, Манзотти 2019: 245], где *кроме* относится к функциональной категории **коннекторов**, то есть показателей логико-семантического отношения между связываемыми ими частями предложения или текста.

5. Заключение

Проанализировав все известные нам работы по данной теме, мы пришли к следующим выводам.

Вопреки мнению некоторых исследователей, показатели *помимо* и *кроме как* могут употребляться в обоих типах конструкций — и добавления, и исключения.

Семантика показателей с элементом *разве* нуждается в более детальном анализе.

Мы разделяем идею А. Богуславского о том, что *кроме* обладает инвариантным значением, а выделенный элемент и ассоциированное множество (либо его элементы, в случае конструкции добавления) противопоставлены по принципу контраста, однако считаем, что факторы, обуславливающие выбор одного из энантиосемичных вариантов, требуют дальнейшего исследования.

Традиционное причисление единицы *кроме* к предлогам является в достаточной степени условным, потому что с предлогами его сближает только управление существительным. При этом у данной единицы обнаруживаются свойства союза, но причислить ее к дан-

ному классу было бы в той же степени условностью, поскольку по многим признакам она отличается от данных классов слов. Указанные сложности с отнесением слова *кроме* к одной из традиционно выделяемых лексико-грамматических категорий не мешают ее отнесению к функционально-семантической категории коннекторов, а именно рассмотрению *кроме* как коннектора, формирующего трехчленную конструкцию: **ассоциированное множество, выделенный элемент и предикат.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян В.Ю.* Кванторы со значением включения, исключения и добавления // Труды международной конференции «Диалог 2004». М., 2004. С. 13–20.
2. *Апресян В.Ю.* КРОМЕ 1, КРОМЕ 2, КРОМЕ ТОГО // Ю.Д. Апресян (ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2004. С. 484–501.
3. БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В.И. Чернышева. М.; Л., 1948–1965.
4. *Богуславский А.* Однозначное *кроме* // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 99–109.
5. *Глухих В.М.* Значение предлогов *мимо* и *помимо* в современном русском литературном языке // Вопросы современного русского литературного языка (грамматический строй и стилистика). Вып. 1. Челябинск, 1966. С. 57–70.
6. *Жажа С.* Конструкции со значением исключения, включения и замещения в русском языке // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity studia minora facultatis philosophicae universitatis brunensis. Брно, 1979. С. 205–212.
7. *Зализняк А.А.* Загадка полисемии слова *кроме* // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Т. 4. М., 2019. С. 77–88.
8. *Инькова О., Манзотти Э.* Связность текста. Мереологические логико-семантические отношения. М., 2019.
9. *Кобозева И.М.* Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. М., 1991. С.147–176.
10. *Кравченко О.Н.* Лексикографическая интерпретация сопоставительных предлогов *кроме, помимо, наряду с*: этап портретирования: Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2000.
11. *Левин В.Д.* О значении предлога «*кроме*» в современном русском литературном языке // Сб. статей «Академику В.В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956. С. 147–164.
12. *Леоненко М.А.* Конструкции с вторичными предложениями сопоставительно-выделительного значения. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
13. *Маловичко Л.М.* Уточнительные структуры с предлогами «*кроме, помимо, сверх, вместо, включая, исключая, за исключением*» в современном русском литературном языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1987.
14. МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981.
15. *Оскольская С.А.* Функционирование конструкций со значением исключения участника в русском языке. СПб., 2011.
16. *Оскольская С.А.* Конструкции с союзом *кроме* как в сравнении с конструкциями с предлогом *кроме* в русском языке // Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana. Т. 10, 2014. № 2. С. 363–398.
17. *Оскольская С.А., Холодилова М.А.* Некоторые особенности употребления предлога *кроме* // Русская филология. 20. Тарту, 2009. С. 192–196.

18. *Vostrikova E.* Phrasal and Clausal Exceptive-Additive Constructions Crosslinguistically. Ph.D. Dissertation. UMass Amherst, 2019.

REFERENCES

1. Apresjan V.Ju. Kvantory so znacheniem vkljuchenija, iskljuchenija i dobavlenija [Quantifiers with the meaning of inclusion, exclusion and addition] // Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2004». Moscow, 2004. P. 13–20. (In Russ.)
2. Apresjan V.Ju. KROME 1, KROME 2, KROME TOGO [KROME 1, KROME 2, KROME TOGO] // Ju.D. Apresjan (ed.) Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka. Moscow, 2004. P. 484–501. (In Russ.)
3. BAS — Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes] / Ed. V.I. Chernysheva. Moscow; Leningrad, 1948–1965. (In Russ.)
4. Boguslavskij A. Odnoznachnoe krome [Unambiguous *except*] // Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst: Sb. st. v chest' E.V. Paduchevoj. Moscow, 2008. P. 99–109. (In Russ.)
5. Gluhih V.M. Znachenie predlogov mimo i pomimo v sovremennom russkom literaturnom jazyke [The meaning of the prepositions *mimo* and *pomimo* in modern Russian literary language] // Voprosy sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka (grammaticeskij stroj i stilistika). Vyp. 1. Cheljabinsk, 1966. P. 57–70. (In Russ.)
6. Zhazha S. Konstrukcii so znacheniem iskljuchenija, vkljuchenija i zameshhenija v russkom jazyke [Constructions with the meaning of exclusion, inclusion and substitution in Russian] // Sbornik prac' filozofické fakulty brněnské univerzity studia minorá facultatis philosophicæ universitatís brunensis. Brno, 1979. P. 205–212. (In Russ.)
7. Zaliznjak A.A. Zagadka polisemii slova krome [The mystery of the polysemy of the word *krome*] // Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. Tom 4. Moscow, 2019. P. 77–88. (In Russ.)
8. In'kova O., Manzotti Je. Svjaznost' teksta. Mereologicheskie logiko-semanticheskie otoshenija [Coherence of the text. Mereological logic-semantic relations]. Moscow, 2019. (In Russ.)
9. Kobozeva I.M. Problemy opisanija chastic v issledovanijah 80-h godov [Problems of describing particles in research of the 80s] // Pragmatika i semantika. Moscow, 1991. P. 147–176. (In Russ.)
10. Kravchenko O.N. Leksikograficheskaja interpretacija sopostavitel'nyh predlogov krome, pomimo, narjadu s: etap portretirovanija [Lexicographic interpretation of comparative prepositions *krome*, *pomimo*, *narjadu s*: stage of portraiture]. Dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2000. (In Russ.)
11. Levin V.D. O znachenii predloga «krome» v sovremennom russkom literaturnom jazyke [On the meaning of the preposition “*krome*” in modern Russian literary language] // Sb. statej «Akademiku V.V. Vinogradovu k ego shestidesjatiletiju». Moscow, 1956. P. 147–164. (In Russ.)
12. Leonenko M.A. Konstrukcii s vtornichnymi predlogami sopostavitel'no-vydelitel'nogo znachenija [Constructions with secondary prepositions of comparative and emphatic meaning]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1971. (In Russ.)
13. Malovichko L.M. Utochnitel'nye struktury s predlogami “krome, pomimo, sverh, vmesto, vkljuchaja, iskljuchaja, za iskljucheniem” v sovremennom russkom literaturnom jazyke [Clarifying structures with the prepositions *krome*, *pomimo*, *sverh*, *vmesto*, *vkljuchaja*, *iskljuchaja*, *za iskljucheniem*]. Dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1987. (In Russ.)

14. MAS — Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes] / Pod red. A. P. Evgen'evoj. Moscow, 1981. (In Russ.)
15. Oskol'skaja S.A. Funkcionirovanie konstrukcij so znacheniem isključenija uchastnika v russkom jazyke [Functioning of the constructions with the meaning of excluding a participant in the Russian language]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)
16. Oskol'skaja S.A. Konstrukcii s sojuzom *krome* kak v sravnenii s konstrukcijami s predlogom *krome* v russkom jazyke [Constructions with the conjunction *krome* *kak* in comparison with the constructions with the preposition *krome* in Russian] // Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanij RAN — Acta Linguistica Petropolitana. T. 10. 2014. № 2. P. 363–398. (In Russ.)
17. Oskol'skaja S.A., Holodilova M.A. Nekotorye osobennosti upotreblenija predloga *krome* [Some features of the usage of the preposition *krome*] // Russkaja filologija. 20. Tartu, 2009. P. 192–196. (In Russ.)
18. Vostrikova E. Phrasal and Clausal Exceptive-Additive Constructions Crosslinguistically. Ph.D. Dissertation. UMass Amherst, 2019.

Поступила в редакцию 11.01.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 10.09.2023

Received 11.01.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 10.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Яковченко Анастасия Александровна — соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Anastasia.yakovchenko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Yakovchenko — postgraduate, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of Theoretical and Applied Linguistics; Anastasia.Yakovchenko@gmail.com

ОТКУДА НА РУСИ ЕСТЬ ПОШЕЛ ЗАПРЕТ НА «РАННЕЕ ЗАКРЫТИЕ»

Д.А. Алексеев, О.В. Федорова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; dnl.alksv@gmail.com, olga.fedorova@msu.ru

Аннотация: Феномен раннего-позднего закрытия представляет большую важность для современной психолингвистики. Данное явление исследуется еще с 1970-х годов; за это время было определено не только влияние различных факторов — как собственно лингвистических (длина предложения, «разрывность» придаточного), так и экстралингвистических (объем рабочей памяти испытуемого) — на разрешение определенного вида синтаксической неоднозначности, но и закономерности, охватывающие конкретные языки в целом. Так, на основании результатов экспериментов на материале русского языка считается, что русскоговорящие предпочитают интерпретировать предложения вида *Преступник застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе* в пользу 'На балконе стояла служанка', нежели чем 'На балконе стояла актриса'. Тем не менее, некоторые испытуемые выбирают вторую интерпретацию, руководствуясь неким нормативно-грамматическим правилом, которому они были обучены еще в школе. Источник этого правила долгое время оставался неясным. В настоящей статье прослеживается история запрета на раннее закрытие в нормативных грамматиках русского языка вплоть до начала XIX века. При помощи примеров из релевантных грамматических сочинений и справочников по литературному редактированию показано, как этот запрет менял свою форму — от простого обобщения линейной позиции придаточного определительного до прямого запрета, который был призван избавить литературные тексты от какой-либо неоднозначности. Наличие аналогичных стилистических ограничений в других национальных литературных традициях может стать отдельным фактором, который необходимо учитывать при определении языков как языков с предпочтением раннего или позднего закрытия.

Ключевые слова: синтаксическая неоднозначность; раннее-позднее закрытие; нормативная грамматика; К.И. Былинский; Д.Э. Розенталь; Н.И. Греч

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-3

Для цитирования: Алексеев Д.А., Федорова О.В. Откуда на Руси есть пошел запрет на «раннее закрытие» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 36–45.

THE ORIGINS OF THE EARLY CLOSURE BAN IN THE RUSSIAN LITERARY STANDARD

Danil A. Alekseev, Olga V. Fedorova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dnl.alksv@gmail.com, olga.fedorova@msu.ru

Abstract: The Early and Late Closure phenomenon has been present in the psycholinguistic spotlight since the 1970s. Decades of research on the topic have shown not only that resolving attachment ambiguity is influenced by such factors as the length of the relative clause and speaker's working-memory capacity, but that speakers of different languages tend to prefer either Early or Late Closure. Investigations of attachment ambiguity in Russian have come to the conclusion that Russian is a language with a preference towards Early Closure. However, during the trials some speakers of Russian claim that high attachment is ungrammatical and justify their view by some kind of grammatical rule they have been taught in school. The origins of this supposed rule have so far been unknown. The article at hand shows that the Early Closure Ban in literary Russian has its roots in works on Russian grammar that date back to the early 19th century. This rule evolved from a simple generalization of the linear position of relative clauses to an outright ban which came to life with the advent of Soviet mass media. Such stylistic guidelines in other literary standards are theorized to be factors which need to be accounted for when conducting research on attachment ambiguity in languages of the world.

Keywords: attachment ambiguity; Early and Late Closure; literary standard; Ditmar E. Rozentel'; Konstantin I. Bylinskii; Nikolay I. Grech

For citation: Alekseev D.A., Fedorova O.V. (2023) The Origins of the Early Closure Ban in the Russian Literary Standard. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 36–45.

1. Введение. Синтаксическая неоднозначность в современной психолингвистике

Традиционно в психолингвистике синтаксический анализ считается ключевым компонентом моделей как порождения, так и понимания речи. Важную роль при построении таких моделей играют **синтаксически неоднозначные предложения** (в отечественной традиции чаще используется термин «синтаксическая омонимия», см., например, [Иорданская 1967]). В целом синтаксическая неоднозначность может возникать из разных источников. Так, классическое английское предложение *Visiting relatives can be boring* может быть понято как в том смысле, что родственники скучны, так и в том смысле, что посещать родственников скучно. Этот тип неоднозначности в англоязычной традиции называется “syntactic category ambiguity”, в отечественной — «разметочная синтаксическая омонимия». Другой большой класс носит название “attachment ambiguity”

(или «стрелочная синтаксическая омонимия» в отечественной традиции); настоящая статья будет посвящена одному частному типу стрелочной омонимии, а именно феномену «**раннего-позднего закрытия**».

Считается, что сложноподчиненные предложения с определительными придаточными, модифицирующими имя существительное, входящее в состав сложной именной группы, например, *Кто-то застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе*, допускают две интерпретации: придаточное может относиться как к первому существительному («**служанка** стояла на балконе», так называемое раннее закрытие), так и ко второму («**актриса** стояла на балконе», позднее закрытие). Выбор интерпретации может зависеть от различных факторов, в частности таких, как длина придаточного предложения (чем короче придаточное предложение, тем больше вероятность его присоединения ко второму имени существительному) или объем вербальной рабочей памяти испытуемого (чем меньше объем вербальной рабочей памяти, тем больше вероятность присоединения придаточного предложения к первому имени существительному).

Со временем выяснилось, что феномен раннего-позднего закрытия устроен по-разному в разных языках. Первые эксперименты были проведены еще в 1970-х годах на материале английского языка. Испытуемых¹ просили прочитать предложение, а потом выбрать одну из двух предлагаемых интерпретаций. Оказалось, что англоговорящие испытуемые статистически значимо чаще выбирали вариант с поздним прочтением. Однако в 1988 году была опубликована статья Ф. Куэтоса и Д. Митчелла (см. [Cuertos, Mitchell 1988]), которые, проведя параллельные эксперименты с носителями английского и испанского языков, обнаружили, что в то время как англоговорящие испытуемые в предложениях типа *Someone shot the servant of the actress that was on the balcony* чаще выбирали позднее прочтение, испаноговорящие, прочитав эквивалентное предложение типа *Alguien disparó contra la criada de la actriz que estaba en el balcón*, предпочитали раннее («**la criada** estaba en el balcón», «служанка стояла на балконе»). На настоящий момент распределение изученных языков по типам раннего-позднего закрытия выглядит следующим образом, см. таблицу 1:

¹ В англоязычной традиции термин 'subject' в последние годы был заменен термином 'participant'; что касается русскоязычной традиции, то в настоящий момент в ней продолжают параллельно использоваться термины «испытуемый» и «участник»; в настоящей статье мы сохранили более традиционный термин «испытуемый».

Предпочтительность раннего или позднего закрытия по языкам²

Раннее закрытие	Позднее закрытие
хорватский, нидерландский, французский, польский, африкаанс, немецкий, итальянский, испанский, греческий, хинди, японский, корейский, болгарский, персидский, русский	английский, норвежский, шведский, румынский, баскский, бразильский португальский, арабский, китайский

Как видно из таблицы, русский язык относится к языкам с предпочтением раннего закрытия. Более того, экспериментально установлено, что это предпочтение оказывается достаточно сильным, в среднем от 65 до 80 % (подробнее см. работы [Sekerina 2003; Sekerina, Fedorova 2004; Федорова, Янович 2005]; данные исследования были проведены в одной экспериментальной парадигме, что делает возможным их сопоставление; обзор других подобных исследований см. в книге [Черниговская, Петрова 2018]). Тем не менее, некоторые испытуемые разных возрастов регулярно предпочитают позднее закрытие, мотивируя это неким правилом, согласно которому по нормам русского языка разрешено присоединять придаточное предложение с *который* только к последнему из двух имен существительных. В данной статье, оставив в стороне экспериментальную составляющую, мы проследим, какие работы могут являться источником этого правила.

2. Истоки запрета на раннее закрытие в нормативных и традиционных грамматиках

Несмотря на предпочтение носителями русского языка раннего закрытия, различные грамматические источники запрещают его, косвенно или прямо, уже с начала XIX века. Рассмотрим путь развития этого запрета в обратном хронологическом порядке на материале нормативно-описательных и описательных грамматик, стилистических справочников, а также традиционных грамматических описаний русского языка. Эти издания, на наш взгляд, формируют основу того, что можно назвать нормой современного русского литературного языка, то есть «совокупность правил отбора таких способов и средств выражения (возможных в системе данного языка), которые приняты в данном обществе в данное время и которые признаются большинством говорящих наиболее пригодными для использования в той или иной коммуникативной ситуации» [Крысин 2007: 6].

² Полные библиографические ссылки на исследованные языки можно найти, в частности, в работе [Федорова, Янович 2005].

В задании № 8 единого государственного экзамена (далее — ЕГЭ) по русскому языку выпускникам школ предлагается проанализировать список предложений, ряд которых содержит некоторые ошибки, не допускаемые литературной нормой. В частности, к ним относится и раннее закрытие придаточного определительного, классифицируемое как «ошибка в построении сложного предложения». На одном из сайтов по подготовке к ЕГЭ указывается, что «неверное присоединение придаточной части создает неоднозначность восприятия смысла предложения», а придаточное предложение должно стоять «после того слова, к которому относится». Приводится пример: предложение *В письме говорилось, что в город, которым управляет Сквозник-Дмухановский, едет ревизор* противопоставлено своему ошибочному варианту вида *В письме говорилось, что в город едет ревизор, которым управляет Сквозник-Дмухановский* (<https://rustutors.ru/egeteoriya/1141-zadanie-8.html#hmenu-10>). Стоит отметить, что приведенная выше формулировка правила о порядке присоединения придаточного определительного ставит под сомнение грамматичность, например, предложения *Те, кто участвовал в спасении челюскинцев, которое широко освещалось в прессе, работали в тяжелейших условиях*, которое встречается в одном из пробных вариантов задания № 8.

В явном виде запрет на раннее закрытие появляется в 1957 году во влиятельной работе «Литературное редактирование» К.И. Былинского и Д.Э. Розенталя (цитируется по переизданию 2011 г. [Былинский, Розенталь 2011]). В п. 6 § 121 («Стилистические ошибки в сложном предложении») говорится: «Нередко нарушается порядок слов в определительных придаточных предложениях. По правилу союзные слова *который, какой, чей* замещают ближайшее к нам предшествующее существительное, однако это положение не соблюдено в таких, например, предложениях: *Впереди неслись лошади казаков, которые были покрыты пеной...*» [Былинский, Розенталь 2011: 337]. Далее даются рекомендации по избеганию подобного рода неоднозначностей: предлагается уточнять корректный по смыслу антецедент при помощи коррелятивных местоимений *тот* и *такой* или и вовсе заменять придаточное определительное на причастный оборот. Данная работа, как нам представляется, легла в основу «Справочника по правописанию и литературной правке» [Розенталь 1967], который был издан уже после смерти К.И. Былинского, поскольку структура двух справочников является довольно схожей. «Справочник по правописанию и литературной правке» пережил 16 изданий и оказал значительное влияние на развитие нормативной грамматики русского языка.

Тем не менее, «Литературное редактирование» не является первой работой, где эксплицитно обозначен запрет на раннее закрытие сложных предложений с определительными придаточными. В 1944 году вышло справочное пособие «Язык газеты» [Кондаков 1944], состоявшее из трех разделов: в первом давалась сводка высказываний деятелей марксизма-ленинизма о русском языке, второй содержал руководство по практической стилистике для работников газет, а третий был посвящен толковым словарям русского языка. Авторами разделов стали, соответственно, Б.В. Яковлев, К.И. Былинский и В.В. Виноградов. В п. 6 главы XVI второго раздела, который посвящен сложным предложениям, приводятся «недостатки в построении сложного предложения». В частности в пп. е) указывается, что «[придаточные определительные] нужно ставить непосредственно после того слова, к которому они относятся», а нарушение этого правила является «источником многочисленных ошибок» [Кондаков 1944: 346]. В этом издании дается следующий пример неоднозначного предложения: *В нашей газете не помещают итогов соревнования в цехах, мало пишут о борьбе за качество продукции, которая ведется лучшими людьми фабрики.*

Из непосредственно нормативных грамматик, изданных в XX веке, примечательна «Грамматика русского языка» 1952 года, составленная Институтом языкознания АН СССР. В ней указывается, в частности, что придаточное определительное «обычно следует непосредственно за тем членом главного предложения, к которому оно относится» [Грамматика 1952: 275], вне зависимости от того, находится оно на правой периферии матричной клаузы или в его середине. Кроме того, в Грамматике-52 уточняется, что иногда определить, к чему относится придаточное с *который* возможно только по смыслу: в качестве примера приводится предложение *Порфирий положил щенка на пол, [который, растянувшись на все четыре лапы, нюхал землю]*, где грамматически заключенная в квадратные скобки клауза может модифицировать как существительное *щенка*, так и существительное *пол*, однако прагматически, естественно, может относиться лишь к первому. Примечательно, что в совместной работе К.И. Былинского и Д.Э. Розенталя (см. [Былинский, Розенталь 2011]) приводится пример такого неоднозначного предложения, где обе интерпретации являются более-менее равновероятными в силу действия семантических факторов: *Силами самодеятельности был дан спектакль в новом Доме культуры, какого мы до сих пор никогда не видали.*

Анализ прочих нормативных грамматик, изданных за последние 300 лет, показал, что первоисточником «правила», на которое ссылаются Д.Э. Розенталь и К.И. Былинский в своей работе 1957 года,

являются труды Николая Ивановича Греча. В «Практической русской грамматике» Н.И. Греч пишет: «Придаточныя прилагательныя предложения поставляются непосредственно за именемъ существительнымъ, къ которому относятся; напримѣръ: Время года, въ которое все цвѣтетъ, именуется весною. Человекъ, котораго мы любимъ, иногда можетъ намъ быть несносенъ» [Греч 1927: 449]. Подобных указаний на порядок следования придаточных определительных предложений нельзя найти ни в других грамматиках, изданных современниками Н.И. Греча (к каковым можно отнести, например, А.Х. Востокова), ни в более ранних грамматиках, в том числе в «Российской грамматике, сочиненной Императорской Российской академией» и в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова.

3. Заключение. Некоторые выводы

Итак, мы показали, что нормативные грамматики русского языка уже с начала XIX века запрещают или по крайней мере не рекомендуют присоединять придаточное предложение с *который* к последнему имени существительному в сложноподчиненных предложениях русского языка. Экспериментальные психолингвистические исследования последних лет, тем не менее, демонстрируют предпочтение именно этого способа разрешения синтаксической неоднозначности в русском языке. Какие выводы можно сделать из вышеописанного положения вещей?

Во-первых, посмотрим на эту ситуацию с точки зрения экспериментальной психолингвистики. Большинство испытуемых психолингвистических экспериментов составляют студенты, то есть недавние выпускники школ, которые могут хорошо помнить подобные запреты и рекомендации. Осознанно или не осознанно они могут их придерживаться, тем самым искажая картину реального соотношения случаев раннего и позднего закрытия. Таким образом, преобладание «раннего» закрытия в русском языке может оказаться еще более высоким. Кроме того, по-видимому, после окончания эксперимента имеет смысл проводить с испытуемыми так называемые самоотчеты, то есть спрашивать их, заметили ли они примеры с синтаксической неоднозначностью, какую интерпретацию выбирали в таких случаях, помнят ли они соответствующие правила. Как нам представляется, стоит оставлять в экспериментальных выборках только таких испытуемых, которые руководствовались не подобными правилами, а языковой интуицией.

Во-вторых, с практической точки зрения преподавания русского языка в школе, возможно, стоит вообще отказаться от подобных правил, так как они, как представляется, не соответствуют современным грамматическим нормам русского языка. Мы понимаем,

разумеется, что данную рекомендацию будет очень сложно осуществить на практике.

Наконец, некоторые выводы можно сделать и с общетеоретической типологической точки зрения. С одной стороны, интересно было бы исследовать вопрос, есть ли в других национальных традициях аналогичные стилистические ограничения и запреты — например, для английского языка в США или в Великобритании, для французского во Франции или румынского в Румынии (возможно даже, окажется, что Н.И. Греч опирался на какие-то зарубежные стандарты того времени). Если такие рекомендации действительно существуют, то не исключено, что «реальное» предпочтение позднего закрытия в английском или румынском языках может оказаться не таким сильным, как сейчас считается. В любом случае, на материале русского языка фактор «влияние стилистической нормы» необходимо включать в рассмотрение наряду с упомянутыми выше факторами длины придаточного предложения или объема вербальной рабочей памяти испытуемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Былинский К.И., Розенталь Д.Э.* Литературное редактирование: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011.
2. Грамматика русского языка. Т. 2, ч. 1. Синтаксис / *Виноградов В.В.* и др. (ред.). М., 1954.
3. *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика. СПб., 1827.
4. *Иорданская Л.Н.* Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // *НТИ.* 1967. № 5. С. 9–17. М., 1967.
5. *Кондаков Н.И.* (ред.). Язык газеты. М., 1941.
6. *Крысин Л.П.* Русская литературная норма и современная речевая практика // *Русский язык в научном освещении.* 2007. № 2. С. 5–17. М., 2007.
7. *Ломоносов М.В.* *Российская грамматика.* М., 1755.
8. *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. Для работников печати. М., 1967.
9. *Российская грамматика, сочинённая императорской Российской Академией.* СПб., 1802.
10. *Федорова О.В., Янович И.С.* Разрешение синтаксической многозначности в русском языке: Роль длины и структуры придаточного // *И.М. Кобозева, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей* (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог 2005 (Звенигород, 1–6 июня 2005 г.). С. 487–490.
11. Взгляд кота Шрёдингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях / под ред. Т.В. Черниговской, Т.Е. Петровой. 2-е изд. СПб., 2018.
12. *Cuetos F., Mitchell D.C.* Cross-linguistic differences in parsing: Restrictions on the use of the Late Closure strategy in Spanish // *Cognition.* Амстердам: 1988. № 30. P. 73–105.
13. *Sekerina I.* The late closure principle in processing of ambiguous Russian sentences // *The Proceedings of the Second European Conference on Formal Description of Slavic Languages.* Potsdam, 2003.

14. Sekerina I.A., Fedorova O.V. *Questionnaire studies of relative clause attachment ambiguity in Russian*. Рукопись, 2004. The City University of New York.

REFERENCES

1. Bylinskii K.I., Rozental' D.E. *Literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie* [Literary Editing: a Manual]. 3rd edition. M., *FLINTA: Nauka Publ.*, 2011. 400 p. (In Russ.)
2. Cuetos F., Mitchell D.C. Cross-linguistic differences in parsing: Restrictions on the use of the Late Closure strategy in Spanish // *Cognition*. Amsterdam, 1988. № 30. P. 73–105.
3. Vzgl'yad kota Shryodingera: registraciya dvizhenij glaz v psiholingvisticheskikh issledovaniyakh [The gaze of Schroedinger's cat: eye-tracking in psycholinguistics] / od red. T. V. Chernigovskoj, T. E. Petrovoj. 2-e izd. SPb.: *Izd-vo S.-Peterb. un-ta*, 2018.
4. Fedorova O.V., Yanovich I.S. Razreshenie sintaksicheskoi mnogoznachnosti v russkom yazyke: Rol' dliny i struktury pridatochnogo [Resolving Syntactic Ambiguity in Russian: The Role of the Length and Structure of the Relative Clause] // Kobozeva I.M., Narin'yani A.S., Selegei V.P. (eds.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii Dialog 2005* (Zvenigorod, 1–6 iyunya 2005) [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Works of Dialog 2005 International Conference (Zvenigorod, June 1–6 2005)]. 2005, pp. 487–490. (In Russ.)
5. *Grammatika russkogo yazyka*. T. 2, ch. 1. Sintaksis [Grammar of the Russian Language. Vol. 2, p. 1. Syntax] / eds.: Vinogradov V.V. et al. M.: *Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR*, 1954. 703 p. (In Russ.)
6. Grech N.I. *Prakticheskaya russkaya grammatika* [A Practical Grammar of Russian] Saint Petersburg: *Tip. Imp. Sankt-Peterb. vospitatel'nogo doma*, 1827. 579 p. (In Russ.)
7. Iordanskaya L.N. Sintaksicheskaya omonimiya v russkom yazyke (s tochki zreniya avtomaticheskogo analiza i sinteza) [Syntactic Ambiguity in Russian (Concerning Speech Synthesis and Analysis)] // *NTI. [STI] 1967*. №5, pp. 9–17. (In Russ.)
8. Kondakov N.I. (ed.). *Yazyk gazety* [The Language of the Newspaper]. M., Leningrad: *Gos. izd. legkoi prom-sti*, 1941. 464 p. (In Russ.)
9. Krysin L.P. *Russkaya literaturnaya norma i sovremennaya rechevaya praktika* [Russian Literary Standard and Modern Speech Practices] // *Russkiy yazyk v nauchnom osvshhenii* [The Russian Language and Linguistic Theory]. 2007. № 2, pp. 5–17. (In Russ.)
10. Lomonosov M.V. *Rossiiskaya grammatika* [Russian Grammar]. Saint Petersburg: *Pech. pri Imp. Akad. Nauk*, 1755. 216 p. (In Russ.)
11. *Rossiiskaya grammatika, sochinennaya imperatorskoi Rossiiskoi Akademiei* [A Grammar of Russian, written by the Imperial Russian Academy]. Saint Petersburg: *Imperatorskaya tipografiya*, 1802. 355 p. (In Russ.)
12. Rozental' D.E. *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoi pravke. Dlya rabotnikov pečhati* [An Orthographic and Editing Manual for the Workers of the Press]. M.: *Kniga Publ.*, 1967. 408 p. (In Russ.)
13. Sekerina I. The late closure principle in processing of ambiguous Russian sentences // *The Proceedings of the Second European Conference on Formal Description of Slavic Languages*. Potsdam, 2003.
14. Sekerina I.A., Fedorova O.V. *Questionnaire studies of relative clause attachment ambiguity in Russian*. Unpublished manuscript, 2004. The City University of New York.

Поступила в редакцию 11.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 11.09.2023

Received 11.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 11.09.2023

ОБ АВТОРАХ

Алексеев Данил Андреевич — студент отделения фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dnl.alksv@gmail.com

Федорова Ольга Викторовна — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; olga.fedorova@msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Danil A. Alekseev — student of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dnl.alksv@gmail.com

Olga V. Fedorova — Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; olga.fedorova@msu.ru

О СУДЬБЕ ГОМЕРОВСКОГО СЛОВА ΘΕΟΠΡΟΠΟΣ

Е.В. Приходько

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aristonica@list.ru*

Аннотация: Слово θεοπρόπος встречается от поэм Гомера до XV в. Согласно Ф. Бехтелю, второй компонент этого композита образован от πρέλω в его непереходном значении: θεοπρόπος — «тот, кто способен к восприятию того, что исходит от бога». Эту этимологию принимают авторы этимологических словарей. Но словарь Лидделла и Скотта констатирует у θεοπρόπος еще одно значение — «посол, отправляемый для вопрошения оракула». На основании словарей невозможно понять: как шло развитие семантики этого слова? Какое место занимало оно в системе мантической терминологии? Как складывалась его судьба в поздней античности и в византийское время? Рассмотрение этих вопросов — цель данной статьи, а отсутствие комплексного исследования развития семантики θεοπρόπος в его соотношении с другими мантическими терминами говорит об актуальности поставленной задачи. У Гомера θεοπρόπος было синонимом термина μάντις. Значение «посланник к оракулу» появилось у него в V в. до н. э., обеспечило ему место в системе мантической терминологии и позже присутствовало у античных и византийских писателей и в надписях. Параллельно с V в. до н. э. θεοπρόπος начинает использоваться как прилагательное со значением «несущий откровение бога». Гомеровское значение возрождается эллинистическими поэтами, появляется в прозе и расширяется: феопрпом называют Пифию, Аполлона и любых прорицателей. Также θεοπρόπος проникает в христианскую литературу, где обозначает библейских пророков и становится эпитетом Иисуса Христа. Полученные результаты позволяют поднять вопрос о пересмотре перевода надписи с заклятием из Ольвии.

Ключевые слова: θεοπρόπος; θεοπρόπῆς; Гомер; мантический термин; пророк; посол для вопрошения оракула; эпитет Аполлона

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-4

Для цитирования: Приходько Е.В. О судьбе гомеровского слова θεοπρόπος // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 46–56.

ON THE FATE OF THE HOMERIC WORD ΘΕΟΠΡΟΠΟΣ

Elena V. Prikhodko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aristonica@list.ru

Abstract: Θεοπρόπος was first recorded in Homer's poems and remained in the language until the 15th century. According to F. Bechtel, its second component is derived from πρέπω in its intransitive meaning, so θεοπρόπος is "one who is able to perceive what comes from a deity". This etymology is accepted by the authors of etymological dictionaries. However, Liddell and Scott's Lexicon states that it also had another meaning — "public messenger sent to inquire of an oracle". But all dictionaries don't make it possible to understand: how did the semantics of θεοπρόπος develop? what place did it occupy in the system of mantic terminology? what was its fate in late antiquity and in Byzantine time? So, these very points should be the aim of the paper. The fact that no comprehensive study of the semantic development of θεοπρόπος in its relationship with other mantic terms exists suggests the importance of this research. In Homer's poems θεοπρόπος was a synonym for the term μάντις. The meaning 'messenger to an oracle' appeared in the 5th century BC. It provided θεοπρόπος with its place in the system of mantic terminology and was preserved in the works of ancient and Byzantine writers, as well as in inscriptions. From the 5th century BC θεοπρόπος started to be used as an adjective, conveying the meaning 'bearing the revelation of a deity'. The Homeric meaning was revived by the Hellenistic poets, was used also in prose and expanded: Pythia, Apollo and any soothsayers were being called θεοπρόπος. Then θεοπρόπος penetrated into Christian literature and, like the term προφήτης, denoted biblical prophets and even became an epithet for Jesus Christ. The results of this study allow us to raise the issue of revising the translation of the inscription with a curse from Olbia.

Keywords: θεοπρόπος; θεοπροπέω; Homer; mantic term; prophet; messenger to an oracle; epithet of Apollo

For citation: Prikhodko E.V. (2023) On the Fate of the Homeric Word θεοπρόπος. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 46–56.

1. Введение

Древние эллины называли искусство прорицания ἡ μαντικὴ τέχνη, то есть «мантическим ремеслом», уже самим этим названием показывая, что для них это искусство ничем не отличалось от десятков ремесел, обслуживавших жизнь античного общества. Как и для любого ремесла, для мантики была создана профессиональная система терминов. В этой системе от столетия к столетию одни термины сохраняли свое значение неизменным, другие менялись, разбухали и утрачивали свою первоначальную точность, третьи оставались в тени и потом, не дискредитированные сотрудничеством с языческими культами, были заимствованы христианской литературой. Среди этих сложных перипетий мантической терминологии весьма необычной оказалась судьба древнего и малоупотребительного, но сохранившегося вплоть до XV в. слова θεοπρόπος.

2. Толкования словарей, или Актуальность поставленной задачи

Будучи по происхождению прилагательным, θεολρότος чаще использовалось как субстантивированное существительное. Впервые оно появляется у Гомера, и схолиаст отмечает, что «это слово — гомеровское»¹ (Aesch. Pr. 659). Также у Гомера встречается еще и деноминативный глагол θεολροτέω. Но, прежде чем обратиться к тексту поэм, необходимо рассмотреть толкование значения этого слова византийскими грамматиками и авторами современных словарей. Этот обзор поможет нам выявить существующие в этом вопросе пробелы и подчеркнет актуальность данного исследования. При этом следует помнить, что временная дистанция между веками, когда творили античные авторы, и веками, когда к их сочинениям стали составлять толкования, лишила византийских грамматиков твердых оснований для высказываемых суждений. Будучи носителями того же языка, но значительно более позднего периода, комментаторы не могли засвидетельствовать точного значения слова θεολρότος, а лишь высказывали свои предположения, каким это значение должно было бы быть. Поэтому, считая обзор их интерпретаций необходимым для полноты данной работы, мы рассматриваем их труды не как надежный источник информации, а, скорее, как начальный этап изучения интересующего нас слова.

Гесихий приравнивал θεολρότος к двум основным мантическим терминам: «Феопробы — профеты, мантисы, объявляющие от бога» (Θ293). Аналогичное толкование предлагают патриарх Фотий (Lex. p. 84) и автор словаря «Суда» (Θ174): «Феопроб — мантис или профет бога». Также и Евстафий Солунский замечает: «Следует знать, что феопроб — это просто мантис» (Hom. Od. Vol. 1, p. 72). Существительное ὁ μάντις служило в древнегреческом языке основным мантическим термином. Первоначально оно обозначало боговдохновенного пророка, и именно с этим его значением авторы словарей сопоставляют значение θεολρότος; затем мантисом стали называть любого человека, занимавшегося прорицанием, вплоть до рыночного гадалея. Существительное ὁ προφήτης в сфере мантики функционировало преимущественно в паре с μάντις, указывая на вторую половину пророческого дара, как его представляли себе эллины: любой пророк как мантис получал божественное откровение и как профет возвещал его людям в доступной для понимания форме [Приходько 1999: 30–68, 120–138]. Поэтому толкование византийских грамматиков не просто подчеркивает синонимичность θεολρότος этим двум терминам, но и объясняет, почему θεολρότος не закрепилось как постоянный мантический термин — место, на которое

¹ Все переводы с древнегреческого сделаны автором.

оно могло бы претендовать, уже было занято более употребительными терминами.

В схолиях к Гомеру есть и более пространные объяснения пророческого дара феопрота: он — «пророчествующий по божественному замыслу» (II. XII 228) и «возвещающий откровения бога» (Od. I 416). Состав этого композита определили уже авторы византийских словарей — *Etymologicum Magnum* (p. 446) и *Etymologicum Gudianum* (p. 258) раскладывают его так: «От θεός и от πρέτω в значении “говорить”, объявляющий откровения бога». Принятую сейчас этимологию предложил в 1914 г. Ф. Бехтель. Он подверг сомнению точку зрения Л. Мейера о том, что второй компонент этого композита родственен древнеиндийскому пращна- («вопрошение») и «феопрот» — это «вопрошающий бога», и предложил связать второй компонент с πρέτω в его непереходном значении, присутствующем в ряде контекстов у Эсхила, где πρέτω обозначает действие той вещи, которая «воспринималась через некое чувство» (Sept. 389; Ag. 321, 1311). На основании этого Бехтель перевел θεοπρόλος как «тот, кто делает себя способным к восприятию того, что исходит от бога» [Bechtel 1914: 162–164]. Мнение Бехтеля было поддержано авторами этимологических словарей [Frisk 1960: 662; Chantraine 1970: 429; Beekes 2010: 540]².

Но исконное значение не было у θεοπρόλος единственным. Словарь Лидделла и Скотта констатирует наличие у него еще одного значения — «общественный посланник, которого посылали для вопрошения оракула» [Liddell, Scott 1996: 791]. При этом из словарной статьи сложно понять: полностью ли вытеснило это новое значение гомеровское или исходное значение все же сохранилось? Если оно сохранилось, то как эти два значения сосуществовали? И, наконец, произошли ли какие-либо изменения в семантике θεοπρόλος в позднеантичной и византийской литературе? Казалось бы, ответ на последний вопрос мог бы предоставить словарь Лампе, но в нем указаны только два места из Нонна Панополитанского, а глагол θεοπρότεω вообще отсутствует [Lampe 1961: 632]. При такой ситуации задача комплексного рассмотрения развития семантики слова θεοπρόλος представляется весьма актуальной.

3. Θεοπρόλος в литературе и эпиграфике

По данным TLG, θεοπρόλος, если считать за отдельные случаи многочисленные цитаты из Гомера и не учитывать разные издания одного и того же текста, присутствует в 136 контекстах: от Гомера

² Отдельные ученые продолжают опираться на этимологию, возводящую второй компонент к πρo-k^wos (ср. лат. *reciprocus*): [Arena 2006].

до Михаила Кривоула (XV в.). Также θεοπρόλος неоднократно встречается в надписях из Греции и Малой Азии. Глагол θεοπρόλέω известен только в форме активного причастия презенса (19 случаев в литературе и как минимум два в эпиграфике). Для решения поставленной задачи нами было проанализировано значение слова θεοπρόλος в каждом из этих контекстов.

3.1. Θεοπρόλος и θεοπρόλέων в поэмах Гомера

В «Илиаде» феопротом, то есть «тем, кто воспринимает божественные откровения», Гомер называет прорицателя Калханта (XIII 70), и именно Калхант, «внимая богу» (θεοπρόλέων), объясняет ахейцам причину Аполлонова гнева и посланное Зевсом знамение: дракона, поглотившего восемь птенцов и воробьюху и потом превращенного в камень (I 109; II 322). Когда троянцы уже собирались перейти ров ахейцев, их остановило знамение: слева появился орел, державший в когтях еще живого змея; изогнувшись, змей ужалил орла в грудь возле шеи, и тот, бросив змея в середину войска, с криком улетел. Испуганный этим знамением Полидамант начал уговаривать Гектора отказаться от штурма ахейского лагеря, говоря, что «точно так же разъяснил бы и пророк (θεοπρόλος), который ясно духом ведает знамения, и ему бы народы повиновались» (XII 228–229). В «Одиссее» Галиферс толковал на собрании жителям Итаки знамение Зевса, «внимая богу» (θεοπρόλέων, II 184), и схолиаст объясняет: θεοπρόλέων — «возвещающий откровения богов» (ἐκ θεῶν μαντεύομενος). Пенелопа стремится услышать пророчество о возвращении Одиссея, «приглашая в дом ведающего божественные замыслы пророка (θεοπρόλον)» (I 416), — комментируя этот стих, схолиаст вновь пишет, что под «феопротом» следует понимать обычного мантиста.

3.2. «Посол, отправляемый для вопрошения оракула»

После Гомера θεοπρόλος на несколько столетий исчезает из употребления (по крайней мере, в письменных источниках) и снова появляется в V в. до н. э., но уже с другим значением. Единственный случай гомеровского использования встречается у Пиндара: «Прорицатель Мопс, воспринимающий откровения бога (θεοπρόλέων) с помощью птиц и священных жребиев, благосклонно повелел войску взойти на корабль» (Pyth. IV 190–191). Благодаря новому значению θεοπρόλος получило свое место в системе мантической терминологии и проникло в прозу и в эпиграфику. Теперь феопротом стали называть посла, выбранного либо назначенного городом для поездки в прорицалище: его задачей было обратиться от имени полиса к оракулу и привезти полученный ответ. Об этом значении

θεοπρόλος пишут и византийские грамматики, но, демонстрируя расплывчатость своих представлений, оценивают его правильность по-разному. Так, в схолиях к Софоклу сказано: «Θεοπρόλος — пророк, а в неправильном употреблении θεοπρόλος к тому же посол» (OR. 114). Автор комментария к Эсхилу не столь категоричен: «Θεοπρόλος — не только пророк, доставляющий, выносящий на обсуждение и возвещающий откровения богов, но и тот, кого посылают получить от богов изречения; такого также зовут посланником» (Pr. 659 Cod. Neapol. Smyth). Фома Магистр в «Изборнике аттических имен и глаголов» высказывает противоположное мнение, причем с явно ошибочным утверждением в конце: «Феопропами называли тех, кого из уважения посылали к оракулу, дабы они, как угодные богу и подходящие по присущей им нравственной чистоте, получили откровение. <...> И никто из древних пророка феопропом не называл» (p. 180).

Новое значение впервые появилось в поэтическом тексте. У Эсхила Ио рассказывает Прометею, как ее отец Инах «стал отправлять и в Пифо, и в Додону разумных послов, чтобы узнать, что делая или говоря, он совершит любезное богам» (Pr. 658–659). Затем активно использовал термин «феопрот» Геродот (19 контекстов). Так, Аллиат «послал послов в Дельфы», чтобы спросить о постигшей его болезни (I 19). Лакедемоняне, «отправив послов в Дельфы, спросили», кого из богов им следует умоливать для победы в войне с тегейцами, и Пифия велела им перенести в Спарту останки Ореста; не зная места погребения Ореста, лакедемоняне вновь обратились в Дельфы, и Пифия возвестила «спрашивающим об этом послам» новое изречение (I 67). В Спарте послов, которых посылали в Дельфы, называли пифиями (VI 57).

С конца V в. до н. э. термин θεοπρόλος появляется в надписях, причем только в новом значении. Датированная приблизительно 400 г. до н. э. надпись на обломанной мраморной стеле из Эрифры сообщает: «Поскольку... феопроты возвестили о статуе и храме Афродиты Пандемос, что к благополучию народа эрифрейцев [будет] воздвигнуть храм и изготовить статую, совет и народ постановили назначить пять мужей, которые будут иметь попечение о том, чтобы в соответствии с решением народа храм был построен и статуя изготовлена» (SEG 36: 1039, 2–9).

В последующие века θεοπρόλος продолжало использоваться в качестве термина для обозначения посла к оракулу. Его можно встретить у историков III в. до н. э. Мирсила Метимнейского (F. Gr. Hist. 477 F 9, 40) и Филостефана Киренского (FHG III 34 Fr. 37, 11, 14), у Дионисия Галикарнасского (I 24, 2; XII 10, 2; XII 12, 2) и Павсания (IX 38, 4), у Плутарха (Rom. 28, 6; Fab. 18, 3; Cim. 18, 7; 18. 8; Nic.

13, 2) и Ахилла Татия (VIII 11, 1), а также у Евсевия Кесарийского (PE. IV 16, 17), Константина Багрянородного (Vol. 2, p. 6 bis) и Евстафия Солунского (Hom. II. Vol. 3, p. 379). Плутарх, например, начинает рассказ об одном вопрошении оракула, закончившемся смертью Пифии, так: «Ведь когда прибыли послы (θεοτρόπων) из дружественной страны, жертвенное животное, как говорят, после первого кропления водой осталось неподвижным и невозмутимым» (Mor. 428 a–b (Def. Or. 51)). Эпиграфический материал тоже свидетельствует о существовании в городах должности феопропа вплоть до IV в. В надписи из Милета (ок. 234/3 г. до н. э.), посвященной культу Артемиды Булефорос Скириды, сказано: «И что бы бог ни возвестил, путь феопропы сообщат это народному собранию, а народ, выслушав, пусть примет решение, дабы все было сделано в соответствии с советом бога. Феопропами были избраны Фидипп, сын Посейдония, Автомед, сын Эльпенора, Лампис, сын Лампита, Лих, сын Гермофанта» (Milet VI.3 1225, 4–10). В двух надписях из Беотии 2-й половины III в. до н. э. встречается причастие θυοτρόπιοντος, причем не с гомеровским значением, единственно возможным для глагола θεοτρόπέω в литературе, а именно как термин для обозначения должности: «Беотийцы воздвигли треножник Харитам в соответствии с прорицанием Аполлона при архонте Самии, сыне Гисминикета, фиванце... при феопропе Энохиде, сыне Эвменида, орхоменце...» (IG VII 3207, 1–4, 17–18; ср. IG VII 1673, 5).

3.3. Прилагательное «несущий в себе божье откровение»

В том же V в. до н. э. в литературе возникает еще одно направление функционирования θεοτρόπος. В «Трахинянках» Софокла хор поет о «вещем (θεοτρόπος) слове древлереченного промысла» (822–823). То есть θεοτρόπος начинает использоваться как прилагательное со значением «вещий», «несущий в себе божье откровение». В русле этого направления Квинт Смирнский писал о «вещем сердце» Кассандры (XII 534), Нонн Панополитанский — о «вещей птице» Эротов (Dion. III 120) и о «несущем пророчество слове» (Dion. XLI 368), Христордор Коптский — о «несущем откровение звуке» из уст пророка Полиида (AP. II 1, 42–43) и о «вещем дыхании» Мелампода (AP. II 1, 245), автор одной из христианских эпиграмм — о «вещем духе» Евдокии (AP. I 10, 5), а Мануил Фил — об «умах справедливых и вещей» (Car. V. 47, 1). Каллимах в гимне «На омовение Паллады» субстантивирует прилагательное θεοτρόπος для обозначения пророчеств Тиресия: «Много откровений (θεοτρόπα) возвестит он беотийцам, много Кадму и позже великим Лабдакидам» (125–126).

3.4. Возрождение и расширение гомеровского значения

Казалось бы, оформление *θεοπρόλος* как мантического термина должно было полностью вытеснить из языка гомеровское значение. Но его возродили александрийские поэты, и затем подхватили прозаики. Аполлоний Родосский дважды описывает действия прорицателя Мопса через причастие *θεοπρόλεω* (II 922; III 544). Каллимах в гимне «К острову Делосу» называет феопротом Олена (305) и этим расширяет семантику *θεοπρόλος*. Олен, поэт и пророк, живший за несколько поколений до Троянской войны, принадлежал тому времени, когда единое ведовское искусство еще не раскололось на мантику, поэзию, врачевание и очистительную магию и для обозначения такого древнего универсального дарования привычный термин «мантик» был слишком тесен, а к III в. до н. э. еще и слишком приземлен [Приходько 1999: 150–152]. Для полулегендарных и исторических личностей той эпохи обычно использовался термин «профет», но гомеровское *θεοπρόλος*, не запятнанное контактами с бытовой мантикой, тоже смогло дотянуться до этого значения. Позже это позволило Цельсу назвать феопротами тех избранных, кто стремится найти дорогу истины (Origen. Cels. 7, 42).

Почин Каллимаха был подхвачен авторами последующих веков, и наравне с традиционным использованием *θεοπρόλος* появились самые неожиданные его преломления. Вроде бы, Трифиодор во «Взятии Илиона» привычно назвал феопротом Калханта (172), Нонн Панополитанский — Идмона (Dion. XXXVIII 55) и Тиресия (Dion. XLIV 84), Христордор Коптский — Кассандру³ (AP. II 1, 189), схолии к гимнам Каллимаха — Карна (II 71). Но незаметно у Гелиодора (Aeth. II 26, 4) и Михаила Пселла (Or. For. 1, 128) феопротом оказалась Пифия, которая всегда выступала как *πρόμαντις*, а в магических папирусах *θεοπρόλος* стало эпитетом Аполлона: «О Феб, спасающий откровениями, о Феб Аполлон, Летоид, Дальновержец, пророк ([θε]-οπρόλε), сюда давай, сюда, сюда давай, вещая, пророчествуй в ночную пору!» (PGM VI, 24–27). Филон Александрийский в трактате «О том, что худшее склонно нападать на лучшее» утверждал, что слово, передающее возникающие в разуме мысли, по сути является «профетом и возвестителем (*θεοπρόλος*)» того, о чем без усталости проро-

³ Следует заметить, что в недавно вышедшем русском переводе «Описания статуй в общественном гимнасии Зевксиппа» Христордора Коптского допущена грубая ошибка. Описание статуи Кассандры начинается словами: *Κασάνδρην δ' ἐνόησα θεοπρόλον*, — что означает: «Я заметил пророчицу Кассандру». Но переводчики, проигнорировав значение слова *θεοπρόλος*, перевели так: «Кассандры же мысля оракул» (Болгов Н.Н., Сеница М.М. «Экфрасис» Христордора Коптского // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 25).

чувствует разум из незримых глубин своего храма (40). Но также возможность предстать феопрором получил любой прорицатель без оглядки на тип его пророческого дарования и даже на сам факт наличия у него этого дарования. Такие примеры есть у Цельса и Оригена (Cels. 7, 3; 7, 7), Евсевия Кесарийского (Vit. Const. II 4, 2), Агафия Миринейского (Hist. p. 169), Никиты Хониата (Hist. p. 372 van Dieten), Михаила Критувула (I 4, 4) и т. д.

3.5. У Филона Александрийского и в христианской литературе

Расширение сферы применения *θεοπρόλος* на этом не остановилось: оно проникло в богословскую литературу и, вслед за термином «профет», стало обозначать библейских пророков. Первым Филон Александрийский трижды назвал феопрором, то есть «получающим откровения Бога», Моисея (Ebr. 85; Conf. 29; Fuga 139). Затем Дидим Слепец в «Толковании на Книгу Пророка Захарии» представил феопрорами пророка Елисея (III 273) и многих мужей, подобных Даниилу, Иезекиилю и Аггею (II 8). У Нонна Панополитанского *θεοπρόλος* стало эпитетом первосвященника Каиафы (Par. Joan. 11, 207), а у Генесия (I 6) и Иоанна Скилицы (Mich. 1, 4) — эпитетом монаха-отшельника из Филомилия, предсказавшего судьбу патрицию Варданию. В трагедии «Христос-Страстотерпец» — рукописи называют ее автором Григория Богослова — *θεοπρόλος* семь раз обозначает библейских пророков без конкретизации (83, 589, 735, 1599, 1688, 1729, 1761) и один раз пророка Иону (1401).

Подобно тому, как в языческом мире самой высокой вершиной, покоренной *θεοπρόλος*, явилось его включение в эпитеты Аполлона, так и в христианстве это слово смогло достичь максимально возможной высоты — стать эпитетом Иисуса Христа. У Нонна Панополитанского в «Парафразе Святого Евангелия от Иоанна» самаритянка называет Иисуса «вещающим от Бога мужем-пророком» (*θεοπρόλος ἄνδρα προφήτην*, 4, 139), и сам Иисус говорит: «Это, вещая от Бога (*θεοπρόλεω*), я приказываю благоразумным словом» (15, 67).

4. Заключение — результаты в действии

Таким образом, при семантическом развитии слова *θεοπρόλος* сформировалось три направления: «пророк», «посол к оракулу», «вещий». Эти направления возникли в разное время и сосуществовали в языке. При этом второе, терминологическое значение оставалось неизменным, а первое и третье со временем расширялись, отражая изменения исторической действительности.

Знание принципов функционирования *θεοπρόλος* побуждает нас поднять вопрос о пересмотре перевода надписи на доньшке чернолаковой чаши из Ольвии (кон. V — нач. IV вв. до н. э.). Первое из-

дание этой надписи было подготовлено А.С. Русяевой, которая представила ее текст следующим образом: Φαρνάβαζ(σ)ος φίλόκαλος, πρόοδα τέθνηκας, ἤρεμέω, θεοπρότος Ἑρμοῦ, — и перевела: «Фарнабаз, любитель прекрасного (любящий красоту), я заранее знаю — ты мертв; я спокоен, предсказатель Гермеса» [Русяева 1979: 118]. В дальнейшем к этой надписи обращались многие ученые, и все имеющиеся интерпретации собрал вместе А.В. Белоусов, предложивший также свое прочтение: «Фарнабаз любитель красивого. Я знаю наперед, что ты уже мертв. Успокойся, вопрошатель оракула (ἤρεμε ὦ θεοπρότος) Гермеса!» [Белоусов 2020: 103–112, № 20]. Первая и третья часть надписи трактуются по-разному: обсуждаются падеж Φαρνάβαζος — номинатив или вокатив, форма глагола ἤρεμέω — 1-е лицо активного индикатива презенса или 2-е лицо активного императива презенса, падеж и значение θεοπρότος — номинатив или вокатив и «прорицатель» или «посланник к оракулу».

Однако исследователи не учли того факта, что θεοπρότος никогда не образовывало сочетания, использованного в надписи: нет ни одного контекста, где при нем стояло бы имя божества в родительном падеже: то есть не бывает конструкции типа «прорицатель Гермеса» или «вопрошатель Гермеса». В надписях из Северного Причерноморья θεοπρότος больше не встречается, и говорить об особом местном способе употребления оснований нет. Я бы предложила эпиграфистам обратиться к изначальному прочтению этой надписи. Надпись сделана маюскулом, и все ударения в варианте минускула были проставлены Русяевой. Древнегреческая литература и эпиграфика свидетельствуют о существовании уже с V в. до н. э. (SEG 38: 417) имени Феопроп: Θεόπροπος (с ударением на третьем слоге от конца). Это имя и имя Гермес зафиксированы в Северном Причерноморье [Fraser, Matthews 2005: 124–125, 166], и надпись ок. 440 г. до н. э. доказывает использование имени Феопроп именно в Ольвии (SEG 31: 701). Поэтому вариант интерпретации «Феопроп, сын Гермеса» тоже должен быть вынесен на обсуждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов А.В. Корпус заклятий Понтийской Ольвии (DefOlb). Defixiones Olbiae Ponticae (DefOlb). М., 2020.
2. Приходько Е.В. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М., 1999.
3. Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979.
4. Arena R. θεοπρότος / Θεοπρόκα // АСМЕ. 2006. LIX.III. Settembre–Dicembre. P. 279–280.
5. Bechtel F. Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung homerischer Wörter. Halle, 1914.
6. Beekes R. Etymological Dictionary of Greek / With the assistance of L. van Beek. Vol. 1. Leiden; Boston, 2010.

7. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. II. E – K. Paris, 1970.
8. Fraser P.M., Matthews E. (ed.). A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford, 2005.
9. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. A – Ko. Heidelberg, 1960.
10. Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
11. Liddell H.G., Scott B. A Greek-English Lexicon / Revised and augmented throughout by H.S. Jones with the assistance of R. McKenzie. 9th ed. Oxford, 1996.

REFERENCES

1. Belousov A.V. *Korpus zaklyatii Pontiiskoi Ol'vii (DefOlb). Defixiones Olbiae Ponticae (DefOlb)* [Corpus of curses of Pontic Olbia (DefOlb)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020. 160 p. (In Russ.)
2. Prikhodko E.V. *Dvoinoe sokrovishche. Iskustvo proritsaniya Drevnei Gretsii: mantika v terminakh* [Twofold Treasure. The Art of Divination of Ancient Greece: Mantic in Terms]. Moscow, Progress–Traditsiya, 1999. 592 p. (In Russ.)
3. Rusaeva A.S. *Zemledel'cheskie kul'ty v Ol'vii dogetsogo vremeni* [Agricultural cults in Olbia in pre-Getic times]. Kyiv, Naukova dumka, 1979. 172 p. (In Russ.)
4. Arena R. θεοπρόπος / Θεοπρόκα. *ACME*, 2006, LIX.III, Settembre–Dicembre, pp. 279–280.
5. Bechtel F. *Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung homerischer Wörter*. Halle, Max Niemeyer, 1914. 342 S.
6. Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek* / With the assistance of L. van Beek. Vol. 1. Leiden, Boston, Brill, 2010. 1808 p.
7. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. T. II. E – K. Paris, Éditions Klincksieck, 1970. 302 p.
8. Fraser P.M., Matthews E. (ed.). *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford: Clarendon Press, 2005. 387 p.
9. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. A – Ko. Heidelberg, Carl Winter, Universitätsverlag, 1960. 938 S.
10. Lampe G.W.H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, At the Clarendon Press, 1961. 1568 p.
11. Liddell H.G., Scott B. *A Greek-English Lexicon* / Revised and augmented throughout by H.S. Jones with the assistance of R. McKenzie. 9th ed. Oxford, Clarendon press, 1996. 2042 p.

Поступила в редакцию 21.03.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 21.03.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Приходько Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aristonica@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena Prikhodko — Ph. D., Associate Professor, Department of *Classical Languages*, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; aristonica@list.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ ТЕРМИНОЛОГИИ МОРАЛИ ДЖОНА ЛОККА ЧАСТЬ I

Л.А. Манерко, А.А. Шарапкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; wordfnew@mail.ru*

Аннотация: В статье представлена реконструкция становления английской терминосистемы морали и ее лингвистические особенности на основе анализа наиболее известной работы Джона Локка «Опыт о человеческом разумении» (1689). Данное философское сочинение изучается нами в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания; исследование ставит своей целью реконструкцию представлений о человеческой природе и принципах работы человеческого разума. Законы и принципы морали формулируются ученым не как отдельная философская проблема, но исходя из обоснования сущности человеческого мышления и генезиса идей в психике каждого отдельного индивидуума. Мы также подробно рассмотрели ключевые метафоры Локка, используемые им для описания работы человеческого мышления и разума: *tabula rasa*, *empty cabinet*, *fountains of knowledge*, *knowledge is light*. Данные концептуальные метафоры, с одной стороны, имеют глубокие историко-философские корни, а с другой стороны, они были понятны его современникам, поскольку использовали слова и образы, привычные для жителей Англии того периода. Локк меняет не только собственно языковое воплощение отчасти традиционных философских метафор, но смещает акценты, что приводит к свежим интерпретациям и усложнению системы представлений в целом. Для понимания основных составляющих концепции философа нами также были рассмотрены более ранние работы философской традиции, которые привлекались в качестве материала для языкового и концептуального сопоставления. Мы рассмотрели принципы формирования человека новых типов знания о мире и использования перекатегоризации существующих типов деятельности под влиянием социокультурных и исторических факторов. Показано, что концептуализация системы морали происходит на основе представлений XVII в. о работе человеческого разума, что далее определяет языковое воплощение терминологической сферы морали.

Ключевые слова: Джон Локк; научный дискурс; философия морали; феномен моральной ответственности; концептуальный анализ; когнитивная лингвистика; корпусная лингвистика; исследования метафоры

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-5

Финансирование: Работа поддержана грантом Российского научного фонда № 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности».

Для цитирования: Манерко Л.А., Шарapkova A.A. Концептуальные доминанты терминологии морали Джона Локка. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 57–72.

CONCEPTUAL DOMINANTS OF JOHN LOCKE'S MORAL TERMINOLOGY. PART I

L.A. Manerko, A.A. Sharapkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; wordfnew@mail.ru

Abstract: The article provides the reconstruction of the English terminological system of morality and its language features in one of the most famous papers of John Locke *An Essay Concerning Human Understanding* (1689). We study this philosophical paper within the framework of cognitive and discursive paradigm of linguistic knowledge and aim to investigate the ideas about human nature and the principles behind the work of human mind. Laws and principles were formulated by the scholar on the basis of nature determination in human thinking and ideas appearance in individual psychological system. The article investigates in detail conceptual dominants of the moral philosophy and terminology in Locke's paper and, besides that, key metaphors in Locke's discourse used for the description of human thinking including *tabula rasa*, *empty cabinet*, *fountains of knowledge*, *knowledge is light*. On the one hand, these conceptual metaphors are deeply rooted in the historical and philosophical context, and on the other, they were understandable to his contemporaries, as he used recognizable words and images. Locke not only changes the actual linguistic representation of some of the traditional philosophical metaphors, but shifts the emphasis, leading to novel interpretations and complicating the system of ideas as a whole. To understand main components of the philosopher's framework we took into account earlier papers of various scholars as the material for comparison. These components include the process by which new types of knowledge are formed and pathways by which the already existing types are recategorized under the impact of sociocultural factors. It was shown that the system of morality is grounded on the 17th-century views on how the human mind works and embodies the language representation of terminological sphere of morality.

Keywords: John Locke; scientific discourse; moral philosophy; phenomenon of moral responsibility; conceptual analysis; cognitive linguistics; corpus linguistics; metaphor studies

Funding: This work was supported by the Russian Science Foundation, the grant № 21-78-10044 "Phenomenon of moral responsibility".

For citation: Manerko L.A., Sharapkova A.A. (2023) Conceptual Dominants of John Locke's Moral Terminology. Part 1. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 57–72.

І. Введение

В современном мире доступности больших языковых данных парадоксально особую значимость приобретает возможность увидеть зарождение нового языкового явления в дискурсе. Это новшество может быть связано с деятельностью отдельной языковой личности, ее авторитетом и собственно лингвистическим вкладом в развитие языка. Антропоцентрический подход в понимании человека как объекта познания мира, осмысления бытия и выражения результатов научного поиска средствами языка также предполагает изучение отдельной языковой личности и ее вклада в развитие дискурса. В.В. Виноградов отмечал, что языковая личность представляет собой «вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [Виноградов 1980: 61]. Как подчеркивает Ю.Н. Караулов, «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения — выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [Караулов 1987: 36]. Изучение текстов, созданных отдельной языковой личностью, открывает возможность моделирования процессов формирования элементов нового знания в составе концептуальной системы и эмоционально-ценностных смыслов, специфических для нее или связанных с социокультурными характеристиками определенного исторического периода. При этом проследить вклад отдельной языковой личности в диахронии достаточно сложно: мы сталкиваемся и с проблемой выбора материала, и с проблемой его интерпретации, релевантной культурно-историческому контексту.

Особое место в формировании европейской культурной традиции, и отчасти — языковой картины мира, принадлежит просветителю XVII столетия Дж. Локку. Философские трактаты ставят Локка на один уровень лишь с еще одним английским гением — Исааком Ньютоном [Hargreaves-Mawdsley 1973: 23]. Именно «Опыт о человеческом разумении» заложил «основы описания модели психики человека в период Просвещения» [Kitson 1999: 36], определил первые научные работы по психологии, оформившие «первое поколение ученых, работающих в когнитивной науке» [Lakoff, Johnson 1999: 308].

В наших работах с применением корпусных методов ранее была показана разнородность терминологии, приспособляемой Локком для формирования собственно терминологии морали и описания моральной ответственности. Это религиозный [Шарапкова, Манерко 2022] и научный дискурсы [Шарапкова, Манерко 2023]. Однако,

как мы пытаемся показать в данной работе, корпусные данные без анализа когнитивных и языковых механизмов имеют ограниченный эвристический потенциал. Сочетание когнитивной и корпусной лингвистики позволяет продемонстрировать совершенно новый уровень анализа языкового материала, ответить на вопросы о том, как и почему происходит порождение знания в конкретном контексте через осмысление пространства, времени, ситуации, влияния множества внешних факторов на формирование концепции ученого и, соответственно, его языка.

Целью данной работы является выявление концептуальных доминант [Шарапкина 2018: 606; Болдырев, Григорьева 2018; Болдырев 2019] в тексте Локка посредством комплексной методики анализа, основанной на принципах когнитивно-дискурсивной парадигмы в исследовании языковых явлений и корпусных методов анализа [Кубрякова 2004]. В задачи данного подхода входит всестороннее описание языкового явления с учетом экстралингвистических факторов, связанных как с представлением знания в сознании человека (психологические, когнитивные), так и с историческим контекстом (коммуникативно-прагматические, социально-культурные). А «понимание коммуникативной и функциональной направленности высказывания, его роли в составе текста возможно лишь на более широкой основе дискурса» [Александрова 2011: 142]. В этом контексте «дискурс — явление когнитивное, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с содержанием новых знаний» [Кубрякова 2000: 23]. В центре внимания исследователей последних десятилетий также «оказывается все более интересный и разнообразный дискурсивный аспект коммуникации» [Комова 2013: 4].

В данной статье мы уделим внимание метафорам, которые были введены или переосмыслены Локком для описания предлагаемой системы взглядов на человеческое мышление, лежащее в основе его концепций морали. Хотя Локк был весьма критически настроен по отношению к метафорам в научных текстах (*to insinuate wrong ideas, move the passions, and thereby mislead the judgment* [Locke 1999: 34]), те немногочисленные метафоры, которые он использовал, он использовал сознательно. Более того, Локк предполагал тесную связь между мыслью и словом, точнее, мысль для него практически всегда воплощена в слова, а метафора является способом означить мысль, еще не имеющую своего имени, — *a yet unnamed thought* [Locke 1999: 403].

Вследствие сказанного мы полагаем, что включение в рассмотрение метафор может пролить свет на моделируемые концептуальные доминанты и прояснить в перспективе выбор тех или иных терминов.

II. Анализ концептуальных доминант в тексте Джона Локка: ключевые концептуальные метафоры и образ-схемы

Концептуализация морали в системе Локка существует в контексте с другими, более абстрактными философскими представлениями — о работе разума и генезисе идей в человеческой психике. Более того, «теоретическим и методологическим основанием моральной философии Локка стала его теория познания» [Гурьевская 2006: 9]. В центре теории познания Локка лежит концепция тождества личности, опирающаяся на факт осознания себя ответственным за поступки/действия в прошлом. Мораль представляет собой *сложную* идею, т. е., согласно Локку, идею, опирающуюся на более *простые* составляющие, формированию которых в человеческом разумении и посвящен его «Опыт...».

Одним из ключевых положений Локка является критика врожденных идей, составляющая органическую часть его теоретико-познавательной системы. Ее исходным принципом было положение о происхождении знания из ощущений и чувственного опыта.

В начале первой книги, озаглавленной как «Ни принципы, ни идеи не врождены» (здесь и далее, где не указан перевод А.Н. Савина [Локк 2022], перевод выполнен М.Л.А.¹), ученый пишет о самых первых понятиях, которые появляются в сознании человека: *some primary notions, koinaiennoiaí, characters, as it were stamped upon the mind of man* [Locke 1999: 27] («некие первичные понятия, общие понятия ума, так сказать, запечатленные в сознании знаки» [Локк 2022: 30–31]), и о том, что сознание не является доказательством врожденного морального правила: *Conscience no proof of any innate moral rule* [Locke 1999: 51] («Совесть не доказывает существования каких-либо врожденных нравственных правил» [Локк 2022: 59]). Ученый продолжает, что никакие идеи, даже те, которые кажутся само собой разумеющимися, не являются врожденными. В связи с этим названия частей разделов раскрывают его концепцию о не-врожденности идей, например: «В душе нет врожденных принципов» [Локк 2022: 30]; «Нет врожденных практических принципов» [Локк 2022: 52]. В целом слово *innate* в тексте Локка употребляется только в отрицательных контекстах: *Universal consent proves nothing innate* [Locke 1999: 28] («Общее согласие вовсе не доказывает врожденности» [Локк 2022: 32]).

С одной стороны, отрицание врожденных идей на самом деле было практически революционной попыткой объяснения зарождения морали в противовес религиозно-идеалистической этике. С другой,

¹ В переводе, выполненном А.Н. Савиным с оригинального текста Дж. Локка еще в 1924 г., данное название отсутствует [Локк 2022]. В некоторых случаях в переводе отсутствуют какие-либо фразы, метафоры переведены дескриптивно или вообще не переведены.

это — значительное переосмысление существовавших ранее философских взглядов и представление их в других языковых формах.

Следует вспомнить традицию античной философии, идущую еще от Платона и Аристотеля. Первая метафора, которая появляется у древнегреческих философов, была восковая табличка; ее описание фиксируется в речи Сократа в диалоге Платона «Теэтет»: «вообрази, что в наших душах есть восковая дощечка... Скажем теперь, что это дар матери муз, Мнемосины, и, подкладывая его под наши ощущения и мысли, мы делаем в нем оттиск того, что хотим запомнить из виденного, слышанного... И то, что застывает в этом воске, мы помним и знаем, пока сохраняется изображение этого, когда же оно стирается или нет уже места для новых отпечатков, тогда мы забываем и больше уже не знаем» [Платон 2007: 300]. Средства письма изначально служили человеку «внешней памятью», и метафора Платона, позже развитая Аристотелем, непосредственно связана с тем, насколько человеческий разум способен понять и воплотить чувственные формы вещей как отпечаток, сделанный кольцом-печаткой на восковой табличке. Метафора FORM of things is IMPRESS фиксируется в переводе цитаты Аристотеля с греческого языка на английский, и в ней присутствует указание на форму вещей и их отпечаток: *A sense faculty is that which has the power to receive into itself the sensible form of things without the matter, in the way in which a piece of wax takes on the impress of the signet ring without the iron or gold; what produces the impression in a signet of bronze or gold...* [Aristotle 1937: 424]. Человеческое сознание концептуализуется через тот объект, который способен удержать предметы в памяти, и этим предметом является восковая табличка (MIND is a WAXPLATE). Это переносное значение высказывания, построенное на метафоре, представляет собой «перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 2010: 54]. Говоря о метафоре (от греческого мета-форá «перенос»), Аристотель отмечал в «Поэтике» и «Риторике», что переносимое имя *необычно*, так как слова вырываются из привычных для слов контекстов и переносят их в самые разные сферы. А главная задача метафоры состоит в том, «чтобы служить средством создания новых идей о мире» [Манерко, Остроглазова 2014: 80]. Как правило, в метафоре абстрактное понятие передается через конкретный образ. «Опыт обращения [человека] с материальными объектами создает основу для исключительно широкого разнообразия онтологических метафор, т. е. способов восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т. п., как материальных сущностей и веществ» [Лакофф, Джонсон 2008: 49].

Близкие идеи можно найти в Англии в предшествующую эпоху по отношению к описанию души человека в религиозной литературе. Ричард Хукер (1554–1600) в одной из своих работ сравнивает душу человека с книгой, в которой ничего еще не было напечатано: «The soule of man being therefore at the first as a booke, wherein nothing is, and yet all things may be imprinted» [цит. по: Pasanek 2015: 330].

У Локка эти идеи *blank state* принимают известную нам форму метафоры *tabula rasa* — «чистой доски», появившуюся в его работе «О воспитании разума», но в нее ученый внес «уточнения и исправления, в соответствии с которыми “чистая доска” оказывается не такой уж чистой» [Заиченко 1988: 56]. На нее оказывает влияние различие задатков, которые «природа закладывает в нас», а опыт и воспитание «могут наносить любые письмена», влияющие на человеческий рассудок [Заиченко 1988: 57]. В последующие годы после публикации «Опыта...» данная метафора неразрывно будет связана именно с именем Локка и его философией [Pasanek 2015: 229]. Более того, эта метафора уравнивается другой — *empty cabinet*, которую мы разберем подробнее далее.

Итак, все идеи появляются в результате ощущений и отражения предметов (*All ideas come from sensation or reflection*) и их существенных свойств, изображаемых на чистом белом листе, лишенном каких-либо знаков или идей (*white paper, void of all characters, without any ideas*) [Locke 1999: 87]. Важно, что с их появлением и изображением рождается бесконечное число материала для разума и человеческого знания, получаемого из опыта. И если у Аристотеля знания, воспринятые человеческим умом, связаны с «особым видом души» [Аристотель 1937: 41], то у Локка *ощущение* напрямую связано с человеческим телом: *For as in the body there is sensation barely in itself* [Locke 1999: 214]. Он понимает его как «фактическое вхождение идеи в разумение через чувства» [Локк 2022: 251]. Все воспринятое в действительности располагается как оттиски в человеческом сознании через «тождество предмета» и далее превращается в идеи.

Эти ранние идеи о телесной воплощенности сознания также были революционными для своего времени, когда до формулирования концепции *embodied cognition* — воплощенного познания — оставалось еще три столетия. Локк развивает идею о первичном познании как видении: «‘understanding’ is in a strong sense and at a basic level the same as ‘sensing’, and more particularly ‘seeing’» [Dawson 2007: 247]. Далее в тексте «Опыта...» происходит разделение на простые и сложные идеи, которые, в свою очередь, описываются посредством метафор. Очевидно, что выбор слов находится в гармонии с базовыми образами, однако лексическая детализация метафоры здесь иная, отражающая формирование нового знания.

Ранее, при помощи метода образных схем, нами было показано, что наиболее частотными представлениями о человеческом разуме (MIND) в тексте Локка являются КОНТЕЙНЕР, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ и ПЛОСКОСТЬ [Sharapkova, Loginov, Manerko 2019]. Более того, в большинстве контекстов эти представления смешиваются друг с другом получают дополнительную метафоризацию: лексема *mind* одновременно указывает и на разум — вместилище идей и впечатлений и их хранилище.

Локк считает, что способности, которыми Бог специально наделил человека, могут быть переданы метафорой наполнения пространства дома мебелью (*he hath furnished man with those faculties*); эти способности будут служить для открытия всех вещей (*will serve for the sufficient discovery of all things* [Locke 1999: 74]). Многочисленные впечатления и простые идеи хранятся как отпечатки знаний и идей на чистом листе, в обширном хранилище (*vast store*) человеческого сознания [Locke 1999: 74]. Локк неоднократно пишет о том, что первичные понятия (*notion*) важны как «отпечатки» в сознании человека, используя пассивную конструкцию глагола *to stamp*: *were stamped upon the mind of man* [Locke 1999: 27]. Эта идея «чистой доски» или «белой бумаги» человеческого сознания как плоскости превращается в метафору — MIND is a memorizing OBJECT и MIND is a CONTAINER.

Более того, глаголы, описывающие нанесение знаков на некий плоский предмет, показательны в тексте «Опыта...» (64 раза) в коллокациях *on (upon) the mind* (см. Табл. 1). При этом частотность использования лексемы *mind* с предлогом *in* составляет 560 примеров (Табл. 2), с предлогом *by* — 117, что статистически подтверждает наши более ранние выводы, сделанные при помощи анализа образных схем [Sharapkova, Loginov, Manerko 2019]. В нашем исследовании показаны коллокаты на основе анализа созданного нами корпуса в английском тексте «Опыта...» Локка, опирающиеся на программное обеспечение Sketch Engine.

Указывая на строго определенные простые понятия в предисловии ко второму изданию книги (1690), Локк пишет: «Под термином “определенный” в приложении его к *простой идее* я разумею то простое представление, которое ум имеет в своем поле зрения или воспринимает в себе, когда говорят, что эта идея находится в нем» [Локк 2022: 20]. К первичным идеям отнесены сущности, полученные на основе ощущений и внешнего опыта, а именно протяженность, форма предмета, а также восприятие цвета, мягкости/твердости предмета, запаха, вкуса, движения и его единства. Обычно первичные идеи находятся в плавающем состоянии до того, как они переходят в человеческое разумение: *when ideas float in our mind, without any reflection or regard of the understanding* [Locke 1999: 251]; *yet like*

Данные употребления слов, фиксируемых с сочетанием *с on the mind и in the mind* в тексте Локка, полученные при помощи функции “collocations” (3) в Sketch Engine

word	On the mind					In the mind					
	cooccurrences	candidates	T-score	MI	LogDice	word	cooccurrences	candidates	T-score	MI	LogDice
imprinted	16	55	4.00	11.27	12.45	produce	8	171	2.80	6.51	9.59
stamped	3	11	1.73	11.18	10.94	produced	5	97	2.21	6.65	9.22
impressions	4	58	2.00	9.20	10.40	settled	4	50	1.99	7.29	8.98
characters	3	38	1.73	9.39	10.32	framed	3	25	1.72	7.87	8.98
by	3	2.294	1.58	3.48	5.40	perceptions	3	30	1.72	7.61	8.94
of	15	13.399	3.47	3.25	5.19	said	5	181	2.19	5.75	8.87
be	4	3.887	1.77	3.13	5.06	ideas	34	2.555	5.61	4.70	8.68
is	3	4.839	1.40	2.40	4.33	abstract	4	172	1.96	5.50	8.58
natural	3	156	1.72	2.35	4.98	memory	3	119	1.70	5.62	8.42

floating Visions, they make not deep Impressions enough, to leave in the Mind clear distinct lasting Ideas, till the Understanding turns inwards upon itself, reflects on its own Operations, and makes them the Object of its own Contemplation [Locke 1999: 90] «но, подобно блуждающим призракам, не производит впечатления достаточно глубокого, чтобы оставить в уме ясные, отличные друг от друга, прочные идеи, пока разум не обратит свой взор внутрь себя, не начнет размышлять о своей собственной деятельности и не сделает ее объектом своего созерцания» [Локк 2022: 107]. Интересным является указание на то, что некоторые идеи быстро тускнеют (*quickly fade*), не сохранив следов и оставляя разум пустым: *often vanish quite out of the understanding, leaving no more footsteps or remaining characters of themselves than shadows do flying over fields of corn, and the mind is as void of them as if they had never been there* [Locke 1999: 134]. «Во всех этих случаях идеи быстро блекнут в уме и часто совершенно исчезают из разума, оставляя по себе так же мало следов или знаков, как пробегающие по нивам тени. Ум тогда лишен идей, как будто никогда и не имел их» [Локк 2022: 157].

Локк пытается объяснить те человеческие впечатления, которые приходят благодаря воспоминаниям и припоминанию (*remembrance and recollection*) или сосредоточенности внимания на определенной идее (*take notice of, fixes its view on any idea*), они будут положены в основу простых модусов как части сложных идей, включающих «пространство», «место», «форму» [Заиченко 1988: 67].

От описания метафоры о человеческом разуме как запоминающем объекте (MIND is a memorizing OBJECT) Локк в дальнейшем переходит к рассмотрению того, как восприятие дает возможность формирования конкретных идей в человеческом сознании. Разум «постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти и получают имена» — так звучит перевод на русский язык [Локк 2022: 39].

Этому способствует образ «пустого шкафа-кабинета», служащего контейнером для идей, — MIND as a CABINET. Лексема *cabinet* не указывает на привычный нам кабинет или стол, а исторически обозначает шкаф для естественно-научных коллекций, которые были в Королевском обществе, куда входил и сам Локк.

Подобный шкаф был оборудован множеством небольших ящичков, позволявших классифицировать и хранить коллекции. Часто, помимо выдвигаемого ящика, шкаф закрывался на створки, защищавшие коллекцию от пыли, влаги и света. Так и *mind*, благодаря памяти, важной функции человеческого разума (MEMORY is a CONTAINER for senses), становится тем вместилищем, которое способно связать имена с идеями в сознании индивида и которое Локк увязывает с ранее использованной метафорой мебелировки

пространства разума (*furnish*). Следует отметить, что философ, благодаря подобному пониманию, предвосхищает открытия последующих столетий о важности категоризации в осмыслении человеческого опыта. Именно эта метафора отчасти уравнивает метафору *tabula rasa*, ибо, в отличие от чистого листа, шкаф имеет некоторую структуру, что может указывать на некие присущие человеку психологические механизмы обработки поступающего извне опыта.

Ярким примером такой категоризации выступает схематический пространственный образ вместилища, доминирующий среди концептуальных метафор и в переводе замененный на «пустое место», что нивелирует важную идею предполагаемой категоризации. Ср. *The senses at first let in particular ideas, and furnish the yet empty cabinet, and the mind by degrees growing familiar with some of them...* [Locke 1999: 35]. «Чувства сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место, и по мере того, как разум постепенно осваивается с некоторыми из них...» [Локк 2022: 39].

Более того, проникновение внутрь механизма человеческого мышления — сложно, и метафора шкафа продолжается в другом контексте, дополняясь сравнением мышления со светом: *These alone, as far as I can discover, are the Windows by standing is not much unlike a Closet wholly shut from light, with only some little openings left, to let in external visible Resemblances, or Ideas of things without; would the Pictures coming into such a dark Room but stay there, and lie so orderly as to be found upon occasion, it would very much resemble the Understanding of a Man, in reference to all Objects of sight, and the Ideas of them* [Locke 1999: 96]. «Насколько я могу открыть, это единственные окна, через которые свет проникает в эту темную комнату, ибо, на мой взгляд, разум очень похож на камеру, совершенно закрытую для света, с одним только небольшим отверстием, оставленным для того, чтобы впускать видимые подобия, или идеи, внешних вещей. И если бы только проникающие в такую темную комнату образы могли оставаться там и лежать в таком порядке, чтобы в случае необходимости их можно было найти, то это было бы очень похоже на человеческий разум в его отношении ко всем зримым объектам и их идеям» [Локк 2022: 110]. Данная метафора небольшой, приватной комнаты, часто используемой для личного кабинета хозяина дома или гардеробной, кажется вполне органичной, она подразумевает хранение и категоризацию необходимых вещей. Отметим, что подобная комната в силу архитектурных особенностей английских домов XVII в часто имела только один вход, так как располагалась в конце анфилады комнат.

Ученый последовательно подводит читателя к мысли о динамике и иерархичности развития познавательной деятельности людей, что

характеризует аналитическую концепцию эмпиризма Локка, где понимание «идей, которыми мы обладаем», складывается на основе рефлексии и восприятия ИСТОЧНИКОВ знания (*fountains of knowledge*). Особое место отдано абстрагированию (*abstracts them*), использованию более общих терминов (*the use of general names*) и применению упражнений для формирования способности к мышлению (*discursive faculty*).

Говоря о *сложных идеях*, Локк отмечает, что они состоят «из определенного числа простых или менее сложных идей, *соединенных* в таком взаимоотношении и расположении, какое ум имеет перед собой и видит в себе, когда эта идея присутствует в нем или должна была бы присутствовать в нем, если кто произносит название этой идеи» [Локк 2022: 20–21]. Сложные идеи являются производными от простых, так как включают идеи на основе субстанций опыта. Это простые модусы «пространства», «места», «формы», смешанные модусы («ложь», «опьянение») и др. Они создаются мышлением, которое рассматривается как действие, существенное для развития духовной сферы: *thinking is the action* [Locke 1999: 213]; *actual thinking is essential to the soul, and inseparable from it* [Locke 1999: 91].

С другой стороны, человеческое мышление и у Локка, и в целом в научном дискурсе Просвещения часто описывается через метафору света. В частности, у Локка это свеча, которая помогает осветить закрытые ящики человеческого мышления или бросить свет в темной комнате. Читателям XX–XXI вв. такая метафора мышления как света может показаться лишь устаревшим риторическим приемом, однако для мыслителей XVII в. это было реальное переживание, чувственный образ, упрощающий и размышление об определенной проблеме, и передачу смыслов. Так, например, метафора LIGHT OF NATURE, по-видимому, пришла в язык философии и естественной науки из духовной экзегезы предшествующих столетий [Casini 1988]. Притом что *understanding* рассматривается как шкаф (ящик), который трудно увидеть, *reason* — это светильник, излучающий свет, облегчающий человеку процесс познания. Свет рассеивает тьму, и человеческий разум сравнивается с тусклой свечой (*dim candle*), зажженной в оппозиции к Солнцу, небесному лучу (*to the Sun, celestial ray*) вечного разума-Бога, однако достаточной для человеческих целей познания: *The Candle that is set up in us shines bright enough for all our purposes* [Locke 1999: 25] («Свеча, которая зажжена в нас, горит достаточно ярко для всех наших целей» [Локк, 2022: 28]).

Метафора *the light of reason*, по-видимому, восходит к Аристотелю, который пишет в трактате *De Anima*, что интеллект агенса подобен свету [Аристотель 1937]. Этот образ используется далее Фомой Аквинским, для которого именно свет деятельного интеллекта делает

фантазмы чувств понятными, но интеллектуальный свет есть подобие света Божественного. Далее линия переосмысления данной метафоры переходит к Декарту, который полагает, что жизненно важная часть нашего человеческого дарования состоит из «естественного света» (*lux naturalis*) — в высшей степени нормативного понятия, обозначающего свет разума, который дает нам доступ к тому, что объективно хорошо и истинно а также представляет основу мышления — «transparent clarity of cognition» [Descartes 1984: 135].

Данная гносеологическая метафора развивается у Локка в различие между светом Божественным и светом человеческим, т. е. светом солнца («полуденное солнце») и светом свечи в «сумерках разума»: *Reason is lost upon them, they are above it: they see the Light infused into their Understandings, and cannot be mistaken; 'tis clear and visible there; like the Light of bright Sunshine, shews itself, and needs no other Proof, but its own Evidence* [Locke 1999: 452]. *This light from heaven is strong, clear, and pure; carries its own demonstration with it: and we may as naturally take a glow-worm to assist us to discover the sun, as to examine the celestial ray by our dim candle, reason* [Locke 1999: 696]. «Этот небесный свет силен, ясен и чист, он несет в себе самом собственное доказательство. И изучать небесные лучи при помощи нашей тусклой свечи — разума столь же логично, как прибегать к помощи светляка, чтобы обнаружить солнце» [Локк 2022: 180].

III. Выводы

Таким образом, у Локка вырисовывается стройная концептуальная система представлений о человеческом сознании, мышлении и морали, в описании которой метафоры играют важную роль. Философ последовательно строит систему, объясняющую и рационализирующую человеческое мышление и генезис идей от простых до наиболее сложных, таких как мораль, для понимания которой у человека есть все основания. Данные концептуальные метафоры, с одной стороны, имеют глубокие историко-философские корни, а с другой стороны, они были понятны его современникам, поскольку использовали узнаваемые образы — это *tabula rasa* ‘чистая доска’, ‘белая бумага’, *empty cabinet* ‘пустой шкаф со множеством ящичков’, *fountains of knowledge* ‘источники знания’, *light of reason* ‘свет знания’ и т. д. Хочется завершить данное исследование цитатой из философа XX в. Ортега-и-Гассета: «Она (метафора) не только средство выражения, но и одно из основных орудий познания... Метафора — это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям... Мало кто в должной мере понимает, что метафора — это истина, проникновение в реальность...» [1991].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.В. Виды речи и современное состояние речевой деятельности // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 141–147.
2. *Аристотель*. О душе / Пер. П.С. Попова, предисл. В.К. Сережникова М., 1937.
3. *Аристотель*. Поэтика. Риторика / Пер. с др.-греч. В. Апелльброта, Н. Платоновой. СПб., 2010.
4. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 21–30.
5. Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.
6. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980.
7. Гурьевская Л.А. Познание и нравственность в философии Джона Локка: дис. ...канд. филол. наук. М., 2006.
8. Заиченко Г.А. Джон Локк: 2-е, дораб. изд. М.: Мысль, 1988.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
10. Кубрякова Е.С. О формировании значения в актах симбиоза // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сборник научных трудов. Под. ред. Л.А. Манерко. Рязань, 2000. С. 26–29.
11. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. М., 2008.
13. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Пер. А.Н. Савина. СПб., 2022.
14. Манерко Л.А., Остроглазова Н.А. Метафора взглядов на человеческий мозг: от Платона до Лейбница // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. Вып. 12. М., 2014. С. 79–87.
15. Манерко Л.А., Шаранкова А.А. Структура представлений о морали в работах Дж. Локка: когнитивно-корпусный анализ // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 51. № 4. С. 724–731.
16. *Ортега-и-Гассет Х.* Две главные метафоры / Пер. с исп. Б.В. Дубина. 1991. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega11.txt> (дата обращения: 29.05.2023).
17. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 2. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Пер. с др.-греч. СПб., 2007.
18. Шаранкова А.А. Концептуальная доминанта как ключ к пониманию концептуальных преобразований в художественных произведениях // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 604–607.
19. Шаранкова А.А., Манерко Л.А. Конструирование основ моральной ответственности в философии Локка: влияние естественнонаучного дискурса // Вестник Московского университета. Серия 7. 2023 (в печати).
20. Casini P. Newton's Principia and the Philosophers of the Enlightenment // Notes and Records of the Royal Society of London. 1988. Vol. 42. № 1. P. 35–52.
21. Dawson H. Locke, Language and Early-Modern Philosophy. Cambridge, 2007.
22. Descartes R. Objections and Replies // The Philosophical Writings of Descartes / Trans. Cottingham et al. Vol. II. New York, 1984. P. 63–383.
23. Hargreaves-Mawdsley W.N. Oxford in the Age of John Locke. Norman, 1973.
24. Kitson P.J. Beyond the Enlightenment // A Companion to Romanticism / Ed. by D. Wu. Oxford, 1999.
25. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York, 1999.
26. Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. Hazleton, 1999.

27. *Pasanek B. Metaphors of Mind: An Eighteenth-Century Dictionary.* Baltimore, 2015.
28. *Sharapkova A., Loginov E., Manerko L. Conceptualizing the mental sphere in discourse: from Enlightenment philosophy to Mark Twain // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava.* 2019. Vol. IV. № 1. P. 170–240.

REFERENCES

1. Aleksandrova O.V. Vidy rechi i sovremennoe sostoyanie rechevoi deyatelnosti [Types of speech and the current state of speech activity]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2011, Vyp. IX, pp. 141–147. (In Russ.)
2. Aristotle. *O Dushe* [About the soul]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937. 201 p.
3. Aristotle. *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. Saint Petersburg, Izdatel'skaya Gruppy "Azbuka-klassika", 2010. 352 p.
4. Boldyrev N.N. Dominantnyi printsip kontseptual'nogo vzaimodeistviya v yazykovom obshchenii [The Dominant Principle of Conceptual Interaction in Language Communication]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2019, № 38, pp. 21–30. (In Russ.)
5. Boldyrev N.N., Grigor'eva V.S. Kognitivnye dominanty rechevogo vzaimodeistviya [Cognitive dominants of speech interaction]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2018, № 4, pp. 15–24. (In Russ.)
6. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy: O yazyke khudozhestvennoi prozy* [Selected Works: On the Language of Fiction]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p.
7. Guryevskaya L.A. *Poznanie i nrvstvennost' v filosofii Dzhona Lokka* [Cognition and Morality in John Locke's Philosophy], dis. doc. philol. sciences. Moscow, 2006. 168 p. (In Russ.)
8. Zaichenko G.A. *Dzhon Lokk: 2-e, dorab. izd.* [John Locke: 2nd rev. ed.]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 199 p.
9. Karaulov Yu.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 262 p.
10. Kubryakova E.S. O formirovanii znachenija v aktah simbioza [On the formation of meaning in acts of symbiosis]. *Kognitivnye aspekty jazykovoj kategorizacii: sbornik nauchnyh trudov. Pod. red. L.A. Manerko Rjazan'*, 2000, pp. 26–29. (In Russ.)
11. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti poluchenija znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in cognition of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 555 p.
12. Lakoff J., Johnson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]: Per. s angl. / Pod red. i s predisl. A.N. Baranova. Izd. 2-e. Moscow, Izd-vo LKI, 2008. 256 p.
13. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [Essay Concerning Human Understanding]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2022. 864 p.
14. Manerko L.A., Ostroglazova N.A. Metafora vzglyadov na chelovecheskii mozg: ot Platona do Leibnitsa [Metaphor of Views of the Human Brain: from Plato to Leibniz]. *Aktualnye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki: Sb. nauch. tr.* Vyp. 12. Moscow, Nacionalnyj knizhnyj centr Publ., 2014, pp. 79–87. (In Russ.)
15. Manerko L.A., Sharapkova A.A. Struktura predstavlenii o morali v rabotakh Dzh. Lokka: kognitivno-korpusnyi analiz [The structure of ideas about morality in the works of J. Locke: Cognitive-corpus analysis]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2022, Vyp. 51, № 4, pp. 724–731. (In Russ.)
16. Ortega y Gasset J. *Dve glavnye metafory* [The Two Main Metaphors] / Per. s isp. B.V. Dubina, 1991. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega11.txt> (accessed: 29.05.2023).

17. Plato. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. T. 2. / Pod obshch. red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa; Per. s dr.-grech. Saint Petersburg, *Izd-vo Olega Abyshko*, 2007. 626 p.
18. Sharapkova A.A. Kontseptual'naya dominanta kak klyuch k ponimaniyu kontseptual'nykh preobrazovaniy v khudozhestvennykh proizvedeniyakh [Conceptual Dominant as a Key to Understanding Conceptual Transformations in Fiction]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2018, № 34, pp. 604–607. (In Russ.)
19. Casini P. Newton's Principia and the Philosophers of the Enlightenment. *Notes and Records of the Royal Society of London*, 1988, Vol. 42, № 1, pp. 35–52.
20. Dawson H. *Locke, Language and Early-Modern Philosophy*. Cambridge, *Cambridge University Press*, 2007. 361 p.
21. Descartes R. Objections and Replies. *The Philosophical Writings of Descartes* / Trans. Cottingham et al. Vol. II. New York, *Cambridge University Press*, 1984, pp. 63–383.
22. Hargreaves-Mawdsley W.N. *Oxford in the Age of John Locke*. Norman, *University of Oklahoma Press*, 1973. 132 p.
23. Kitson P.J. Beyond the Enlightenment. *A Companion to Romanticism* / Ed. by D. Wu. Oxford, *Blackwell Publishers*, 1999. 566 p.
24. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York, *Basic Books*, 1999. 624 p.
25. Locke J. *An Essay Concerning Human Understanding*. Hazleton, *The Pennsylvania State University*, 1999. 719 p.
26. Pasanek B. *Metaphors of Mind: An Eighteenth-Century Dictionary*. Baltimore, *JHU Press*, 2015. 392 p.
27. Sharapkova A., Loginov E., Manerko L. Conceptualizing the mental sphere in discourse: from Enlightenment philosophy to Mark Twain. *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*, 2019. Vol. IV, № 1, pp. 170–240.

Поступила в редакцию 26.04.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 07.09.2023

Received 26.04.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 07.09.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Манерко Лариса Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; wordfnew@mail.ru

Шарapkova Анастасия Андреевна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; warapkova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Larissa Manerko — Prof. Dr., Head of the Department of Theory and Practice of the English Language, Higher School of Translation and Interpretation (Faculty), Lomonosov Moscow State University; wordfnew@mail.ru

Anastasia Sharapkova — Ph. D., Teaching Fellow, Department of English Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; warapkova@mail.ru

ЧАСТОТНЫЙ АНАЛИЗ АНТРОПОНИМОВ В УЧЕБНИКАХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

С.В. Лакина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; sve-lakina@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена частотному анализу антропонимических единиц в учебниках по дисциплине «Античная литература». Анализ лексических единиц проводился в два этапа — посредством сначала компьютерной, а затем ручной обработки текстовой базы. Задача проведенного исследования состояла в выявлении лексических особенностей текста предметной области, а также особенностей частотного словника дисциплины «Античная литература», обусловленных своеобразием рассматриваемого учебного курса. В статье рассматривается одна из особенностей терминологической составляющей дисциплины «Античная литература» — терминологический синкретизм. Суть этого понятия в рамках рассматриваемой дисциплины заключается в том, что на страницах учебников по античной литературе для высших учебных заведений можно встретить терминологию иных областей знания. Так, изучение рассматриваемой дисциплины предполагает знание терминологических единиц таких областей, как история, философия, риторика и другие. Также в ходе проведенного исследования, описанного в статье, удалось выявить особенность состава, специфику типов и функций антропонимов в учебниках по античной литературе на фоне других дисциплин. Кроме того, автоматизированный частотный анализ лексики позволил выявить самые богатые и бедные по количеству антропонимов учебники, а также уникальные антропонимические лексемы. Автоматизированный анализ антропонимов в учебниках по дисциплине, к которой мы обращаемся, имеет как методическое, так и науковедческое значение. Методически такое исследование важно для составления лексического минимума дисциплины, а его науковедческое значение заключается в том, что частотный анализ соотносится с периодизацией объекта изучения и с углом зрения каждого из авторов на него.

Ключевые слова: частотный анализ текста; учебники; античная литература; словник; антропонимы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-6

Для цитирования: Лакина С.В. Частотный анализ антропонимов в учебниках по дисциплине «Античная литература» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 73–85.

FREQUENCY ANALYSIS OF PROPER NAMES IN TEXTBOOKS ON THE ACADEMIC DISCIPLINE 'CLASSICAL LITERATURE'

Svetlana Lakina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sve-lakina@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the frequency analysis of anthroponymic units in textbooks on the discipline 'Classical Literature'. The analysis of these lexical units was carried out in two stages — first by computer, and then by manual processing of texts. The objective of the research was to identify the lexical features of the text of the subject area, as well as the features of the frequency dictionary of the discipline 'Classical Literature', due to the uniqueness of the course under consideration. The article discusses one of the features of the terminological component of the discipline 'Classical Literature' — terminological syncretism. The essence of this concept in the discipline under consideration is that on the pages of textbooks on Classical Literature for higher educational institutions, you can find the terminology of other areas of knowledge. Thus, the study of the discipline under consideration presupposes knowledge of the terminological units of such fields of knowledge as history, philosophy, rhetoric, and others. Also, in the course of the research, it was possible to identify the feature of the composition, the specifics of the types and functions of anthroponyms in textbooks on Classical Literature against the background of other disciplines. In addition, the automated frequency analysis of vocabulary made it possible to identify the richest and poorest textbooks in terms of the number of anthroponyms, as well as unique anthroponyms. Automated analysis of anthroponyms in textbooks has both methodological and scientific value. Methodologically this research is important for preparation the lexical minimum of the discipline. And its scientific significance consists in the fact that frequency analysis correlates with the periodization of the object of research and with the point of view of each of the authors on it.

Keywords: frequency analysis of text; textbooks; classical literature; dictionary; proper names

For citation: Lakina S.V. (2023) Frequency Analysis of Proper Names in Textbooks on the Academic Discipline 'Classical Literature'. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 73–85.

Введение

Любая учебная дисциплина обладает терминологическим аппаратом, который служит отражением понятийных компонентов и связей, образующихся между ними, в той или иной профессиональной области. Особенность терминологической базы такой учебной дисциплины, как «Античная литература», состоит в том, что она содержит в себе единицы, которые относятся к смежным

областям гуманитарного знания. Так, на страницах учебных книг по античной литературе мы можем встретить терминологию таких областей, как, например, риторика, философия, история. Это явление, которое можно обозначить как терминологический синкретизм. Помимо терминов, особую роль в текстах учебников по рассматриваемой дисциплине играют имена собственные, которые также являются одним из пластов неоднородной лексической составляющей учебного текста. В частности, речь идет об антропонимах, которые в контексте учебной дисциплины «Античная литература» обладают рядом особенностей и в совокупности с другими типами имен собственных представляют ономастическое пространство данной дисциплины [Подольская 1978: 104].

Специфика состава, типов и функций антропонимов в учебниках по античной литературе на фоне других дисциплин, как представляется, состоит в следующем. Если в таких гуманитарных областях знания, как история и философия, антропонимы, как правило, являются именами реальных государственных деятелей, ученых, исторических фигур, то в учебном тексте по античной литературе, как и по другим литературам, у антропонимов появляется еще одна специфическая роль — эти единицы начинают выступать в качестве обозначений героев произведений, которые могут быть как полностью вымышленными персонажами, так и реально существовавшими субъектами, причем в случае античной литературы, включающей обширный мифологический пласт, граница реальности/вымышленности концептуально значима и лабильна.

Оценить и проанализировать лексическую составляющую учебников по любой дисциплине в настоящее время возможно посредством автоматической обработки текстов. В том числе возможно определить частотность словоупотребления той или иной единицы, а значит — сравнить встречаемость единиц, чтобы выявить концептуальный каркас дисциплины или сделать методические выводы, касающиеся того, на какие именно лексемы стоит обратить особое внимание преподавателю при обучении, например, иностранного студента языку специальной дисциплины. Так, автоматическая обработка текста позволяет выявить наиболее значимые для понимания учебного текста единицы. Известно, что степень понимания текста любой специальной дисциплины во многом зависит от знания и понимания терминов, которые в нем содержатся, от того, какую терминологическую нагрузку испытывает обучающийся при ознакомлении с ним [Сидорова 2020: 202]. Антропонимы в учебниках истории или литературы играют в этом смысле роль, аналогичную терминам: от того, как их запомнил учащийся, насколько уверенно он соотносит их с референтами (авторами или героями произведе-

ний), зависит его успех на экзамене. Соответственно, можно говорить, применительно к этим дисциплинам и по аналогии с «терминологической нагрузкой», об «антропонимической нагрузке» (термин наш), целесообразность и распределение которой зависит опять же от частотности упоминания того или иного лица в тексте учебника.

Материал и процедура исследования

Наше исследование антропонимов в учебниках по античной литературе основывается на автоматизированном анализе текстов этих учебников, в результате которого были получены два вида частотных списков:

- 1) с включением первых 2000 слов по [Ляшевская, Шаров 2009];
- 2) с исключением первых 2000 слов по [Ляшевская, Шаров 2009].

Об использованной методике автоматизированного анализа и результатах, которые она позволяет получить, см. [Сидорова, Шматко 2019: 36–41; Сидорова, Шматко, Певцов 2021; Лосицкая, Очнева, Тресорукова 2019].

В ходе исследования нами были обработаны с применением компьютерных методов и проанализированы шесть учебников по дисциплине «Античная литература»:

1. А.Ф. Лосев, Г.А. Сонкина, А.А. Тахо-Годи, Н.А. Тимофеева, Н.М. Черемухина. Под ред. А.А. Тахо-Годи. Античная литература. М.: Просвещение, 3-е издание, 1980 [Тахо-Годи 1980];

2. И.М. Тронский. История античной литературы. М.: Высшая школа, 5-е издание, 1988 [Тронский 1988];

3. М. фон Альбрехт. Перевод А.И. Любжина. История римской литературы. М.: Греко-латинский кабинет. Т. 1–3. 2002 [Альбрехт 2002];

4. А.Ф. Лосев. Под ред. А.А. Тахо-Годи. Античная литература. М.: ЧеРо, 7-е издание, 2005 [Лосев 2005];

5. М.М. Покровский. История римской литературы. М.: Издательство академии наук СССР, 1942 [Покровский 1942];

6. С.И. Радциг. История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 5-е издание, 1982 [Радциг 1982].

Верхняя часть частотного словника по дисциплине «Античная литература» с исключением первых 2000 слов по Новому частотному словарю русского языка О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская, Шаров 2009] после проведения нами ручной чистки, а также коррекции ошибок компьютерной лемматизации выглядит следующим образом (приведем первые 20 единиц):

римский	Вергилий
греческий	стихотворение
трагедия	песнь
поэма	Цезарь
Рим	сохраниться
сочинение	латинский
Цицерон	эпос
стих(и)	оратор
жанр	Гомер
античный	Тацит

Среди первых 20 лексем уже выделяются 5 антропонимических единиц (*Цицерон, Вергилий, Цезарь, Гомер, Тацит*), что, несомненно, указывает на необходимость включения имен собственных, в частности антропонимов, в частотный словарь дисциплины.

Общий объем корпуса представленных текстов составил более миллиона словоупотреблений. В учебниках в совокупности было обнаружено 3249 антропонимов. Для каждого учебника была установлена выборка в 30 наиболее часто встречающихся антропонимов, количество употреблений которых было представлено в абсолютном и процентном (количество словоупотреблений на 100 000 слов) выражении. Кроме того, была проанализирована доля встречаемости каждого антропонима в отдельном учебнике от общего числа словоупотреблений в корпусе, что позволило вычленить уникальные антропонимы для конкретного учебника (то есть антропонимы, которые встречаются только в данном тексте).

Результаты и обсуждение

Перейдем к обсуждению данных, полученных в результате анализа. В таблице 1 представлены:

- 1) общее количество токенов (словоупотреблений) в учебниках,
- 2) количество антропонимов (антропонимических лексем).

Как можно заметить, прямой зависимости между общим количеством словоупотреблений в том или ином учебнике и числом антропонимических лексем в нем не наблюдается. Так, самыми богатыми по количеству антропонимов оказываются учебник М.М. Покровского и 3-й том учебника М. фон Альбрехта (0,39 % от общего количества словоупотреблений), а самыми бедными — учебники А.А. Тахо-Годи и И.М. Тронского (0,18 %).

Перейдем к рассмотрению количественных данных, которые относятся непосредственно к антропонимам. В таблице 2 представлена выборка из 30 наиболее частотных единиц в каждом из учебников-однотомников. В таблице 3 даются количественные данные,

полученные в ходе обработки учебника, состоящего из нескольких томов. Количество употреблений антропонимов в каждом из учебников представлено в абсолютном и относительном (на 100 000 словоупотреблений) выражении (абсолютные/относительные значения приводятся через слеш). Жирным шрифтом выделены относительные значения, в соответствии с убыванием которых представлены лексемы.

Таблица 1

Учебник	Общее количество словоупотреблений	Общее количество антропонимов/ процент от словоупотреблений
А.А. Тахо-Годи	159 054	274 / 0,17 %
И.М. Тронский	199 709	351 / 0,18 %
М. фон Альбрехт	430 794 (1 том — 156 847, 2 том — 153 531, 3 том — 120 416)	1 том — 334 / 0,21 %, 2 том — 394 / 0,26 %, 3 том — 464 / 0,39 %
М.М. Покровский	135 666	518 / 0,39 %
А.Ф. Лосев	158 270	414 / 0,26 %
С.И. Радциг	179 465	500 / 0,28 %

Таблица 2

30 наиболее употребительных антропонимов в однотоминых учебниках¹

А.А. Тахо-Годи	И.М. Тронский	А.Ф. Лосев	М.М. Покровский	С.И. Радциг
Гомер — 256/ 161	Цицерон — 197/ 99	Гомер — 267/ 169	Цицерон — 331/ 244	Одиссей — 321/ 179
Гораций — 167/ 105	Одиссей — 193/ 97	Гораций — 166/ 105	Вергилий — 259/ 191	Еврипид — 273/ 152
Аристотель — 165/ 104	Еврипид — 183/ 92	Вергилий — 158/ 100	Цезарь — 215/ 158	Аристофан — 219/ 122
Вергилий — 160/ 101	Гораций — 180/ 90	Аристотель — 156/ 99	Овидий — 181/ 133	Афина — 187/ 104
Цицерон — 139/ 87	Вергилий — 165/ 83	Цицерон — 139/ 88	Август — 179/ 132	Гомер — 171/ 95
Овидий — 129/ 81	Луций Анней Сенека — 123/ 62	Овидий — 128/ 81	Гораций — 142/ 105	Аристотель — 158/ 88
Афина — 126/ 77		Зевс — 113/ 71	Эней — 133/ 98	Ахилл — 145/ 81
		Одиссей — 113/ 71		

¹ Деомонимизация антропонимов и нарицательных имен (*Август — август*) и антропонимов с другими видами собственных имен (*богиня Венера — планета Венера*) проведена. Также проведена деомонимизация внутри антропонимов (например, Луций Анней Сенека — Сенека Старший и др.)

А.А. Тахо-Годи	И.М. Тронский	А.Ф. Лосев	М.М. Покровский	С.И. Радциг
Лукиан — 118/74	Афина — 123/62	Лукиан — 113/71	Теренций — 127/94	Зевс — 144/80
Зевс — 115/72	Август —	Аполлон —	Помпей —	Энгельс —
Одиссей — 114/72	109/55	108/68	112/83	143/80
Аполлон — 108/68	Гомер — 107/54	Лукреций — 102/64	Луций Анней	Агамемнон —
Эней — 100/63	Аристо- тель — 103/52	Эдип — 94/59	Сенека —	135/75
Прометей — 94/59	Цезарь — 101/51	Агамемнон — 93/59	108/80	Маркс —
Агамемнон — 93/58	Маркс — 96/48	Прометей — 93/59	Плавт —	124/69
Эдип — 93/58	Энгельс —	Орест — 85/54	108/80	Демосфен —
Платон — 78/49	95/48	Платон — 84/53	Тацит —	123/ 69
Цезарь — 76/48	Плавт — 94/47	Ахилл — 82/52	103/76	Эдип —
Аристофан — 75/47	Медея — 93/47	Аристофан — 78/49	Катулл —	121/67
Катулл — 75/47	Ахилл — 91/46	Катулл — 76/48	96/71	Платон —
Плавт — 72/45	Овидий — 90/45	Эней — 74/47	Катон — 84/62	109/61
Медея — 69/43	Катулл — 88/44	Цезарь — 73/46	Лукан — 77/57	Орест —
Феокрит — 67/42	Гесиод — 82/41	Медея — 71/45	Нерон — 72/53	102/57
Луций Анней	Эней — 82/41	Еврипид — 68/43	Лукреций —	Геракл —
Сенека — 65/41	Менандр — 79/40	Плавт — 66/42	72/53	102/57
Гесиод — 62/39	Теренций — 73/37	Феокрит — 66/42	Венера — 70/52	Сократ —
Антигона — 61/38	Эдип — 72/36	Гесиод — 62/39	Тит — 67/49	97/54
Дионис — 60/38	Лукиан — 69/35	Антигона — 60/38	Публий Корне- лий Сципион	Прометей —
Демосфен — 56/35	Платон — 68/34	Луций Анней	Африкан- ский — 67/49	91/51
Плутарх — 56/35	Дионис — 66/33	Сенека — 58/37	Проперций — 66/49	Аполлон —
Софокл — 55/35	Зевс — 66/33	Демосфен — 57/36	Стаций —	78/43
Геракл — 55/35	Лукреций — 62/31	Дидона — 54/40	65/48	Гектор —
	Аполлон — 61/31	Домициан — 54/40	Гомер — 57/42	78/43
	Аристофан — 61/31	Дидона — 54/40	Домициан —	Гесиод —
		Домициан — 54/40	Домициан —	76/42
		Одиссей — 54/40	Одиссей —	Менандр —
		Квинтилиан — 52/38	54/40	72/40
		Тибулл — 50/37	Квинтилиан —	Лукиан —
		Тиберий — 46/34	52/38	72/40
			Тибулл —	Антигона —
			50/37	72/40
			Тиберий —	Геродот —
			46/34	71/40
				Медея —
				68/38
				Дионис —
				68/38
				Софокл —
				67/37
				Елена —
				66/37
				Феокрит —
				62/35

30 наиболее употребительных антропонимов в учебнике-многотомнике

М. фон Альбрехт		
1 том	2 том	3 том
Цицерон — 540/344	Вергилий — 326/212	Августин — 295/245
Цезарь — 337/215	Луций Анней Сенека — 317/206	Цицерон — 164/136
Энний — 220/140	Август — 273/178	Тертуллиан — 164/136
Катон — 218/139	Овидий — 267/174	Бозций — 142/118
Плавт — 197/126	Тацит — 237/154	Иероним — 139/115
Теренций — 188/120	Гораций — 224/146	Светоний — 121/100
Гай Саллюстий Крисп — 178/113	Цезарь — 190/124	Цезарь — 112/93
Катулл — 166/106	Лукан — 147/96	Лактанций — 99/82
Варрон — 151/96	Проперций — 131/85	Вергилий — 92/76
Вергилий — 143/91	Марциал — 120/78	Киприан — 89/74
Луцилий — 143/91	Тибулл — 117/76	Павел — 78/65
Гораций — 136/87	Цицерон — 116/76	Клавдиан — 77/64
Невий — 84/54	Петроний — 113/74	Амвросий — 76/63
Непот — 80/51	Нерон — 92/60	Луций Анней Сенека — 68/56
Овидий — 79/50	Тиберий — 91/59	Викторин — 71/59
Гомер — 76/48	Квинтилиан — 84/55	Аммиан — 70/58
Помпей — 75/48	Стаций — 77/50	Минуций — 69/57
Август — 74/47	Веллей — 72/47	Август — 68/56
Менандр — 73/47	Домициан — 64/42	Адриан — 67/56
Публий Корнелий Сципион Африканский — 72/46	Федра — 63/41	Платон — 67/56
Цецилий — 65/41	Манилий — 62/40	Юлиан — 61/51
Луций Анней Сенека — 54/34	Курций — 62/40	Тацит — 53/44
Эпикур — 51/33	Ювенал — 62/40	Пруденций — 53/44
Андроник — 50/32	Силий Италик — 58/38	Гораций — 51/42
Аристотель — 49/31	Гомер — 55/36	Аврелий — 51/42
Платон — 43/27	Александр — 53/35	Константин — 50/42
Геллий — 38/24	Гай Саллюстий Крисп — 53/35	Симмах — 49/41
Антоний — 35/22	Помпей — 49/32	Христос — 46/38
Катилина — 34/22	Гай Азиний Поллион — 40/26	Апулей — 44/37
Луций Сергей Катилина — 34/22	Язон — 36/23	Арнобий — 43/36

Основываясь на списках выделенных единиц, можно предложить классификацию антропонимов, входящих в число самых частотных 30 в рассматриваемых учебниках:

1. Литературные деятели / писатели / поэты (*Гораций, Вергилий* и др.)
2. Философы (*Аристотель, Платон* и др.)

3. Политические деятели / правители (*Цицерон*, и др.)
4. Боги / богини (*Афина*, *Зевс* и др.)
5. Персонажи
 - персонажи божественного происхождения (*Геракл*);
 - персонажи, происходящие от смертных (*Эдит*, *Одиссей*)
6. Личности, выступающие сразу в нескольких ипостасях (*Цезарь*, *Каллимах*, *Демосфен*, *Цицерон* и др.)
7. Военачальники, военные деятели (*Публий Корнелий Сципион Африканский* и др.)
8. Астролог (*Манилий*)
9. Церковные деятели, богословы, апостолы, священники, епископы, мученики (*Амвросий*, *Арнобий*, *Киприан*).

Наиболее употребительными антропонимами (входят в первую пятерку) с приблизительно схожей численностью употреблений являются *Гораций* (часто встречается в 3 учебниках из 5 представленных), *Вергилий* и *Цицерон* (в 4-х из 5), *Аристотель*, *Овидий* (в 2-х из 5). При этом антропоним *Овидий* значительно чаще употребляется в учебнике Покровского, нежели в книге Тахо-Годи (133 против 81, что в процентном соотношении от всего объема выражается в следующих данных — 0,1 % и 0,05 %). Таким образом, первая пятерка антропонимов в разных учебниках совпадает лишь частично — некоторые единицы не только встречаются лишь в нескольких из учебников, но и показывают значительную разницу в количестве употреблений. Так, например, *Одиссей* встречается на страницах учебника Радцига 179 раз и стоит на первом месте, а у Тронского эта лексема употребляется только 97 раз и стоит на втором месте. Приведенную количественную информацию стоит рассматривать, учитывая тот факт, что учебник Покровского посвящен истории исключительно римской литературы, следовательно, то, что лексема *Овидий* употребляется в нем в разы чаще, неудивительно.

Что касается учебника, состоящего из нескольких томов, то необходимо определить его хронологические границы, с тем чтобы возможно было проанализировать и объяснить количественные показатели той или иной лексемы. Учебник М. фон Альбрехта представляет собой трехтомник, повествующий об истории римской литературы. Кроме того, стоит учитывать, что это не оригинальный немецкий текст, а русский перевод. Таким образом, анализу подвергается текст А.И. Любжина, но не М. фон Альбрехта, что также может сказаться на количестве антропонимов. Ведь переводчик мог увеличить число антропонимов, употребив имя героя/автора вместо местоимения, а мог, наоборот, уменьшить их количество, обратившись к местоимениям. Первый том книги посвящен зарождению римской литературы (III в. до н. э.), а также литературе республи-

канской эпохи, которая, как известно, подразделяется на Раннюю (V–III вв. до н. э.) и Позднюю республику (II–I вв. до н. э.). Второй том учебника посвящен литературе эпохи Августа (31 г. до н. э. — 14 г. н. э.) и Ранней римской империи, или Принципата (I–II вв.). Наконец, в третьем томе повествуется о литературе Средней и Поздней империи или Домината (IV–V вв.).

Итак, на страницах учебника М. фон Альбрехта складывается следующая ситуация: первая пятерка антропонимов совпадет лишь на одну единицу в 1-м и 3-м томе. Так, антропонимом, который встречается одновременно в нескольких томах (в 1-м и 3-м), является *Цицерон*. Однако заметна значительная разница в количестве его употреблений — 344 употребления в 1-м томе М. фон Альбрехта против 136 в 3-м томе книги того же автора.

В таблице 4 отражена информация, касающаяся единиц, которые дают большое различие по частотности в разных учебниках. Для сопоставления опять же рассматривается количество словоупотреблений на 100 000 слов. Жирным шрифтом выделено максимальное количество словоупотреблений. Эта информация должна рассматриваться с учетом разного временного охвата учебников.

Таблица 4

Антропонимы с большой разницей в количестве словоупотреблений

Учебники по античной литературе	
Антропоним	Учебник (Тахо-Годи — Тронский — Лосев)
Аристотель	104 — 52 — 99
Овидий	81 — 45 — 81
Лукиан	74 — 35 — 71
Зевс	72 — 33 — 71
Одиссей	72 — 97 — 71
Аполлон	68 — 31 — 68
Эней	63 — 41 — 47
Луций Анней Сенека	41 — 64 — 37
Учебники по римской литературе	
Антропоним	Учебник (Альбрехт 1 — 2 — 3 том — Покровский)
Цицерон	344 — 76 — 136 — 244
Цезарь	215 — 124 — 93 — 158
Гай Саллюстий Крисп	113 — 35 — 0 — 0
Вергилий	91 — 212 — 76 — 191
Гораций	87 — 146 — 42 — 105
Овидий	50 — 174 — 0 — 133
Август	47 — 178 — 56 — 132
Луций Анней Сенека	37 — 209 — 60 — 80
Платон	27 — 0 — 56 — 0

Итак, некоторые антропонимические лексемы отличаются заметно менее активным употреблением в одном учебнике по сравнению с другими. Таблица 5 демонстрирует, что этим учебником среди тех, которые охватывают весь курс античной литературы, является учебник И.М. Тронского, однако антропоним *Сенека* на страницах его учебника, наоборот, употребляется чаще. Что касается томов учебника по римской литературе, то в их содержании мы можем наблюдать заметное увеличение числа употреблений лексемы *Цицерон* в 1-м и 3-м томах, *Цезарь* и *Саллюстий* — в 1-м томе, *Вергилий*, *Горацій*, *Овидий*, *Август* и *Сенека* сосредоточены во 2-м томе. Наконец, употребление антропонима *Платон* заметно выше в 3-м томе учебника М. фон Альбрехта.

Выводы

Итак, проанализировав тексты учебников по дисциплине «Античная литература», мы пришли к следующим выводам. 1) Одной из составляющих лексически неоднородного учебного текста дисциплины «Античная литература» являются антропонимы, которые в контексте рассматриваемой дисциплины обладают рядом особенностей, в частности, они способны передавать номинацию вымышленных персонажей и лиц, чей реальный или фикциональный статус является проблемным. 2) Важность антропонимов в лексическом составе учебников по античной литературе подтверждается тем фактом, что среди первых 20 лексем в частотном словнике (за вычетом 2000 самых частотных слов русского языка по [Ляшевская, Шаров 2009]) находятся 5 антропонимических единиц (*Цицерон*, *Вергилий*, *Цезарь*, *Гомер*, *Тацит*). 3) Автоматизированный количественный анализ лексики позволил выявить самые богатые в процентном соотношении (3-й том учебника М. фон Альбрехта) и бедные (учебники А.А. Тахо-Годи и И.М. Тронского) по количеству антропонимов учебники среди рассмотренных в ходе исследования. 4) Уникальных антропонимов, то есть встречающихся на страницах только одного учебника, крайне мало, и все они обнаруживаются у М. фон Альбрехта: *Бозций*, *Викторин*, *Лактанций* и *Минуций*. 5) Автоматизированный количественный анализ антропонимов в учебниках по античной литературе имеет как методическое значение (для составления словаря-минимума дисциплины), так и науковедческое, поскольку соотносится с периодизацией изучаемого объекта и углом зрения авторов учебника на него. Последнее заслуживает дальнейшего изучения и будет предметом рассмотрения в отдельной статье на основе предъявленных нами здесь данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт М. фон История римской литературы. М., 2002.
2. Лосев А.Ф. Античная литература. М., 2005.
3. Лосицкая А.П., Очнева А.Г., Тресорукова И.В. Проблема минимизации специальной лексики для обучения иностранных студентов-биологов // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. СПб., 2019.
4. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 19.11.2022).
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
6. Покровский М.М. История римской литературы. М., 1942.
7. Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1982.
8. Сидорова М.Ю. Подходы к минимизации лексики для преподавания языка специальности иностранцам: «вакуумный» или интегральный? // Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам. 2020. С. 196–203.
9. Сидорова М.Ю., Шматко А.С. От «лексического минимума» к «лексико-грамматической основе»: новый подход к представлению языка предметной области // Мир русского слова. 2019. № 3. С. 36–41.
10. Сидорова М.Ю., Шматко А.С., Певцов Д.Н. Лексико-грамматическая основа общей и неорганической химии. М., 2021.
11. Лосев А.Ф., Сонкина Г.А., Тахо-Годи А.А., Тимофеева Н.А., Черемухина Н.М. Античная литература / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1980.
12. Тронский И.М. История античной литературы. М., 1988.

REFERENCES

1. Al'breht M. fon. Istorija rimskoj literatury [History of Roman Literature]. Moscow, *Greko-latinskij kabinet Ju.A. Shichalina Publ.*, 2002. Vol. 1-3.
2. Losev A.F. Antichnaja literature [Classical Literature]. Moscow, *CheRo Publ.*, 2005. 331 p.
3. Losickaja A.P., Ochneva A.G., Tresorukova I.V. Problema minimizacii special'noj leksiki dlja obuchenija inostrannyh studentov-biologov [The problem of minimizing special vocabulary for teaching foreign biology students]. Aktual'nye problemy gumanitarnogo znanija v tehničeskom vuze, 2019, 373 p. (In Russ.)
4. Ljashevskaja O.N., Sharov S.A. Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki [New frequency dictionary of Russian vocabulary]. Moscow, *Azbukovnik Publ.*, 2009 URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed: 19.11.2022)
5. Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomastičeskoj terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1978. 198 p.
6. Pokrovskij M.M. Istorija rimskoj literatury [History of Roman Literature]. Moscow, *Izdatel'stvo akademii nauk SSSR Publ.*, 1942. 411 p.
7. Radcig S.I. Istorija drevnegrečeskoj literatury [History of Ancient Greek Literature]. Moscow, *Vysshaja škola Publ.*, 1982. 487 p.
8. Sidorova M.Ju. Podhody k minimizacii leksiki dlja prepodavanija jazyka special'nosti inostrancam: «vakuumnyj» ili integral'nyj? [Approaches towards vocabulary minimization for teaching special language to foreigners: isolated or integrated?]. *Metapredmetnyj podhod v obrazovanii: russkij jazyk v škol'nom i vuzovskom obuchenii raznym predmetam*, 2020, pp. 196–203. (In Russ.)
9. Sidorova M.Ju., Shmatko A.S. Ot «leksičeskogo minimuma» k «leksiko-grammatičeskoj osnove»: novyj podhod k predstavleniju jazyka predmetnoj oblasti

[From «Minimized word list» to «Lexico-grammatical base»: a new approach towards representation of the language of a scientific discipline]. *Mir ruskogo slova*, 2019, No. 3, pp. 36–41. (In Russ.)

10. Sidorova M.Ju., Shmatko A.S., Pevcov D.N. Leksiko-grammaticheskaja osnova obshhej i neorganicheskoj himii [Lexico-grammatical basis of general and inorganic chemistry]. Moscow, *Dobroe slovo i Ko Publ.*, 2021. 290 p.
11. A.F. Losev, G.A. Sonkina, A.A. Takho-Godi, N.A. Timofeeva, N.M. Cheremukhina. Pod red. A.A. Takho-Godi. Edited by Taho-Godi A.A. Antichnaja literature [Classical Literature]. Moscow, *Prosveshhenie Publ.*, 1980, 494 p.
12. Tronskij I.M. Istorija antichnoj literatury [History of Classical Literature]. Moscow: *Vysshaja shkola Publ.*, 1988, 464 p.

Поступила в редакцию 26.04.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 07.09.2023

Received 26.04.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 07.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Лакина Светлана Валентиновна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; sve-lakina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Lakina — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; sve-lakina@yandex.ru

«ВНУТРЕННИЙ ОБРАЗ СТИХА» И ВНУТРЕННЕЕ СЛОВО: «РАЗГОВОР О ДАНТЕ» О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Л.Г. Кихней

Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Россия; lgkihney@yandex.ru

О.Р. Темиршина

*Российский государственный социальный университет, Москва, Россия;
o.r.temirshina@yandex.ru*

Аннотация: Объектом исследования является эссе Мандельштама «Разговор о Данте», рассмотренное в психолингвистическом ракурсе. Выдвигается гипотеза о том, что проблема генезиса поэтического текста в метапоэтике Мандельштама имеет свое онтологическое обоснование в идее внутреннего слова. Такая связь может объясняться тем, что художественный текст рассматривается Мандельштамом в его генетическом измерении — с позиции порождения художественной речи.

Сосредоточенность Мандельштама на генетическом аспекте рождения слова приводит к закономерным пересечениям исканий поэта с психологическими концепциями внутренней речи.

Так, во-первых, внутренний образ стиха, стоящий, по мнению Мандельштама, у начала поэтического текста, типологически родствен внутреннему слову. Оба феномена соотнесены с дотекстовой / доречевой реальностью, имеют двойную привязку к образу и слову и первично проявляются в артикуляционно-синтаксическом коде.

Во-вторых, общим для внутреннего слова и художественного слова, взятого в его генетическом измерении, оказываются сами принципы его воплощения в речи. Как «стусок личностных смыслов» (Выготский) в своем развертывании движется от первичного «синсемантического» состояния к вербальной дифференциации, так и «композиционный стусок» (Мандельштам), первоначально возникающая как единый смысловой порыв, разворачивается в уровневом пространстве языка.

В-третьих, и внутреннее слово, и постулируемая Мандельштамом художественная целостность существуют в особом пространственном модусе, который характеризуется смысловой симультанностью и абсолютным доминированием семантики над синтаксисом.

В-четвертых, готовое речевое произведение Мандельштамом понимается одновременно как результат и как процесс, что, с одной стороны, ведет к эстетике черновика, а с другой — сопрягает идеи Мандельштама с концепциями

внутренней речи, где в готовом речевом продукте обнаруживаются остатки первичного смыслового синтаксирования.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам; внутренняя речь; внутреннее слово; поэтическая семантика; психопоэтика; «Разговор о Данте»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-7

Для цитирования: Кихней Л.Г., Темиршина О.Р. «Внутренний образ стиха» и внутреннее слово: «Разговор о Данте» О.Э.Мандельштама в психолингвистической перспективе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 86–102.

“THE INTERNAL FORM OF THE VERSE” AND THE INNER WORD: OSIP MANDELSTAM’S CONVERSATION ABOUT DANTE IN THE PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE

L.G. Kikhney

Griboedov Moscow University, Moscow, Russia; lgkikhney@yandex.ru

O.R. Temirshina

Russian State Social University, Moscow, Russia; o.r.temirshina@yandex.ru

Abstract: The object of the study is Mandelstam’s article *Conversation about Dante*, considered in a psycholinguistic perspective.

The article puts forward a hypothesis that the problem of the genesis of a poetic text in Mandelstam’s metapoetics has its ontological justification in the idea of inner word. Such a connection can be explained by the fact that the literary text is considered by Mandelstam in its genetic dimension — from the standpoint of the generation of literary speech.

Mandelstam’s focus on the genetic aspect of the birth of a word leads to regular intersections of the poet’s searches with the psychological concepts of inner speech.

So, firstly, the inner image of the verse, which, according to Mandelstam, stands at the beginning of the poetic text, is typologically related to the inner word. Both phenomena are correlated with pre-text / pre-speech stage, have a double representation as image and the word, and are primarily manifested in the articulatory-syntactic code.

Secondly, the principles of unfolding turn out to be common to the inner word and the artistic word, taken in its genetic aspect. Just as the “clot of personal meanings” (Vygotsky) in its deployment moves from the primary ‘synsemantic’ stage to verbal differentiation, so the “compositional clot” (Mandelstam), initially arising as a single semantic impulse, unfolds in the level space of the language.

Thirdly, both the inner word and the artistic integrity postulated by Mandelstam exist in a special spatial modus, which is characterized by semantic simultaneity and

the absolute dominance of semantics over syntax. Fourthly, the finished speech product is understood by Mandelstam both as a result and as a process, which, on the one hand, leads to the aesthetics of a draft, and on the other hand, matches Mandelstam's ideas with the concepts of inner speech, where the remnants of the primary semantic syntax are found.

Keywords: Osip Mandelstam; inner speech; inner word; poetic semantics; psychopoetics; *Conversation about Dante*

For citation: Kikhney L., Temirshina O. (2023) "The Internal Form of the Verse" and the Inner Word: Osip Mandelstam's *Conversation about Dante* in the Psycholinguistic Perspective. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 86–102.

Концепция слова Мандельштама была подробно исследована в трудах мандельштамоведов, выявлены ее культурно-филологические основания [Паперно 1991; Померанц 1998; Кихней 2000] и проекции в поэтическую прагматику [Ronen 1983; Левин 1991; Генис 2003; Кихней, Меркель 2020]. Предметом настоящей работы стал психолингвистический аспект мандельштамовской теории слова. Поэтическое слово мыслится Мандельштамом как единица творческой лаборатории, что сопрягает его концепцию слова с вопросом порождения поэтического текста (о проблеме смысловой деривации в лирике Мандельштама см. [Кихней, Темиршина 2020]).

По нашей гипотезе, *проблема генезиса поэтического текста в поэтике и метапоэтике Мандельштама имеет свое онтологическое обоснование в идее внутренней речи*. Эта связь может объясняться тем, что поэтическая речь трактуется Мандельштамом не только как *ergon*, но и как *energeia*, в деятельностно-процессуальном аспекте. Отсюда чрезвычайный интерес поэта к тайной механике творчества. «Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем» [Гаспаров 2001: 9] — «физиологический» процесс этого «обрастания» находится в фокусе филологического интереса Мандельштама.

Внимание поэта к процессу рождения поэтического слова — узловой пункт семантики Мандельштама. Именно здесь в единую точку сводится поэтика и метапоэтика, а сами потаенные механизмы порождения поэтической речи оказываются то *объектом осмысления*, то *принципом изображения*. Так, генезис поэтической речи в творчестве Мандельштама может представлять как теоретическая проблема («Разговор о Данте»), сопрягаться с сюжетом поиска слова (стихотворения книги «Tristia») и быть основой семантической конструкции текста (внутреннеречевой код в этом случае реализуется в прагматике, семантике и синтаксисе поэтических произведений).

Методология исследования связывается с положениями отечественной психолингвистики. В современной психолингвистике внутренняя речь понимается как комплексное явление, которое захватывает территорию от авербальных зон (здесь внутренняя речь понимается как образ, перцептивное обобщение, схема предмета, см. [Горелов 2014; Жинкин 1998]) до развернутого монолога (в этом случае внутренняя речь интерпретируется как *речь в собственном смысле*, характеризующаяся особым лексико-грамматическим строем, см. [Выготский 1982: 295–362; Человеческий фактор в языке 1991: 96–124]).

Для нашей работы важен подход, связанный с лингвистикой. Соответственно методологическим ориентиром статьи стали исследования Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, Е.С. Кубряковой и др. В этой традиции внутренняя речь трактуется как первичный сгусток личностных смыслов, который развертывается во внешнем плане по определенным лингвистическим принципам (см. об этом [Ахутина 2014: 25]).

Проблема «внутренняя речь и художественный текст» уже становилась объектом пристального внимания литературоведов (см.: [Артюшков 2004; Блох, Сергеева 2011; Ковтунова 1986; Темиршина 2022]). В литературоведческих работах внутренняя речь трактуется либо как средство характеристики эпического героя, либо же как способ передать картину лирического сознания через внутренний монолог. Однако модернистская поэзия знает и принципиально иные случаи, где внутреннеречевой код, с одной стороны, организует саму семантическую композицию лирического высказывания, с другой стороны, оказывается имплицитным объектом поэтической рефлексии.

Один из возможных векторов такой рефлексии представлен в эссе Мандельштама «Разговор о Данте», которое и стало **объектом** настоящей работы. Это эссе неоднократно становилось объектом и предметов литературоведческого исследования (см. [Левин 1972; Баткин 1977; Исупов 2018; Глазова Е., Глазова М. 2012; Пенкина 2022]), однако в психолингвистическом аспекте оно еще не рассматривалось.

В центре «Разговора о Данте» находится вопрос о порождении поэтической речи. Сосредоточенность Мандельштама на самом процессе рождения слова закономерно ведет поэта к выявлению таких особенностей поэтической речи, которые в отдельных аспектах смыкаются со спецификой естественного внутреннего слова. Постараемся показать эти точки сопряжения.

«Внутренний образ стиха» и внутреннее слово. В первой части эссе Мандельштам утверждает, что исходным пунктом развертывания поэтического текста становится «внутренний образ стиха»

[Мандельштам 2001: 559]¹. Понятие внутреннего образа встречалось в теоретических работах Мандельштама и ранее. Так, в статье «Слово и культура» Мандельштам, описывая начальный этап творчества, утверждает, что «внутренний образ» является дотекстовой реальностью: «Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ...» (с. 432).

Сущностные свойства «внутреннего образа» в работах Мандельштама похожи на структурные особенности внутреннего слова.

Во-первых, внутренний образ, являясь образом аудиальным, находится на границе между акустическим образным впечатлением и словом: он уже «слышится», «звучит», но — пока находится за пределами текста. Так понимаемый внутренний образ напоминает внутреннеречевое слово, являющееся исходным пунктом развертывания неавтоматизированной внешней речи. Внутреннеречевое слово, как и «внутренний образ» Мандельштама, имеет «двойную прописку»: оно одновременно связывается с образной и вербальной зоной. Внутреннее слово еще не в полной мере *слово* (оно в живом пластическом виде сохраняет первичные образные впечатления), но уже не в полной мере *образ* (оно заключает в себе вербальные протознаки, которые означивают образное впечатление). «Внутренние слова, — пишет Т.В. Ахутина, — имеют двойную репрезентацию (языковое значение и динамический образ), что снимает <...> многие противоречия в спорах о природе внутренней речи» [Ахутина 2009].

Во-вторых, во внутреннем образе доминирует артикуляционно-акустическое измерение, полностью заменяющее визуальное: этот звучащий образ «проявляется» *артикуляционно* в работе речевого аппарата («Уста работают, улыбка движет стих, умно и весело алеют губы, язык доверчиво прижимается к небу», с. 559) и *интонационно* («звучание есть собственно речь, то есть интонационная и фонетическая работа...», с. 557). Мандельштам такое звучание называет «формозучанием», подчеркивая его генетический аспект.

Внутреннее слово, готовое развернуться во внешнюю речь, как и «внутренний образ», готовый воплотиться в стихотворении, — также соотносится с речедвигательным кодом, артикуляцией и внутренним интонированием.

Так, А.Н. Соколов пишет, что на инициальном этапе развертывания речи «не было слов в грамматическом значении, а лишь не-

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте работы с указанием страницы.

которые элементы артикулирования, которые становились носителями общего смысла» [Соколов 2007: 94]. Эти зачатки артикуляции «становились конденсированным выражением больших смысловых групп. <...> Мы имеем, таким образом, факт необычайно большого расширения значения слов и представлений, которыми мы пользуемся во ВР» [Соколов 2007: 100]. Любопытно, что «отрывочные элементы артикулирования» обычно связаны с яркими образами [Соколов 2007: 46].

Что касается интонации, то неавтоматизированная внутренняя речь также первично может реализовываться не только в вербально-образных формах, но и в определенных интонационно-синтаксических матрицах. И.Н. Горелов полагает, что на первой стадии порождения высказывания потребность сказать нечто материализуется в интонационно-синтаксической схеме и ритмических характеристиках высказывания [Горелов 2014: 46–47]. Для поэтической речи — в силу ее природы — вопрос интонирования, по-видимому, является ключевым. Именно поэтому звучащий образ стиха связывается Мандельштамом с ритмическим членением текста, когда «Inferno» прославляет «походку, размер и ритм шагов» (с. 560).

Получается, внутренний образ стиха структурно и функционально родственен внутреннему слову. Оба феномена соотнесены с дотекстовой/доречевой реальностью, имеют двойную привязку к образу и слову и первично проявляются в артикуляционно-синтаксическом коде.

«Композиционный сгусток» и «сгусток личностных смыслов»: механика развертывания. После дотекстовой стадии «внутреннего образа стиха» следует этап начальной дифференциации первичного образного впечатления, рассмотренный во второй части «Разговора о Данте».

«Внутренний образ», стоящий у начала поэтического произведения, особенным способом воплощается в текстовой ткани. Текст, полагает Мандельштам, не рождается из суммирующего складывания отдельных частей, но развертывается из некоей изначальной целостности: «вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего порыва, которым она пронизана» (с. 562); «...композиция складывается не в результате накопления частных, а вследствие того, что одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее...» (с. 561).

Именно здесь появляется образ «композиционного сгустка», который должен развернуться: «Дант вталкивает нас во внутреннюю слепоту композиционного сгустка <...> Все усилия направлены на борьбу с гущиной и неосвещенностью места. Световые формы про-

резаются, как зубы. Разговор здесь необходим, как факелы в пещере» (с. 562–563).

Предикат «композиционного сгустка» — «внутренняя слепота». В поэтической системе соответствий Мандельштама слепота, являясь знаком потерянного слова (ср. образ забытого слова как слепой ласточки в стихотворении «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»), сопрягается с темнотой и подземным миром («...И мысль бесплотная в чертог теней вернется», с. 79). В таком контексте «борьба с гущиной и неосвещенностью места» может пониматься как развертывание первоначального композиционного «пучка», раскрытие, осуществляемое через произнесение слова, «разговор», который, как факелы в пещере, расчленяет световыми лучами эту первоначальную смысловую сгущенность.

Примечательны глаголы, описывающие этот процесс: *прорезаться* («световые формы прорезаются...», с. 563), *выпрыгивать* («дерзко выпрыгивающих из текста», с. 563), *разворачиваться* («здесь разворачивается как бы фехтовальная таблица спряжений», с. 563) — все эти глаголы указывают на вычленение из первоначального недифференцированного композиционного сгустка отдельных формальных компонентов.

Представления Мандельштама о развертывании композиционного сгустка — психологически точны. Речь — и не только поэтическая — на первом этапе зарождается не кумулятивно, через присоединение частей, но возникает как свернутая образно-вербальная структура, которая затем разворачивается, частично теряя отдельные элементы первичного единства, частично прирастая новыми.

О развертывании внешней речи из внутреннего сгущенного слова писал еще Л.С. Выготский. Внутреннее слово, по мнению Выготского, является «концентрированным сгустком смысла. Для перевода этого значения на язык внешней речи пришлось бы развернуть в целую панораму слов влитые в одно слово смыслы» [Выготский 1982: 350].

Вслед за Выготским развертывание внешней речи из первичного внутреннеречевого субстрата постулировалось и в отечественной психолингвистике: «Внутреннее слово — полагает Е.С. Кубрякова, — это <...> сгусток личностных смыслов, целый семантический комплекс, который на стадии его озвучивания, перевода во внешнюю речь... должен быть расчленен на части, соответствующие <...> конвенциональным языковым значениям... Внутреннее слово, этот зародыш будущего высказывания, еще лишен грамматических признаков...» [Человеческий фактор 1991: 64]. Ср. также: «Мысль первоначально существует как целостный гештальт, как своеобразный сгусток личностных смыслов. Но для вербализации она требует

организации в определенным образом расчлененную структуру» [Человеческий фактор 1991: 29–30].

Таким образом, «композиционный сгусток» Мандельштама, из которого разворачивается текст Поэмы, структурно напоминает «сгусток личностных смыслов», из которых развертывается естественная речь.

Смысловая симультанность поэтического текста и внутреннего слова. Мандельштамовское представление о прообразе дантовской Поэмы как о «композиционном сгустке», где нераздельно сосуществуют ее смыслы, закономерно приводит поэта к утверждению особого пространственного модуса текста Данте. Дантовская Поэма — это симультанное, «одновременное» образование, которое каким-то образом сохраняет первичную слитность изначального дословесного состояния.

«Представлять себе дантовскую поэму вытянутым в одну линию рассказом или даже голосом — абсолютно неверно», ибо «Алигьери построил в словесном пространстве бесконечно могучий орган и уже наслаждался *всеми* его мыслимыми регистрами <...>, и ворковал во *все* трубы <курсив наш. — Л.К., О.Т.>» (с. 566). В рамках этого симультанного единства все его компоненты как бы склеиваются друг с другом. Взятая в таком ракурсе «Божественная комедия» «представляет собой одну единственную, единую и недробимую строфу» (с. 569).

Такое склеивание смыслов — или их «скрещивание» в терминологии Мандельштама — может быть структурно уподоблено механизмам агглютинации и «вливания смыслов», важнейшим для семантики внутренней речи. Внутренняя речь предполагает «асинтаксическое слипание слов» [Выготский 1982: 349], «вливание многообразного смыслового содержания в единое слово» [Выготский 1982: 352], когда смыслы всей речи, еще не развернутой, уже как бы существуют одновременно во внутреннеречевом коде.

Подобное «агглютинированное» слово включает в себя все возможные контекстуальные смыслы текста. В этом пункте снова возникает пересечение идей Выготского и Мандельштама, касающихся природы художественной и внутренней речи.

Так, Выготский, указывая на глубинное сродство художественного слова и внутренней речи, отмечает, что художественное слово, как и внутреннее, может стать смысловым эквивалентом всего текста, ибо оно заключает в себе его основные смысловые линии: «Слово, проходя сквозь какое-либо художественное произведение, вбирает в себя все многообразие заключенных в нем смысловых единиц и становится по своему смыслу как бы эквивалентным всему произведению в целом» [Выготский 1982: 349]. Этот же механизм

используется и во внутренней речи: «Подобно тому как весь многообразный смысл этой поэмы может быть заключен в тесные рамки двух слов, так точно огромное смысловое содержание может быть во внутренней речи влиито в сосуд единого слова» [Выготский 1982: 350].

Представление о словесных конструкциях как о «едином слове» и, в силу этого, о слове как о чрезвычайно насыщенной семантической единице находим и в «Разговоре о Данте». «Всякий период стихотворной речи — будь то строчка, строфа или цельная композиция лирическая — необходимо рассматривать как единое слово <...>. Любое слово является пучком и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» (с. 567), — пишет Мандельштам, как будто бы вторя Выготскому.

Представления Мандельштама и Выготского о художественном/внутреннем слове как о семантическом сгустке приводят к типологическому сходству, касающемуся отношений формы и содержания в рамках этого «сгущенного» единства. В обоих случаях при выявлении специфики этих отношений отрицается механистическое соединение формы и содержания и используется метафора конденсации.

Так, Выготский полагает, что при воплощении личностных смыслов в речь нет ассоциативно-механического соотнесения формы (слово) и содержания (мысль); мысль, скорее, «можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов» [Выготский 1982: 356]. Точно такие же отношения между формой и содержанием у Мандельштама: «как это ни странно, форма выжимается из содержания-концепции <...> Но выжать что бы то ни было можно только из влажной губки или тряпки» (с. 568).

Таким образом, в обоих случаях не содержание воплощается в форму, а форма «выжимается» из первичного содержания, исходит из него подобно влаге.

Синтаксис vs. семантика. Если внутреннее слово — это симультанное образование, где смыслы находятся в предельно сгущенном виде, то доминирование семантики над синтаксисом, которое отмечают все исследователи внутренней речи, — закономерно. Общеизвестно, что неавтоматическая внутренняя речь отрицает линейное грамматическое развертывание, внутреннеречевые сгустки, с которых начинается процесс речепорождения, по своей природе асинтаксичны.

«Упрощенность синтаксиса, минимум синтаксической расчлененности, высказывание мысли в сгущенном виде, значительно меньшее количество слов», — вот как характеризует лингвистическую структуру внутренней речи Выготский [Выготский 1982: 335].

Эта идея разрабатывалась и в более поздних исследованиях. Внутреннее слово на ранних этапах в норме подбирается по значению (см. об этом: [Ахутина 2014: 25–26]), оно существует как «зародыш будущего высказывания», который «еще лишен грамматических признаков» [Человеческий фактор 1991: 64], это сгущенное семантическое единство представлено в форме симультанной семантической записи [Лурия 1979: 195].

Сгущение семантики — по реципрокному принципу — всегда сопровождается редукцией синтаксической стороны речи. Именно поэтому поэтический текст, взятый как единое уплотненное в смысловом отношении слово, невозможно представить в синтаксическом грамматическом коде — этому противится его смысловая нелинейность. В этом пункте концепция поэтического произведения, представленная в «Разговоре о Данте», и идея внутренней речи, разработанная Выготским, снова типологически пересекаются.

«...Все наше учение о синтаксисе, — пишет Мандельштам, — является мощнейшим пережитком схоластики <...> — в искусствоведении эта схоластика синтаксиса не преодолевается и наносит ежедневно колоссальный вред» (с. 576).

Данте, по мнению Мандельштама, отрицает линейный синтаксис, отсюда и ряд метафор, через которые Мандельштам выражает эту идею. Композиция песен Поэмы, по словам Мандельштама, напоминает «неустанное обращение голубиных почт», извилистые траектории пути по реке, «загроможденной подвижными и разноустремленными китайскими джонками» (с. 558); она выстраивается по закону «парусного лавирования» (с. 577) так, что «трудно спуститься по излогам его многоразлучного стиха» (с. 579).

Общим семантическим компонентом приведенных метафор становится идея смыслового пространства, которое, заключая в себе одновременно множество семантических траекторий, выражает идею симультанности смыслов, столь характерную для внутреннего слова.

Так, и мошкара, и джонки, и парусный извилистый путь, и схема курсирования голубей — это объекты с одинаковой структурой. Эта целостность состоит из множества элементов, в границах которого возможен переход с одного элемента на другой. Внутри этой множественности переход может быть в известной степени случайным, однако при этом он ограничен рамками самой семантической структуры.

Говоря иначе, сложная семантическая целостность, о которой Мандельштам ведет речь, может разворачиваться по разным смысловым линиям. Полагаем, что именно так в поэтической практике Мандельштама рождаются тексты-двойчатки, когда из одного смыс-

лового мотивно-образного кластера — некоего доречевого единства — возникают разные стихотворения, где элементы исходного множества комбинируются каждый раз заново.

Очевидно, что в такой семантической модели синтаксис занимает абсолютно подчиненное положение, уступая семантике. В рамках этой модели по-новому видится идея «гераклитовой метафоры», возможно инспирированная интересом к философии античного мыслителя (см.: [Кихней 2020]). «Гераклитова метафора» — это особенный авторский троп, который базируется не на общем смысловом признаке двух планов метафоры, но «работает» с текучими смыслами. Гераклитовы метафоры принципиально асинтаксичны: они «превосходят наши понятия о композиции, поскольку наше искусствоведенье, рабствующее перед синтаксическим мышленьем, бесильно перед ними» (с. 578).

«Семантичность» гераклитовой метафоры связывает ее с идеей «композиционного сгустка», в рамках которого смыслы симультанно сосуществуют в рамках особенного смыслового пространства. И недаром предикат «гераклитов» используется в статье еще раз, когда речь идет о прихотливой логике взаимодействия элементов внутри семантического целого. Так, с «гераклитовым танцем летней мошкеры» связывается идея «разбросанной азбуки» — она предстает «в виде прыгающего, светящегося, разбрызганного алфавита», из элементов которого «по закону обратимости поэтической материи» складываются «смысловые формулы» (с. 578).

Таким образом, гераклитова метафора оказывается еще одним аналогом первичного смыслового единства, из которого прорастают готовые поэтические формулы — в этом контексте по своей структуре она близка «внутреннему образу», «композиционному сгустку» и — в аспекте нашей темы — внутреннему слову, которое симультанно содержит в себе основные смыслы рождающейся речи.

Изофункциональность внутреннего слова и гераклитовой метафоры подчеркивается их общим метафорическим предикатом «текучесть». «Гераклитова метафора», по словам Мандельштама, подчеркивает «текучесть явления» (с. 577). Характеризуя смысловую концентрированность внутренней речи, Выготский также обращается к водной метафоре течения смыслов. Приведем знаменитую цитату: «Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют» [Выготский 1982: 349]. К слову, у этой цитаты есть и менее известное продолжение, где Выготский утверждает, что ровно такие же внутреннеречевые механизмы используются и в художественной речи: «Что касается внешней речи, то мы наблюдаем аналогичные явления особенно часто в худо-

жественной речи» [Выготский 1982: 349]. По-видимому, Мандельштаму также удалось увидеть эту глубокую смысловую сопряженность внутренней речи и художественного слова.

Археология текста: «черновик» и внутренняя речь. Одна из ключевых эстетических установок Мандельштама заключается в том, что в законченном произведении может оставаться тот самый звучащий слепок формы, который парадоксально сохраняется в виде черновика, включенного в структуру окончательного текста: «...сама стадийность работы скульптора соответствует серии черновиков. Черновики никогда не уничтожаются. В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей» (с. 576).

Стадийность работы как будто застывает в материальной фактуре произведения, в финальном тексте остаются «археологические» следы замысла: «Готовая вещь есть не что иное, как каллиграфический продукт, неизбежно остающийся в результате исполнительского прорыва» (с. 602). «Предметом науки о Данте, — пишет Мандельштам, — станет, как я надеюсь, изучение соподчиненности порыва и текста» (с. 603).

Именно такой — археологический — подход к тексту постулируется в отечественной психолингвистике. Еще А.А. Леонтьев отмечал, что «попытки прорваться к внутренней речи через тексты могут быть вполне осуществимы» [Леонтьев 2000: 373]. Более того, «каждое звено <порождения речи — Л.К., О.Т.> характеризуется собственными свойствами и механизмами, а существование его может быть доказано тем, что в семантику предложения благодаря его действию включаются особые компоненты значения» [Человеческий фактор 1991: 46]. По сути, именно «соподчиненность порыва и текста» (в терминологии Мандельштама) изучается в работах, темой которых становится поиск следов первичного замысла в законченном речевом произведении (см. обзор литературы, посвященной этому вопросу: [Залевская 2009]).

Следует оговориться, что идею Мандельштама о том, что «в поэзии нет готовых вещей», *не следует* понимать в духе генетической критики, постулирующей постмодернистскую равнозначность всех черновиков относительно канонического текста. Необходимо учитывать чрезвычайный интерес позднего Мандельштама к тому, как процесс формообразования отражается в поэтическом произведении. И на этом пути возникают метафоры, которые позволяют с известной степенью наглядности представить это формообразующее движение.

Концепция черновика, включенного в окончательный текст, позволяет интерпретировать кристаллографическую и «механическую» метафоры генезиса Поэмы. Так, в первом случае Поэма упо-

добляется огромному кристаллу, по осям которого идет непрерывный процесс формообразования, при этом нижние уровни кристалла не отменяют верхних, так же, как окончательный текст не отменяет более ранних черновых версий (с. 569). Во втором случае Поэма уподоблена самолету, который «на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летальная машина также точно <...> успевает собрать и выпустить еще третью» (с. 574).

Очевидно, что процессы кристаллообразования и конструирования машины, взятые как метафоры порождения поэтического текста, структурно сходны: первичный поэтический замысел как будто оплотняется, «оседает» на разных уровнях своего воплощения: при этом, с одной стороны, в процессе реализации он трансформируется, а с другой стороны, эти трансформации строго обусловлены и предопределены формообразующим порывом. Именно поэтому, несмотря на изменения формы, кристалл остается кристаллом (ибо сам процесс образования кристалла строжайше задан), а самолет выпускает самолеты (ибо новая машина конструируется по заранее намеченной схеме).

Таким образом, задаваясь вопросом о лаборатории Данте, Мандельштам предлагает свою концепцию *генезиса* поэтического текста, понимаемого им как *оплотнение, кристаллизация* первичного порыва, который как бы «послойно» застывает в вербальном материале текста. Отсюда и «двойное» понимание поэтического произведения — это и процесс, и результат одновременно, ибо дантовский порыв можно взять «и как полет», и «как нечто готовое» (с. 601).

Исследование ламаркистского «формообразующего порыва» в проекции на поэтический текст приводит к тому, что Мандельштам удивительным образом прорывается к психологической реальности. Характерные черты произведения Данте, которые выявляет Мандельштам в проекции на свои собственные эстетические принципы, изоструктурны построению внутренней речи: предельная семантическая сгущенность художественного слова, которое сохраняет в себе остатки первичного смыслового синтаксирования; симультанное сосуществование смыслов; абсолютное доминирование семантического измерения и подчиненное положение синтаксиса; представление о порождении поэтического текста как о расчленении первичного единства («внутреннего образа стиха», его «композиционного сгустка»), эстетика черновика — все эти особенности получают свое целостное объяснение через внутреннеречевой код.

Интуитивное движение поэта к психологии в контексте эпохи предполагает и обратный путь: движение психолога к поэтике. И в этом смысле, кажется, что Л.С. Выготский — основоположник подлинно научного изучения внутренней речи — не случайно вы-

брал эпиграф к седьмой — ключевой — главе книги «Мышление и речь» из стихотворения Мандельштама: «Я слово позабыл, что я хотел сказать, И мысль бесплотная в чертог теней вернется...» (так у Выготского!). По-видимому, именно эта фраза — по принципу внутренней речи — «конденсирует» основные смыслы этой знаменитой главы и ставит вопрос о внутренней речи в поэтике Мандельштама на историко-литературный фундамент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артюшков И.В.* Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого): Автореф. ... д. филол. наук. М., 2004.
2. *Ахутина Т.В.* Вместо введения: Механизм порождения речи по данным афазиологии // Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М., 2014. С. 11–33.
3. *Ахутина Т.В.* Роль правого полушария в построении текста // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2009. С. 5–26.
4. *Баткин Л.* Данте в восприятии русского поэта // Средние века. Вып. 35. М., 1977. С. 283–286.
5. *Блох М.Я., Сергеева Ю.М.* Внутренняя речь в структуре художественного текста. М., 2011.
6. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982. С. 5–362.
7. *Гаспаров М.Л.* Мандельштам // Стихотворения. Проза. М., 2001. С. 3–23.
8. *Генис А.* Метаболизм поэзии. Мандельштам и органическая эстетика // Генис А. Сочинения: В 3 т. Т. 2. Расследования. Екатеринбург, 2003. С. 311–329.
9. *Глазова Е., Глазова М.* Подсказано Дантом. О поэтике и поэзии Мандельштама. Киев, 2012.
10. *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 2014.
11. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н.И. Язык — речь — творчество (Избранные труды). М., 1998. С. 146–163.
12. *Залевская А.А.* Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Теоретические проблемы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6–22.
13. *Исупов К.Г.* Герменевтика Мандельштама («Разговор о Данте») // Вестник РХГА. 2018. Т. 19. Вып. 2. С. 287–300.
14. *Кихней Л.* Мандельштам и Гераклит // *Literatūra*. 2020. Т. 62. № 2. С. 10–46.
15. *Кихней Л.Г.* Осип Мандельштам: Бытие слова. М., 2000.
16. *Кихней Л.Г., Меркель Е.В.* Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика. 3-е изд. М., 2020.
17. *Кихней Л.Г., Темиришина О.Р.* Каменная парадигма «Грифельной оды» О. Мандельштама: к механизмам смысловой деривации // Вестник Томского университета. Филология. 2020. № 64. С. 167–195.
18. *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
19. *Левин Ю.* Заметки к «Разговору о Данте» О. Мандельштама // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1972. XV. С. 184–197.
20. *Левин Ю.И.* Заметки о поэтике О. Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М., 1991. С. 350–371.
21. *Леонтьев А.А.* Лекции по общей психологии. М., 2000.

22. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
23. Мандельштам О. Стихотворения. Проза. М.; Харьков, 2001.
24. Паперно И. О природе поэтического слова. Богословские источники спора Мандельштама с символизмом // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 29–36.
25. Пенкина А. Дантологический аспект «Разговора о Данте» // Вопросы литературы. 2022. № 2. С. 148–165.
26. Померанц Г. Слово-Психия // Померанц Г. Страстная односторонность и бесстрастие духа. М.; СПб: Университетская книга, 1998. С. 188–197.
27. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 2007.
28. Темиришина О.Р. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 269–290.
29. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
30. Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem: Magnes Press, The Hebrew University, 1983.

REFERENCES

1. Artyushkov I.V. *Vnutrennyaya rech' i ee izobrazhenie v khudozhestvennoy literature (na materiale romanov F.M. Dostoevskogo i L.N. Tolstogo)* [Inner speech and its depiction in fiction (based on the novels of F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow. 48 p.
2. Akhutina T.V. *Vmesto vvedeniya: Mekhanizm porozhdeniya rechi po dannym afaziologii* [Instead of an Introduction: The Mechanism of Speech production According to Aphasiology]. Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki [Neuro-linguistic Analysis of Vocabulary, Semantics and Pragmatics]. Moscow, *Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ.*, 2014, pp. 11–33.
3. Akhutina T.V. *Rol' pravogo polushariya v postroyenii teksta* [The Role of the Right Hemisphere in the Construction of the Text]. *Psikholingvistika v XXI veke: rezul'taty, problemy, perspektivy. XVI Mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii* [Psycholinguistics in the XXI Century: Results, Problems, Prospects. XVI International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow, 2009, pp. 5–26.
4. Batkin L. *Dante v vospriyatii russkogo poeta* [Dante in the Perception of the Russian Poet]. *Sredniye veka* [Middle Ages]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1977, pp. 283–286.
5. Blokh M.Ya., Sergeeva Yu.M. *Vnutrennyaya rech' v strukture khudozhestvennogo teksta* [Inner Speech in the Structure of a Literary Text]. Moscow, *Prometey Publ.*, 2011. 180 p.
6. Vygotskiy L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. *Sobr. Soch. v 6 t. Tom 2* [Collected Works in 6 Vol. Vol. 2]. Moscow, *Pedagogika Publ.*, 1982, pp. 5–362.
7. Gasparov M.L. *Mandel'shtam* [Mandelstam]. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, Kharkiv, AST, *Folio Publ.*, 2001, pp. 3–23.
8. Genis A. *Metabolizm poezii. Mandel'shtam i organicheskaya estetika* [Metabolism of Poetry. Mandelstam and Organic Aesthetics]. *Sochineniya: V 3 t. T. 2. Rassledovaniya* [Works: In 3 vols. Vol. 2. Investigations]. Yekaterinburg, *U-Faktoriya Publ.*, 2003, pp. 311–329.
9. Glazova Ye., Glazova M. *Podskazano Dantom. O poetike i poezii Mandel'shtama* [Prompted by Dant. On the Poetics and Poetry of Mandelstam]. Kyiv, *Dukh i litera Publ.*, 2012. 724 p.
10. Gorelov I.N. *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii* [Non-Verbal Components of Communication]. Moscow, *Knizhnyy dom "LIBROKOM" Publ.*, 2014. 112 p.

11. Zhinkin N.I. *O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi* [About Code Transitions in Inner Speech]. *Yazyk — rech' — tvorchestvo* (Izbrannye trudy) [Language — Speech — Creativity (Selected works)]. Moscow, *Labirint Publ.*, pp. 146–163.
12. Zalevskaya A.A. *Rechevaya oshibka kak instrument nauchnogo issledovaniya* [Speech Error as a Tool for Scientific Research]. *Teoreticheskiye problemy psikholingvistiki*, 2009, № 9. pp. 6–22.
13. Isupov K.G. *Germenevtika Mandel'shtama* (“Razgovor o Dante”) [Hermeneutics of Mandelstam (“Talk about Dante”)]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2018, Vol. 19. Issue. 2, pp. 287–300.
14. Kikhney L. *Mandel'shtam i Geraklit* [Mandelstam and Heraclitus]. *Literatūra*, 2020, vol. 62, № 2, pp. 10–46.
15. Kikhney L.G. *Osip Mandel'shtam: Bytiye slova* [Osip Mandelstam: The Genesis of the Word]. Moscow, *Dialog-MGU Publ.*, 2000. 146 p.
16. Kikhney L.G., Merkel' Ye.V. *Osip Mandel'shtam: filosofiya slova i poeticheskaya semantika* [Osip Mandelstam: Philosophy of the Word and Poetic Semantics]. Moscow, *Flinta Publ.*, 2020. 200 p.
17. Kikhney L.G., Temirshina O.R. *Kamennaya paradigma «Grifel'noy ody» O. Mandel'shtama: k mekhanizmam smyslovoy derivatsii* [Stone Paradigm of “Slate Ode” by O. Mandelstam: to the Mechanisms of Semantic Derivation]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya*, 2020, № 64, pp. 167–195.
18. Kovtunova I.I. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986. 296 p.
19. Levin Yu. *Zametki k “Razgovoru o Dante” O. Mandel'shtama* [Notes to the “Conversation about Dante” by O. Mandelstam]. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1972, XV, pp. 184–197.
20. Levin Yu.I. *Zametki o poetike O. Mandel'shtama* [Notes on the Poetics of O. Mandelstam]. *Slovo i sud'ba: Osip Mandel'shtam. Issledovaniya i materialy* [Word and fate: Osip Mandelstam. Research and materials]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1991, pp. 350–371.
21. Leont'yev A.A. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow, *Smysl Publ.*, 2000. 511 p.
22. Luriya A.R. *Yazyk i soznaniye* [Language and Consciousness]. Moscow, *Moskovskiy Universitet Publ.*, 1979. 336 p.
23. Mandelstam O. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, Kharkiv, *AST, Folio Publ.*, 2001. 736 p.
24. Paperno I. *O prirode poeticheskogo slova. Bogoslovskiy istochniki spora Mandel'shtama s simvolizmom* [On the nature of the Poetic Word. Theological Sources of Mandelstam's Dispute with Symbolism]. *Literaturnoye obozreniye*, 1991, № 1, pp. 29–36.
25. Penkina A. *Dantologicheskii aspekt “Razgovora o Dante”* [Dantological aspect of “Talk about Dante”]. *Voprosy literatury*, 2022, № 2, pp. 148–165.
26. Pomerants G. *Slovo-Psikheya* [Word-Psyche]. *Strastnaya odnostonnost' i besstrastiye dukkha* [Passionate One-sidedness and Dispassion of the Spirit]. Moscow; Saint Petersburg, *Universitetskaya kniga Publ.*, 1998, pp. 188–197.
27. Sokolov A.N. *Vnutrennyaya rech' i myshlenie* [Inner Speech and Thinking]. Moscow, *LKI Publ.*, 2007. 256 p.
28. Temirshina O.R. *Grammatika poeta. Struktury vnutrenney rechi v lirike Yegora Letova* [Poet's Grammar. Structures of Inner Speech in the Lyrics of Yegor Letov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2022, № 80, pp. 269–290.
29. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi* [Human Factor in Language. Language and the production of speech]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1991. 240 p.
30. Ronen O. *An approach to Mandelstam*. Jerusalem: Magnes Press, The Hebrew University, 1983. 396 p.

Поступила в редакцию 10.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 10.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРАХ

Кихней Любовь Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы Московского университета имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия; lgkihney@yandex.ru

Темиршина Олеся Равильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы подготовительного факультета Российского государственного социального университета; o.r.temirshina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Liubov Kikhney — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Griboyedov; lgkihney@yandex.ru

Olesya Temirshina — Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Preparatory Faculty, Russian State Social University; o.r.temirshina@yandex.ru

РУССКИЕ КОНТЕКСТЫ ТВОРЧЕСТВА ШАРЛЯ МОРИСА

Е.Д. Гальцова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; newlen2006@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросу о влиянии «русской моды» на творчество французского писателя-символиста Шарля Мориса (1860–1919), который в 1880-е годы участвовал в переводах произведений Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова на французский язык. Методологической основой статьи является сочетание историко-литературного подхода с изучением функционирования культурных клише в сфере литературных взаимосвязей (русская литература — французская литература). Работа выстроена на малоизученных фактах жизни и творчества Мориса, незаслуженно забытого в современном литературоведении как в России, так и во Франции. Проводится анализ как фактических связей Мориса с культурными посредниками (переводчик Илья Данилович Гальперин-Каминский, дипломат и беллетрист Эжен Мельхиор де Вогюэ), так и общего контекста восприятия русской культуры во Франции в последней четверти XIX в., когда русская литература впервые в истории стала восприниматься как источник вдохновения для французской. Испытывая большое влияние идей Вогюэ, разработанных в книге «Русский роман» (1886), Морис видит в русской литературе отражение своих мистических и социальных концепций. Религиозные поиски Толстого и особенно религиозные и философские представления Достоевского оказали влияние на обращение Мориса в католичество. В статье рассмотрены случаи непосредственной рецепции как представлений о русской литературе, так и творчества отдельных писателей (по преимуществу Достоевского) в литературоведческих книгах Мориса, а также в его художественных произведениях — неоконченном романе «Одинокий дух» (1886) и пьесе «Он Воскрес!» (1911).

Ключевые слова: российско-французские литературные связи рубежа XIX–XX вв.; Шарль Морис; Ф.М. Достоевский; Э.М. де Вогюэ

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-8

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-01832 «Русская литература в интеллектуальной жизни Франции рубежа XIX–XX веков». <https://rscf.ru/project/23-28-01832/>

Для цитирования: Гальцова Е.Д. Русские контексты творчества Шарля Мориса // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 103–114.

RUSSIAN CONTEXTS OF THE WORKS OF CHARLES MORICE

E.D. Galtsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; newlen2006@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the influence of ‘Russian fashion’ on the work of the French symbolist Charles Morice (1860–1919), who in the 1880s participated in translations of F.M. Dostoevsky’s and N.A. Nekrasov’s writings into French. The methodological basis of the article is the combination of a historical and literary approach with the study of the essence of cultural clichés in the field of literary relationships (Russian literature — French literature). The article is built on the little-studied facts of the life and work of Morice, undeservedly forgotten in modern literary criticism both in Russia and in France. The analysis of the actual connections of Morice with cultural mediators (translator Ilya Danilovich Halperin-Kaminsky, diplomat and novelist Eugène Melchior de Vogüé), and the general context of the perception of Russian culture in France in the last quarter of the 19th century, when Russian literature for the first time in history began to be perceived as a source of inspiration for French. Being greatly influenced by the ideas of Vogüé, developed in the book *Russian Novel* (1886), Morice sees in Russian literature a reflection of his mystical and social concepts. Religious searches of Tolstoy and especially religious and philosophical ideas of Dostoevsky were influential in the conversion of Morice to Catholicism. The article deals with cases of direct reception of both ideas about Russian literature and the work of individual writers (mainly Dostoevsky) in the literary books of Morice, as well as in his works, the unfinished novel *The Lonely Spirit* (1886) and the play *He is Risen!* (1911).

Keywords: Russian-French literary relations at the turn of the 19th–20th centuries; Charles Morice; F.M. Dostoevsky; E.M. de Vogüé

Funding: The research is supported by Russian Science Foundation, project N 23-28-01832 *Russian Literature in the Intellectual Life of 19th-century France*. <https://rscf.ru/project/23-28-01832/>

For citation: Galtsova E.D. (2023) Russian Contexts of the Works of Charles Morice. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 103–114.

Французский писатель, поэт и эссеист Шарль Морис (1860–1919) был влиятельной фигурой литературного процесса во Франции рубежа XIX–XX вв., прежде всего символизма и декаданса, однако его имя потерялось на фоне созвездия всемирно прославленных поэтов, таких как Поль Верлен, Стефан Малларме и др. Еще одной причиной забвения, вероятно, было его мировоззрение, которое с годами становилось все более консервативным, и поэт оказался вне интеллектуального мейнстрима Франции. После смерти Мориса вышло относительно мало работ, посвященных его жизни и твор-

честву¹, и за последние полвека появилось лишь несколько статей. Морис, сыгравший большую роль в публикации произведений Верлена² в 1880-е годы, в том числе его книги «Проклятые поэты», а также в философском осмыслении творчества Поля Гогена, которому он посвятил несколько книг, был интересен не только своим вкладом в развитие культуры символизма и декаданса, но и участием в создании, совместно с И.Д. Гальпериным-Каминским, первых переводов произведений Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова на французский язык («Записки из подполья» и «Хозяйка» [Dostoïevsky 1886], «Братья Карамазовы» [Dostoïevsky 1888b], «Чужая жена и муж под кроватью» [Dostoïevsky 1888a]³, сборник избранных стихотворений и поэм Некрасова [Nekrassov 1888]). В данной статье мы хотели бы восполнить некоторые лакуны в изучении взаимоотношений между творчеством Мориса и русской культурой.

Морис оказался среди создателей так называемой «русской моды» в 1880-е годы во Франции. Значение этой культурной и интеллектуальной «моды» трудно переоценить: подобного интереса к русской культуре до того времени не было, несмотря на все усилия французских романтиков, увлеченных «иными далями», и И.С. Тургенева, занимавшегося продвижением русской литературы во Франции и Германии. Во Франции интерес к «другой» культуре усиливался на фоне настроений «декаданса» начиная, как минимум, с 1870-х годов, и тогда постепенно формировались новые «географические» ориентиры, среди которых прежде всего Скандинавия и Россия, а также Бельгия, писатели которой, впрочем, не нуждались в переводе на французский язык. Интерес к России подогревался и долгой дипломатической подготовкой франко-российского союза (1894). Именно один из бывших дипломатов — Эжен Мельхиор де Вогиюэ — создает книгу-бестселлер «Русский роман» (1886), обусловившую в том числе и издательскую политику: в 1880-е годы выходят десятки переводов произведений Толстого, Достоевского, а также продолжают публикации произведений Тургенева. Отметим сразу, что первые переводы Толстого и Достоевского не претендовали на точность, более того, многие из них так и назывались — «адаптации», могли быть случаи компиляции нескольких книг в одну или больших сокращений, и упомянутый Гальперин-Каминский, соавтор Мори-

¹ Из относительно фундаментальных работ Морису посвящены лишь две небольшие франкоязычные монографии: [Lefebvre 1926; Delsemme 1958]. Тем не менее, ему нашлось место в выпущенной в 1993 г. Г.К. Косиковым антологии «Поэзия французского символизма», где представлены отрывки из его эссе «Литература нынешнего дня» [Поэзия французского символизма 1993].

² См., например, работу Жоржа Зейда: [Verlaine 1964].

³ Возможно, Морис участвовал также и в переводе «Кроткой», но книга вышла в 1886 г. за подписью только одного переводчика — Гальперина-Каминского.

са, как раз славился своей свободой при работе с текстами. После выхода «Русского романа» Россия стала восприниматься как культурная страна, литература которой может стать образцом для французской. Вогюэ писал о русских литераторах: «Так давайте же подражать им!» [Вогюэ 2010: 533–534]. Причем речь не идет о формальном образце: для Вогюэ именно русская литература оказывается носителем тех ценностей, какие абсолютно необходимы французской, «погрязшей» в позитивизме, пессимизме, нигилизме, бездуховном реализме и низменном натурализме, что было, как считал Вогюэ, логическим следствием деятельности просветителей XVIII в., разрушивших культуру и нравственность. Такова общая схема резкой смены парадигмы межкультурных взаимоотношений. Моральные и духовные ценности русской культуры Вогюэ связывал с постромантическим понятием «русской души», или «загадочной русской души», противоречивой, мятущейся, но неизменно милосердной, преисполненной христианской любви. Разумеется, «русская душа» — это прежде всего культурный стереотип, и в последней трети XIX века он прекрасно отвечал надеждам французской культуры на обновление. Он не точен, а в некотором смысле «мистичен», «синтетичен» и «суггестивен», совпадая с механизмами функционирования символистской образности; в идеологическом плане он соответствовал тенденциям модернизации западного христианства, что, разумеется, свидетельствует о существенном несоответствии «русской моды» во Франции и тому содержанию, каким русские классики обладали в рамках российской культуры. Именно в таком виде русская культура оказывается почти неотъемлемой частью культуры французского символизма и декаданса.

Как происходила совместная работа переводчиков — Гальперина-Каминского и Мориса? Морис переделывал подстрочник Гальперина-Каминского, который, в свою очередь, занимался не только переводом, но и адаптацией произведений русских писателей. Гальперин-Каминский (1858–1936)⁴, почти ровесник Мориса, начал свою творческую деятельность во Франции около 1880 года, когда приехал из Севастополя в Париж на учебу. В этот момент он сразу же начинает писать популяризаторские статьи о России, а также переводить повести и рассказы Толстого и Тургенева. Отметим сразу, что в 1880-е годы Гальперин-Каминский оказывается одним из самых плодовитых переводчиков с русского языка, благодаря чему у него складывается репутация «профессионального переводчика» (хотя в университете он изучал естественные науки). Он со-

⁴ О Гальперине-Каминском см., например: [Полонский 2019; Строев 2023].

трудничал со многими издательствами, но больше всего с издательством «Плон-Нурри» (Plon, Nourrit et Cie). Однако переводил он не один, ему нужны были носители языка, желательно литераторы, чтобы сделать тексты привлекательными для читателей. У нас нет точных сведений о том, при каких обстоятельствах он познакомился с Морисом, но в 1880-е оба они были активными участниками литературных журналов, и можно предположить, что именно в этой среде и состоялась их встреча.

Воспитанный в духе католицизма Морис, проведший свою юность по преимуществу в Лионе, приехал в Париж в 1882 г., причем фактически это было бегство от родителей, и он был вынужден срочно искать заработок. Поэт оказался среди создателей литературного еженедельника «Ла нувель рив гош» (с 1883 г. он будет называться «Лютес»), организованного Лео Трезеником и Жоржем Ралем: здесь будут опубликованы произведения Верлена, Артюра Рембо, Стефана Малларме, Рене Гиля и т. д., журнал станет одним из популяризаторов как символистских, так и декадентских тенденций, в нем процветают свобода творчества и нон-конформистские тенденции в сфере как литературы, так и социального устройства. Литературная репутация молодого Мориса отличается радикальностью, почти «революционностью» — ему нравится поиск новых форм, он увлечен новыми мистическими течениями, он демонстрирует свою разочарованность в христианстве. Работа с Гальпериным-Каминским была для Мориса, прекрасного стилиста, одним из способов получения средств к существованию.

Сохранилось мало свидетельств о том, как конкретно происходил процесс перевода, но отношения Мориса с Гальпериным-Каминским были не самыми идиллическими. В 1886 г. они выпустили книгу «Подпольный дух» (компиляция «Хозяйки» и «Записок из подполья» Достоевского) и поссорились. Об этом Морис пишет своему другу Франсуа Коппэ: «Мой русский соавтор обманул меня, он нашел кого-то, кому будет платить только треть дохода, а не половину, как мне» [Монвал 1929: 419]. Однако после публикации «Подпольного духа» ситуация меняется. Морис оповещает об этом Коппэ, у которого ему пришлось взять займы денег для лечения дочери. «В ближайшие дни я принесу Вам свой перевод “Подпольного духа” Достоевского. Не знаю, читали ли Вы в Ля Ревю де де Монд лестные вещи, которые говорил обо мне Г-н де Вогюэ (он у нас Первосвященник руссомании). Они возымели благотворное воздействие на моего соавтора, с которым я поссорился, о чем я Вам уже рассказывал, как мне кажется, и он снова обратился ко мне. Переводы гарантируют мне получение достаточных сумм в этом году, и я счастлив

надеяться, что я скоро смогу вернуть Вам то, что Вы мне любезно одолжили» [Monval 1929: 419].

Приведем отрывок из упомянутой статьи Вогюэ:

«Морис принадлежит к молодой школе писателей, осуществляющей, с большой убежденностью в своей правоте, преобразование нашего бедного языка. Я читал что-то из его прозы, и даже иногда понимал, что читаю, но с трудом. Я опасался, что новатор захочет применить свою эстетику к интерпретации романа Достоевского. Я дрожал... И вот мне приносят “Подпольный дух”: я с опасением открываю книгу, стараясь избавиться от предубеждения, и я скоро вынужден признать, что должен лишь приветствовать самый что ни на есть сильный перевод, самый художественный из всех переводов этого автора. Лишь в некоторых местах возникают рискованные слова, некоторые революционные веяния» [Vogüé 1886: 840].

Однако, как замечает Вогюэ, недочеты невелики, но в целом «это страницы, созданные для радости уха и глаз». «Но почему Морис применил свой дар к одному из самых проблематичных произведений романиста? При чтении этого текста я мечтаю о том, что могло бы сделать столь плодотворное перо с “Записками охотника” Тургенева — драгоценностью, которую мы получили в виде жалкой имитации⁵. Но здесь, наверное, мы не сойдемся во мнении. Г-н Морис, вероятно, не уважает Тургенева, и я опасаясь, что он выбрал “Подпольный дух”, потому что видел в нем символическое произведение, в то время как я вижу в нем лишь утрированные наваждения» [Vogüé 1886: 840].

Вогюэ создает образ Мориса как радикального интерпретатора явно для того, чтобы еще сильнее заинтриговать современного ему читателя, увлеченного новыми тенденциями во французской культуре, преддекадансом и предсимволизмом, экспериментами с прозаической формой и т. д. Однако при ближайшем рассмотрении перевод оказывается очень приглаженным, из него были изъяты особенно жестокие описания, например размышление о Клеопатре. Текст Достоевского претерпел большие изменения: «Подпольный дух» — это компиляция «Хозяйки» и «Записок из подполья», благодаря чему книга стала более логичной и похожей на роман. Название — чистая фантазия переводчиков, но очень «суггестивная» и «ценностная» одновременно: «подпольный дух» — это страшный

⁵ «Записки охотника» были переведены впервые на французский язык в 1854 г. Эрнестом Шарьером, Тургенев был недоволен этой работой и лично курировал второй перевод, который был сделан в 1858 г. Анри-Ипполитом Делаво. Вероятно, Вогюэ не нравились оба перевода. Морис так никогда и не участвовал в переводе «Записок охотника», однако Гальперин-Каминский дал свою версию тургеневского сборника в 1926 г.

и загадочный дух зла, а зло заключается в чрезмерном умствования рассказчика «Записок из подполья». Отзыв Вогюэ, который в книге «Русский роман» высоко оценил «Записки из подполья», выстроен не без лукавства: он нарочито вписывает книгу в модные в декадентской среде тенденции, как, например, увлечение творчеством Э. По. «Когда романист пытается поупражняться в фантастическом жанре, как Эдгар По, в случае с “Подпольным духом” он оказывается ниже себя самого. Неуловимые существа, участвующие в этой галлюцинаторной сарабанде, даже не касаются земли...» [Vogüé 1886: 839]. В итоге Вогюэ говорит: «Это лишь неуклюжий набросок ситуации, который впоследствии будет переделан Достоевским в одно из лучших его полотен — любовь Сони и Раскольникова». Из этого отзыва создается впечатление, что перевод и компиляция создавались без ведома Вогюэ, что вполне возможно, но книга была сделана точно по «канонам» его книги «Русский роман».

Благодаря или вопреки Вогюэ, но судьба адаптации была очень счастливой, несмотря на то, что начиная с 1909 г. во Франции будет опубликовано более десятка значительно более точных переводов «Записок из подполья»: книга была практически сразу переведена с французского на нидерландский, а потом на итальянский, испанский и португальский языки, и последний итальянский перевод вышел в начале 1930-х годов. Во Франции в 1912 г. была сыграна пьеса А.-Р. Ленормана «Подпольный дух», а в 1929 г. вышел слегка исправленный перевод, который был подписан одним Гальпериным-Каминским; впоследствии этот текст (с новыми исправлениями или без них) неоднократно переиздавался⁶.

В 1888 г. в переводе Гальперина-Каминского и Мориса выходит повесть «Чужая жена и муж под кроватью», а также «Братья Карамазовы» — снова в форме адаптации: на этот раз текст Достоевского был сокращен до двух томов. Но и эта адаптация не была забыта, ее не только переиздавали (при наличии новых и более точных переводов), но и сыграли в театре в 1911 г., и сделанная по этому случаю инсценировка Жака Копо и Жана Круэ была востребована на мировой сцене вплоть до середины XX в. В том же 1888 г. выходит и сборник поэзии Некрасова, в предисловии к которому Вогюэ пишет и о Морисе, и о Гальперине-Каминском как о бесспорно лучших переводчиках своего времени. Любопытно, что, хотя для католика и традиционалиста Вогюэ Некрасов вовсе не является воплощением «русской души», Вогюэ пытается притянуть его к символизму, то есть максимально использовать репутацию Мориса-символиста,

⁶ Более подробно см.: [«Записки из подполья» в культуре Европы и Америки 2021].

настаивая на том, что образы Некрасова максимально «обобщены». С другой стороны, разговор о Некрасове позволяет Вогюэ продолжить свои размышления об особенном «реализме» в русской литературе, который он резко отграничивает от любых аналогичных явлений французской литературы.

К концу 1880-х постепенно меняется и мировоззрение Мориса, оно становится менее радикальным, в нем преобладает мистицизм, и можно сказать, что начинает выкристаллизовываться традиционалистская тенденция, в результате которой он будет постепенно возвращаться в лоно католической церкви. Еще можно предположить, что интенсивная работа над переводами Достоевского и Некрасова могла на него повлиять. Мы обозначим здесь лишь некоторые векторы этого возможного влияния.

В 1889 г. Морис публикует книгу «Литература нынешнего дня», благодаря которой, вкупе с публикациями, связанными с Верленом, он становится одним из авторитетных критиков своего времени. Он возводит современную литературу к двум основополагающим фигурам — Шатобриану (автору «Гения христианства»), воплощающему «мистический дух», и Гёте (автору «Фауста»), воплощающему «научный дух» [Morice 1889: 176]. В центре современности пребывает Рихард Вагнер с его идеей синтетического искусства, а вершиной является творчество Стефана Малларме. Обычно эту книгу воспринимают как воплощение культуры «идеализма» и «символизма», но она значительно шире одной тенденции, она сама по себе — некий синтез самых разнонаправленных тенденций.

Морис упоминает здесь и о выдающемся «критике» Вогюэ — «с традиционными принципами и современным вкусом», умеющим сочетать «уважение прошлого и нетерпеливую жажду будущего». Как пишет Морис, он открыл «потрясающую литературу — горькую, резкую и нежную, наивную и сложную, спиритуалистическую, сентиментальную и чувственную, пылающую любовью, экстатически расширяющейся до сострадания, но при этом жестокой и такой сладостной!» [Morice 1889: 264]. Достоевский и Толстой (чьи представления о христианстве очень интересовали Мориса в этот период его жизни и творчества) — самые яркие представители литературы этого «молодого народа». И потенциально именно русская литература очень близка той новой французской, о которой пишет Морис: «Молодая французская литература приветствует ее как свою естественную союзницу, узнавая в ней осуществление некоторых из своих самых заветных желаний, а также получая благотворный урок простоты и интенсивной силы» [Morice 1889: 264]. Если, переводя «Записки из подполья», Морис по-доброму иронизирует над Вогюэ, то здесь он сам выступает в роли «руссомана».

Отметим также неоднозначные размышления Мориса о «реалистическом искусстве» [Delsemme 1958: 193], понимаемом им и в смысле «синтеза» искусств, о котором он сам мечтает, и в более простом варианте — как банальный реализм, отражение действительности, которое подвергает суровой критике. Этот первый смысл понятия «реализм» совпадает с размышлениями Вогюэ о русском реализме в его знаменитой книге.

Из самых разнообразных откликов на книгу Мориса приведем один — иронический и, возможно, даже злобный, в котором окариатурено его русофильство. Жорж Бонамур под псевдонимом Нашетт написал заметку «Шарль Морис. Преприимчивый плагиатор»:

«Сапогами — русский, легкомыслием — марседец, хитроумностью — грек. Его опьяняет гений других: он ворует у Гёте, грабит Флобера, очищает Шатобриана. <...> Нынешний день — Никогда» [Nachette 1890: 10].

Отметим только, что «сапоги» являются не только распространенным клише, связанным с Россией еще с эпохи наполеоновских войн, но и некоей «основой», связью с почвой, что соотносится с размышлениями Вогюэ о мистической «почве» в предисловии к «Русскому роману».

В 1893 г. Морис выпускает еще одну теоретическую книгу, в которой можно услышать отзвуки русской темы. «Религиозный смысл поэзии» (название можно перевести и как «Религиозное чувство поэзии») состоит из двух трактатов: «О слове “поэзия”» и «Социальный принцип Красоты». В очередной раз развивая идеи жизнотворчества Малларме и По и формулируя их в виде уравнения «Искусство = жизнь», Морис утверждает: «поэт — это тот, для кого настоящее существует» [Morice 1893: 20]. Понятие «жизни» преисполнено у Мориса и мистицизмом, и буквализмом, особенно когда он говорит о театре, используя выражение «la vie vivante» («живая жизнь»), которое можно было бы рассматривать в том числе и как ассоциацию с «Записками из подполья» Достоевского, а также философскими исканиями того времени. Представления о «прекрасном» и «духовном» явно перекликаются с эстетическими размышлениями Достоевского, которые должны были быть хорошо известны Морису хотя бы благодаря работе над переводом «Братьев Карамазовых». Однако имя Достоевского в этой книге не возникает.

В 1893 г. Морис публикует небольшую книгу, посвященную франко-русскому союзу [Morice 1893], в которой он предсказывает русскую революцию.

В 1911 г. Морис объявляет о своем возвращении в лоно католической церкви и публикует пьесу «Он Воскрес!» [Morice 1911]. Как утверждает исследователь Дельсем, идея «современного Христа

связывалась во французской культуре в том числе и с Достоевским и Ренаном» [Delsemme 1958: 105].

В заключение обратимся к раннему недописанному роману Мориса, который он создавал еще в середине 1880-х годов, когда работал над «Подпольным духом». Мы можем только предполагать, случайна или нет переключка в названии этого романа, «Одинокий дух», с публикацией повестей Достоевского. Роман был частично (две книги из трех) опубликован в журнале «Ла ревью контемпорен» (*La Revue contemporaine*) в мае и июне 1886 года [Morice 1886] и так и остался незавершенным. Однако опубликованный текст уже позволяет проводить не только типологические, но и вполне исторические параллели с текстами Достоевского, и в том числе с «Записками из подполья». Критики называли произведение Мориса «умственным романом» [Monval 1929: 419], и это вполне совпадает с первоначальной интерпретацией «Записок из подполья», в которых, помимо эксцессов непредсказуемой «души», критики (да и сами переводчики) видели постромантические блуждания чрезмерно рефлексирующего персонажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вогюз Э.-М. де*. Русский роман. Предисловие / Пер. С.Ю. Васильевой под ред. П.Р. Заборова // К истории идей на Западе.: «Русская идея» / Ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликова. СПб, 2010. С. 499–503.
2. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М., 2021.
3. Пoesия французского символизма / Сост. К.Г. Косиков. М., 1993.
4. *Полонский В.В.* Gallo-Rossica: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. М., 2019.
5. *Строев А.Ф.* Литературные судьбы русских писателей во Франции. М., 2023.
6. *Dostoïevsky Th.* Celle d'un autre / Trad. du russe par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice. Paris, 1888a.
7. *Dostoïevsky Th.* L'esprit souterrain / Trad. et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris, 1886.
8. *Dostoïevsky Th.* Les frères Karamazov / Trad. et adapté par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice. 2 vol. Paris, 1888b.
9. *Delsemme P.* Un théoricien du Symbolisme, Charles Morice. Paris, 1958.
10. *Lefebvre L.* Une grande figure du Symbolisme : Charles Morice. Paris, 1926.
11. *Monval J.* Charles Morice et François Coppée, d'après des lettres inédites // Le Correspondant. 10 mai 1929. P. 413–430.
12. *Morice Ch.* Du sens religieux de la poésie... Genève, Paris, 1893.
13. *Morice Ch.* Il est ressuscité! Paris, 1911.
14. *Morice Ch.* L'Alliance franco-russe. Bruxelles, 1893.
15. *Morice Ch.* L'esprit seul // La Revue contemporaine. Mai et juin 1886. P. 40–64, p. 174–196.
16. *Morice Ch.* La littérature tout à l'heure. Paris, 1889.
17. *Nachette.* Charles Morice, interpréteur des plagiats // La Plume. 15 mars 1890. P. 10.

18. *Nekrassov N. Poésies populaires / Trad. E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice, et précédées d'une étude sur Nekrassov par le Vte E.-M. de Vogüé. Paris, 1888.*
19. *Verlaine P. Lettres inédites à Charles Morice / Publiées et annotées par Georges Zayed. Genève, Paris, 1964.*
20. *Vogüé E.-M. Les Livres russes en France // Revue des Deux Mondes. 1886. 3e pér. T. 78. P. 823–841.*

REFERENCES

1. Vogyue E.-M. de. Russkij roman. Predislovie [Russian Novel. Preface] / Per. S.YU. Vasil'evoj pod red. P.R. Zaborova // *K istorii idej na Zapade.: «Russkaya ideya»* / Red. V.E. Bagno i M.E. Malikova. Saint Petersburg: *Petropolis Publ.*, 2010. P. 499–503. (In Russ.)
2. «Zapiski iz podpol'ya» F.M. Dostoevskogo v kul'ture Evropy i Ameriki [“Notes from Underground” by F.M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America] / Otv. Red. E.D. Gal'cova (Galtsova). Moscow: *IWL RAS Publ.*, 2021. 1024 p. (In Russ.)
3. *Poeziya francuzskogo simvolizma [Poetry of French Symbolism]* / sost. K.G. Kosikov. Moscow: *Izdatelstvo moskovskogo universiteta Publ.*, 1993. 508 p. (In Russ.)
4. Polonskij V.V. Gallo-Rossica: Iz istorii russko-francuzskih literaturnyh svyazej konca XVIII — nachala XX veka [Gallo-Rossica. From the History of Russian-French Literary Connections (late 18th — early 20th centuries)]. Moscow: *IWL RAS Publ.*, 2019. 415 p. (In Russ.)
5. Stroev A.F. Literaturnye sud'by russkih pisatelej vo Francii [Literary fates of Russian writers in France]. Moscow: *Litfakt Publ.*, 2023. 320 p. (In Russ.)
6. Dostoïevsky Th. *Celle d'un autre / Trad. du russe par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice. Paris: Plon, 1888a. 261 p.*
7. Dostoïevsky Th. *L'esprit souterrain / Trad. et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris: Plon, 1886. 298 p.*
8. Dostoïevsky Th. *Les frères Karamazov / Trad. et adapté par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice. 2 vol. Paris: Plon, 1888b. 291, 322 p.*
9. Delsemme P. *Un théoricien du Symbolisme, Charles Morice. Paris: Nizet, 1958. 276 p.*
10. Lefebvre L. *Une grande figure du Symbolisme: Charles Morice. Paris: Perrin, 1926. 224 p.*
11. Monval J. Charles Morice et François Coppée, d'après des lettres inédites. *Le Correspondant*. 10 mai 1929. P. 413–430.
12. Morice Ch. *Du sens religieux de la poésie... Genève, Eggimann, Paris: Vanier, 1893. 104 p.*
13. Morice Ch. *Il est ressuscité! Paris: A. Messien, 1911. 247 p.*
14. Morice Ch. *L'Alliance franco-russe. Bruxelles: Imprimerie Lefebvre, 1893. 34 p.*
15. Morice Ch. *L'esprit seul. La Revue contemporaine. Mai et juin 1886. P. 40–64, 174–196.*
16. Morice Ch. *La littérature tout à l'heure. Paris: Perrin, 1889. 384 p.*
17. Nachette. Charles Morice, interpréneur des plagiats. *La Plume*. 15 mars 1890. P. 10.
18. *Nekrassov N. Poésies populaires / Trad. E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice, et précédées d'une étude sur Nekrassov par le Vte E.-M. de Vogüé. Paris, Perrin, 1888. 262 p.*
19. *Verlaine P. Lettres inédites à Charles Morice / Publiées et annotées par Georges Zayed. Genève: Droz, Paris: Minard. 1964. 155 p.*
20. *Vogüé E.-M. Les Livres russes en France. Revue des Deux Mondes. 1886. 3e pér. T. 78. P. 823–841.*

Поступила в редакцию 05.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 07.09.2023

Received 05.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 07.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Гальцова Елена Дмитриевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая научной лабораторией Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; newlen2006@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena Galtsova — Prof. Dr., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; newlen2006@mail.ru

У ИСТОКОВ БРИТАНСКОЙ ГОТИКИ: ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА «ТИТ АНДРОНИК» И «МАКБЕТ»

Т.Н. Красавченко

*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
Москва, Россия; tatkras2016@gmail.com*

Аннотация: Исследование наиболее «кровавых» драм Шекспира — его первой трагедии «Тит Андроник» (1588–1593, пост. 1594) и последней из его четырех великих трагедий — «Макбет» (1606) — выявляет наличие и усложнение готического вектора в его творчестве, а также топосы, ставшие универсалиями готической литературы. Среди них — ужас как неизбывный компонент человеческого существования; зло и злодеи, нарушающие нравственную норму и равновесие в социуме и природе; героини-жертвы; таинственное, потустороннее начало; демонизированное прошлое; тема Бога и дьявола. «Тит Андроник» рассмотрен здесь в новом ракурсе как «трагедия без героя», как готический гротеск с элементами комического, призванными разбавить атмосферу ужаса, но лишь усиливающими ее. В «Макбете», пьесе о «наркотике власти», Шекспир сохранил «эстетику хоррора», но источник зла, сотрясающего социум и природу, перенес в сознание человека. В трагедиях Шекспира сильное метафизическое начало, но нет единой религиозной идеологии, как у Данте. Поэт, чуткий к разным веяниям, питавшим «воздух» начала Нового времени, Шекспир передал зыбкую атмосферу жизни в конце XVI — начале XVII вв. Источники ужасов в его трагедиях — историко-литературная традиция (Овидий, Сенека, исторические хроники), но прежде всего — социокультурный дискурс времени. Следуя традиции Шекспира, ключевой фигуры мейнстрима английской литературы, готические авторы конца XVIII — начала XIX в. (Х. Уолпол, А. Радклиф, У. Бекфорд и др.) легитимизировали свой, считавшийся маргинальным, жанр.

Ключевые слова: литература английского Возрождения; Шекспир; жанр кровавой трагедии; готический гротеск, готические топосы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-9

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01727), <https://rscf.ru/project/23-28-01727>

Для цитирования: Красавченко Т.Н. У истоков британской готики: трагедии Шекспира «Тит Андроник» и «Макбет» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 115–125.

AT THE ORIGINS OF BRITISH GOTHIC: SHAKESPEARE'S TRAGEDIES *TITUS ANDRONICUS* AND *MACBETH*

Tatiana Krasavchenko

Institute of Social Sciences Information (INION), the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; tatkras2016@gmail.com

Abstract: The study of the most 'bloody' Shakespeare's dramas — his first tragedy *Titus Andronicus* (1588–1593, staged 1594) and the last of his four great tragedies, *Macbeth* (1606) — makes clear the presence and gradual sophistication of the gothic vector in his work, and reveals topoi that have become universals of Gothic literature. Among them are horror as an inescapable component of human existence; evil and villains who violate the moral norm and the balance in society and nature; victim heroines; mysterious, supernatural element; demonized past; and most importantly — the theme of God and devil. *Titus Andronicus* is considered here in a new perspective as a 'tragedy without a hero' and as a gothic grotesque with elements of the comic, which are supposed to dilute the atmosphere of horror but only intensify it. Shakespeare retained the 'horror aesthetics' in *Macbeth*, a play about 'the drug of power', but he transferred the source of evil, that shakes society and nature, into the consciousness of man. The metaphysical view of life is strong in Shakespeare's tragedies, but there is no single religious ideology as in the poetry of Dante. Poet, sensitive to various trends which fed the air of the early Modern period, Shakespeare conveyed the unsteady atmosphere of life in the late 16th — early 17th century. The sources of horror in his tragedies one can find in historical and literary tradition (Ovid, Seneca, chronicles), but first of all — in the social and cultural discourse of the epoch. Following the tradition of Shakespeare who was the key figure of English literary mainstream, Gothic authors of the late 18th — early 19th centuries (H. Walpole, A. Radcliffe, W. Beckford a.o.) legitimized their own, considered marginal, genre.

Keywords: English Renaissance literature; Shakespeare; genre of bloody tragedy; gothic grotesque, gothic topoi

Funding: The research was funded by the Russian Science Foundation (project № 23-28-01727).

For citation: Krasavchenko T.N. (2023) At the Origins of British Gothic: Shakespeare's Tragedies *Titus Andronicus* and *Macbeth*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 115–125.

Эпиграфом к «Титу Андронику», написанному в жанре кровавой «трагедии мести», могут послужить слова одного из ее персонажей: «И ты увидишь ужас — кровь и смерть!» (II, 3). По ходу действия в пьесе — четырнадцать убийств, изнасилование, отрезанный язык у героини, три отрубленные руки, пирог с мясом детей как угощение матери. Трагическое предстает здесь как ужасное.

Многие не могли поверить, что автором столь грубой, жестокой трагедии был Шекспир, но его друзья Джон Хеминг и Генри Конделл

без колебаний включили ее в первое собрание его сочинений — фолио 1623 г., ставшее основой «шекспировского канона». Если воспринимать ее буквально, она действительно кажется слабой. Но нужно учесть, что это первая трагедия Шекспира и написана она в период невероятной популярности «кровавой трагедии», яркие образцы которой создали Томас Кид и Кристофер Марло. Шекспир чутко реагировал на веяния эпохи и запросы зрителей. Создав «кровавую баню», он будто заявил зрителям: «Жаждете крови, извольте», — но, как заметил американский историк и теоретик культуры Гарольд Блум, вольно или невольно он написал пародию на предшественников [Bloom 1998: 78]. Двигаться дальше в жанре трагедии он мог, лишь преодолев их мощное эстетическое влияние (прежде всего влияние Марло). И ему это удалось: в «Тите Андронике» он довел «модель» кровавой трагедии до предела [Bloom 1998: 80] и подготовил свой выход за рамки «кровавой моды».

При внимательном прочтении этой трагедии выясняется, что она не проста. Шекспир так нагнетает в ней ужас, что даже вызывает смех, хотя и несколько нервный. Перед нами готический гротеск.

По сути, это «трагедия без героя». Судя по названию, ее герой — римский полководец Тит Андроник, и зритель/читатель должен сочувствовать его страданиям. Но Тит с самого начала ведет себя как злодей: война окончена, но по его приказу римляне, несмотря на мольбы пленной готской царицы Таморы, мстят за погибших на войне: старший сын царицы «изрублен и внутренности брошены в огонь» (I, 1; здесь и далее перевод А. Курошевой [Шекспир 1958]). Тит убивает одного из своих сыновей, осмелившегося ему противоречить, а в конце трагедии — свою покалеченную, измученную дочь Лавинию, решив избавить ее от мучительной жизни, и затем — Тамору. Своевольно распоряжающийся жизнями людей Тит предстает как пародия на Тамерлана Марло [Bloom 1998: 79].

В трагедии речь идет о тревожном, пугающем прошлом — о близком к гибели древнем Риме, на который наступают варвары — готы. Символический смысл готического топоса имеет в трагедии лес, «дремучий и безжалостный», — место, «природой созданное для злодейства» (IV, 1). В лесу сыновья Таморы убили мужа Лавинии, использовали его труп как ложе для насилия над нею и, чтобы она их не выдала, отрезали ей язык и руки.

Как мощный источник зла изображена Тамора. Поразив своей красотой римского императора, она вышла за него замуж, подчинила его себе и превратила Рим в «пустыню, где живут лишь тигры» (III, 1), сын Тита Люций называет Тамору «тигрицей злобной» (V, 3). Насилие над Лавинией и казнь двух невиновных сыновей Тита вписались в ее акт мести за казнь ее сына.

Еще один злодей в пьесе — темнокожий мавр Аарон, любовник Таморы. Воплощение зла, трикстер, глумливо афиширующий свою злонамеренность, он откровенно признается, что «черен и душой и телом» (III, 1): «дней таких / Немного в жизни у меня бывало, — / Когда бы я злодейства не свершил <...> Не подготовил, не свершил насилья / <...> Коль черти есть, хотел бы я быть чертом, / Чтоб жить и в вечном пламени гореть» (V, 1).

Есть в пьесе и готическая героиня — Лавиния, добродетельная, наивная, оказавшаяся одна в опасном мире — в лесу наедине с насильниками.

В мире «Тита Андроника» господствуют не боги, не гражданские законы, а жестокие желания людей, причем произвол творят и римляне, и готы; кровожадны и нецивилизованны и те, и другие [Hewitt 2013: 47]; человеческая жизнь здесь ничего не стоит — с такой легкостью совершаются убийства и казни. К богам обращаются обе враждующие стороны — и Тит с его сторонниками, и Аарон с сыновьями Таморы. И все сетуют на равнодушие богов. Аарон прямо заявляет: «Чертям молитесь — боги вас забыли» (IV, 2). Ощущение покинутости мира богами или Богом Шекспир усиливает введением анахронизмов — частым использованием при описании языческого Рима привычных для своих современников понятий христианской теологии: «ад», «черт», «дьявол» (III, 1; 2; IV, 3; V, 1; 2 и др.).

В этом контексте вызывает изумление диалог (почти 30 строк) Тита с его братом Марком, убившим кинжалом муху (III, 2): Тит жалеет ее, сочувствует ее родителям. Возможно, Шекспир ввел этот неожиданный, комично-абсурдный эпизод, снижающий трагедийный пафос, для того, чтобы разрядить, разбавить атмосферу ужаса в пьесе, а скорее всего — чтобы оттенить нелепость и трагизм убийств и казней людей, гибнущих, как мухи. Очевидна неадекватность и средства убийства — кинжал. Муха — образ, более органичный для литературы барокко, чем Возрождения, но Шекспиру он явно по душе уже в елизаветинское время. Ведь и Аарон позже замечает: «И тысячу я ужасов свершил / Так невзначай, как убивают муху» (V,1). Вероятно, тут «невзначай» и «мухи» — ключевые слова: ужасы в пьесе совершаются *невзначай*, люди гибнут *невзначай*, как *мухи*.

У елизаветинцев «Тит Андроник» имел успех. Его трижды (1594, 1600, 1611) издавали при жизни Шекспира, а, скажем, «Макбета» — ни разу. И в 1614 г. Бен Джонсон в прологе к комедии «Варфоломеевская ярмарка» с иронией отметил, что вкусы людей за 25–30 лет не изменились и «Тит Андроник» по-прежнему имеет поклонников. В XVIII–XIX вв. эту трагедию считали едва ли не худшей у Шекспира. По мнению британского историка Лесли Роуза, поставить ее

в викторианской Англии было невозможно — ей бы никто не поверил, но в XX веке с его ужасами «она перестала казаться невероятной» [Shakespeare 1987: 15]. Она близка к современному жанру хоррора — ее ужасы вызывают сильные ощущения, повышают адреналин в крови; особенно популярной она стала со второй половины XX в., когда в 1955 г. в Шекспировском Мемориальном театре в Стратфорде ее поставил Питер Брук — с Лоуренсом Оливье (Тит Андроник) и Вивьен Ли (Лавиния). К настоящему времени в Англии и США существует около десяти кино- и телефильмов и более дюжины театральных постановок.

«Тит Андроник» — трагедия «положений»: мотивация и психология персонажей просты; упор сделан на ужас поступков — персонажи и сами нагнетают его, рисуя и даже смакуя ужасы, которые творят. Так, Тит говорит сыновьям Таморы: «...я в порошок сотру вам кости, / Из них и крови тесто приготовлю. / Из теста сделаю два пирога — / Два гроба для голов презренных ваших, / И вашу мать, бессовестную шлюху, / На славу угощу: пусть, как земля, / Она пожрет свое же порождение» (V, 2). В конце сын Тита — Люций, новый император Рима, — «конкурирует» с отцом в изобретательной жестокости и выносит садистский приговор Аарону: «По грудь заройте в землю, не кормите» (V, 3).

В 1592 или 1593 г. Шекспир создал свою первую трагедию о «наркотике власти» — историческую хронику «Ричард III», пьесу о монострасти. Ее антигерой Ричард, жестокий, маркированный внешним уродством, циничный мастер интриги, манипуляции — злодей, чей путь к власти устлан убийствами (в том числе детей). Он (перекличка с Аароном) бравивирует своей подлостью и сознает, что за него — «один лишь дьявол» (I, 2). И в этой трагедии Шекспир еще не свободен от Марло — явна перекличка с «Мальтийским евреем» и «Тамерланом».

В зрелых трагедиях (все они к концу «завалены» трупами) Шекспир сохранил ужасы и злодейства, но сами по себе они уже не синонимичны трагическому — фокус переместился в сознание и душу человека; «эстетика хоррора» сохранилась, но изменилась, поскольку углубилось и усложнилось восприятие жизни автором и возросло его мастерство, но они по-прежнему вели к готической литературе. Это особенно ясно видно в «Макбете» (1606) — вновь пьесе о «наркотике власти», но на этот раз герой — красивый, успешный человек. Это «самая кровавая» [Bloom 1998: 520] из четырех великих трагедий Шекспира. К концу в ней как минимум десять трупов.

Первая же сцена в пьесе — зловещая увертюра: ведьмы на пустоши, среди грозы, сверкания молний, хором заклинают: «*Fair is foul, and foul is fair*» (I, 1) — «Грань меж добром и злом сотрись...» (здесь

и далее перевод Ю. Корнеева [Шекспир 1960], курсив мой — Т.К.) — подготавливается вхождение в мир хоррора.

В трагедиях Шекспира — сначала в «Гамлете», затем в «Макбете» — в литературный обиход входит старинный замок как классическое готическое место действия. Родовой замок Макбетов, Инвернес, сразу представлен в пьесе зловеще: «Охрип сам ворон / Прокаркав со стены о роковом прибытии Дункана / В мой замок» (I, 5), — говорит леди Макбет, хозяйка этого мрачного мира, где ворон — символ его ужаса. Раскрывая свою принадлежность inferнальному миру, она призывает в замок ночь, чтобы та скрыла ее злодейский замысел: «Ночь глухая, / Спустись, себя окутав адским дымом, / <...> Чтоб небо, глянув сквозь просветы мрака, / Не возопило: “Стой!”» (I, 5).

Макбет поначалу производит впечатление мужественного человека, доблестного полководца, действующего в интересах Шотландии и ее короля; он признан, получает почести и напоминает Тита Андроника, но как личность он значительно сложнее. По словам леди Макбет, он «от природы молочной незлобивостью вспоен»; хоть властолюбья он не чужд, но брезгует «его слугой — злодейством» (I, 5). После предсказания ведьм-вещуний о том, что он скоро станет королем, он испытывает амбивалентные чувства, но мысль об убийстве короля и родственника, Дункана, все-таки кажется ему «ужасной», и он отдается в руки Провидения: «Пускай судьба, мне посулив венец, / Сама меня венчает» (I, 3). Но тут срабатывает внешний триггер зла — леди Макбет: она вдохновляет его на «кровавое злодеяние» (II, 3), ибо ей ведомы его «черные глубинные желания». О ее принадлежности миру тьмы вновь свидетельствует ведьмовское заклинание: «Ко мне, о *духи смерти!* Измените / Мой пол. Меня от головы до пят / *Злодейством напитайте* <...> / *Невидимые демоны убийства,* / Где б злу вы ни служили...» (I, 5). Но по ходу пьесы ее воздействие ослабевает, и в свои дальнейшие преступления (убийство Банко, жены и детей Макдуфа) Макбет ее не посвящает. Шекспир удаляет ее с «поля злодеяний» и демонстрирует пределы человеческой психики: леди Макбет, заболевшая «странной болезнью», бродит по ночам и пытается, но не может стереть кровь с рук. И врач проникательно замечает: «Не врач миледи нужен — духовник» (V, 1). Как в «Гамлете» и «Короле Лире», Шекспир обыгрывает здесь излюбленную тему готической литературы — безумие.

Но главный источник ужаса таится в самом Макбете — демон властолюбия разъедает его душу, пробуждает все худшее в нем, делает его предателем, убийцей. А став королем, Макбет, одержимый страхом утраты власти, совершает новые преступления. Один из персонажей, Росс, готически описал жизнь в Шотландии под его

властью: «Она сама себя узнать *страшится*, / Не матерью для нас — *могилой* став, / Там тот, в ком разум жив, не улыбнется» (IV, 3). Другой персонаж говорит о Макбете: «Не из любви, а лишь из *страха* люди / Ему покорны / Чувствует он ныне, / Что сан повис на нем, как плащ гиганта / На вороватом карлике» (V, 2).

Злодеяние представлено как феномен обоюдоострый: оно губит не только жертву, но и преступника. Положение Макбета, увязшего «в кровавой тине» (III, 4), осложняется тем, что он всегда понимает, что делает. Даже еще не перейдя «красную линию», он знает, что «ждет нас суд уже и в этом мире. / Урок кровавый падает обратно / На голову учителя. Возмездье / Рукой бесстрастной чашу с нашим ядом / Подносит нам же» (I, 7). И позднее: «Кто начал злом, тот и погрязнет в нем» (III, 2). Но соблазн власти так велик, а сама она так пьянит и создает такое ощущение вседозволенности и ненаказуемости, что, защищая свою власть, он не может остановиться и наращивает масштабы зла.

От зла, овладевшего Макбетом, сотрясается не только социум, но и природа. Шотландский вельможа Ленокс описывает ужасную ночь убийства короля Дункана в замке Макбета: «Какая буря бушевала ночью! / <...> И говорят, что *в воздухе носились / Рыдания, смертный сон и голоса, / Пророчившие нам годину бедствий / <...> Птица тьмы* кричала / Всю ночь» (II, 3). Шотландия предстает в пьесе как мифологическое пространство — царство тьмы, где ночь поглотила день. Росс в сцене после убийства Дункана говорит старику: «Гляди: смутясь деяньями людскими, / Кровавый их театр затмило небо. / Часы показывают день, но тонет / Во мгле светило...». И старик отвечает: «Да, это, как и все, что здесь творится, / Противно естеству» (II, 4). Метафизические силы не приемлют поступок Макбета, откликаясь на его тьму тьмой, окутывающей землю. Зло нарушило не только нравственную норму и социальный порядок, но и порядок в природе: грызутся кони, сокол растерзан охотницей на мышей — совой.

Метафизическое начало в пьесе очень сильно, но в ней нет единой религиозной идеологии. В русле христианской метафизики Макбет признает, что стал слугою дьявола — «отдал клад свой вечный / *Исконному врагу людского рода...*» (III, 1). Сын Дункана Малкольм прямо говорит: «Макбет, *коварный дьявол...*» (IV, 3), ему вторит Макдуф: «В неисчислимых *адских легионах / Нет дьявола гнусней Макбета*» (IV, 3). Персонажи, приходя в отчаяние при виде того, что совершается, не понимают, как Бог допускает это; сомнения в справедливости и даже существовании Божиим порождают ужас перед жизнью и страх перед смертью.

Но метафизика в «Макбете» не только христианская. По мнению Г. Блума, мир предстает в пьесе не как творение Бога, а как враж-

дебный человеку, описанный гностиками феномен космологической пустоты (кепота), созданный демоническим существом, — Шекспир мог что-то знать о гностицизме [Bloom 1998: 518–520]. Это «космос ведьм» [Bloom 1998: 532], служащих не сатане (как написано в «Демонологии» короля Якова I и других трактатах об оккультном), а Гекате, которая из греческой богини магии превратилась в средневековых преданиях в повелительницу ведьм (III, 5). Шекспир предварил готическую литературу изображением потустороннего: ведьм с их пророчествами, призраков. Макбету близок этот потусторонний мир, и у него явная способность к его восприятию. Только он видит на пиру призрак Банко, убитого по его распоряжению (III, 4). Создается впечатление, что призрак кинжала в воздухе (перед убийством Дункана) и ведьмы существовали только в сознании Макбета, лишь однажды их видел Банко (I, 3). Вполне возможно, что демонические явления были плодом расстроенной человеческой психики. Готика обретает субъективный характер.

Ноту религиозного нигилизма внес и сам Макбет знаменитой тирадой: «Жизнь — это только тень, комедиант, / Паясничавший полчаса на сцене / И тут же позабытый; это повесть, / Которую пересказал дурак: / В ней много слов и страсти, нет лишь смысла» (V, 5). Шекспир использует здесь свою любимую метафору: мир — театр, в нем разыгрывается драма жизни; аналог Бога здесь — дурак. И нет смысла в жизни человека, нет божественного плана.

Возможно, метафизический страх в трагедиях Шекспира был проявлением религиозного сомнения, свойственного эпохе Реформации. Религиозный скептицизм был порожден критикой догм католической церкви, но приводил и к радикальным выводам. Для шекспировской аудитории вопросы о Боге, его жестокости, равнодушии или отсутствии имели особое значение. Но не менее важно и то, что Божий суд все-таки осуществляется в «Макбете»: возмездие неотвратимо. Зритель видит: зло не всесильно и люди противостоят ему.

Непостижимая тайна божественного — источник страха, крайне важный для понимания шекспировского готического мировосприятия. И тут существенно, как заметил Т.С. Элиот, что в отличие от Данте, у которого за плечами была система Фомы Аквинского, Шекспир жил в начале Нового времени — в период смены эпох, перехода от Средневековья к новому обществу, когда сосуществовали разные уклады и виды мировосприятия; за его спиной не было единой философии, и как поэт он был чуток к разным веяниям жизни и мысли, питавшим «воздух времени»: это и стоицизм Сенеки, и скептицизм Монтеня, и цинизм Макиавелли, объединенные в елизаветинском индивидуализме. Добавим, что это могли быть

пантеизм, гностицизм и что угодно, Шекспир использовал и то, и другое, и третье — и передал атмосферу жизни конца XVI — начала XVII вв. — поворотного этапа в истории. Он «являет собой пример цельности, ибо объединяет, насколько это возможно, все тенденции своего времени, которому как раз цельности недоставало» [Элиот 2004: 530]. Он воспроизводил не чью-то философию, а человеческую природу [Элиот 2004: 522]. И это сделало его поэтом на все времена.

Источником ужасов и в «Тите Андронике», и в «Макбете» служила как историко-литературная традиция, так и жизнь. Среди возможных источников «Тита» называют *Gesta Romanorum* («Римские деяния»), широко известный тогда сборник легенд и анекдотов из жизни римских правителей (конец XIII — начало XIV вв.) [Jones 1977: 90]. В самой трагедии присутствуют ссылки на «Метаморфозы» Овидия, где изложен миф о сестрах — Филомеле и Прокне, приготовившей своему мужу Терею, совершившему насилие над Филомелой, ужин из их сына, и «Фиест» Сенеки (жуткий ужин Атрея). Сюжет и персонажей «Макбета» Шекспир заимствовал из «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда, но скорректировал «историю» в соответствии со своим замыслом.

Однако главный материал для ужасов в трагедиях Шекспира давала история Англии: память о войне Алой и Белой роз (1455–1485) (об этом «Ричард III»), острое противостояние католиков и протестантов, чреватое гражданским кровопролитием; страх рождали заговоры и казни в борьбе за власть, вероятность иноземного вторжения (Испания), месть и насилие как повседневная практика.

Елизаветинский театр был общенародным: в нем бывали дворяне, придворные, занимавшие места на сцене, и ремесленники, купцы — в партере; грубые, непосредственные зрители партера требовали от театра сильных страстей, острых ощущений, ужасов и кровопролития, изображения низших и высших проявлений человека, шутовства и остроумия. «Новая драма показывала веку <...> отпечаток его формы» [Грин 2018: 444].

Видимо, социокультурный дискурс времени дал импульс созданию такого образа, как образ Аарона: географические открытия, расширение торговли, колонизация открыли большой, прежде неизвестный мир; темнокожие мавры воспринимались в Британии с недоверием — темный цвет кожи ассоциировался с жестокостью, насилием, вызывал страх. Подоплекой демонизации женщин (Тамора, ведьмы, леди Макбет), возможно, было ощущение опасности женской силы и власти в традиционно патриархальном обществе. «Тит Андроник» создавался при королеве Елизавете I, вскоре после казни (1587) ее кузины — Марии Стюарт; каждая из них могла вы-

зывать у современников амбивалентные чувства. Но власть английской королевы считалась священной, и Шекспир осторожен: его Тамора — царица готов, она этнически другая, чем римляне.

Жизнь в елизаветинской Англии была иной, чем в конце XVIII — начале XIX вв. в период «Готического возрождения», но многие историко-культурные матрицы перекликались и порождали аналогичные готические топосы, и, конечно, важную роль играла традиция Шекспира. «Великий знаток человеческой природы Шекспир был тем образцом, которому я подражал», — писал во втором предисловии к «Замку Отранто» (1764), первому английскому готическому роману, его автор Х. Уолпол [Уолпол 1967: 12]. Лавиния — предшественница героинь Анны Радклиф. С Аарона «списан» черный дьявол из повести «Ватек» (1786) Уильяма Бекфорда. Макбет, нарушитель естественного хода событий, становящийся одиноким готическим героем, изгоем, предвеляет Франкенштейна Мэри Шелли...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грин Д. История Англии и английского народа. М., 2018.
2. Пинский Л. Шекспир. М., 1971.
3. Уолпол. Казот. Бекфорд. Фантастические повести / Изд. подготовили В.М. Жирмунский и Н.А.Сигал. Л., 1967.
4. Шекспир У. Тит Андроник. Перевод А. Курошевой // Шекспир У. Полное собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М., 1958. Т. 2. С. 5–102.
5. Шекспир У. Макбет. Перевод Ю. Корнеева // Шекспир У. Полное собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М., 1960. Т. 7. С. 5–100.
6. Элиот Т.С. Шекспир и стоицизм Сенеки. Пер.А. Дорошевича // Элиот Т.С. Избранное: Религия, культура, литература / Пер. с англ.; под общ. ред. А. Дорошевича; сост., послесл., коммент. Т. Красавченко. М., 2004.
7. Bloom H. Shakespeare: The Invention of the human. N.Y., 1998.
8. Jones E. The Origins of Shakespeare. Oxford, 1977.
9. Hewitt N.A. “Something old and dark has got its way”: Shakespeare’s influence in the Gothic literary tradition. Clermont Graduate Univ., 2013.
10. Shakespeare W. Titus Andronicus. Ed. with introd. by Rowse A.L. Maryland, 1987.

REFERENCES

1. Green J. *Istoria Anglii and English people* [History of England and the English people]. М.: *Kuchkovo pole*, 2018. 896 p. (In Russ.)
2. Pinsky L. *Shakespeare*. М.: *Khud. lit.*, 1971. 606 p. (In Russ.)
3. Walpole. *Cazotte. Beckford. Fantasticheskiye povesti* [Fantastic stories]. Izdaniye pogotovili V.M. Zhirmunsky i N.A. Segal [Ed. V.M. Zhirmunsky, N.A. Segal]. Leningrad: *Nauka*, 1967. 295 p. (In Russ.)
4. Shakespeare W. *Tit Andronicus*. Transl. by A. Kurosheva. Shakespeare W. Complete works: In 8 vols. Ed. By A. Smirnov, A. Anikst. М.: *Iskusstvo*, 1958. V. 2, pp. 5–102. (In Russ.)
5. Shakespeare W. *Macbeth*. Transl. by Yu. Korneev. Shakespeare W. Complete works: In 8 vols. Ed. by A. Smirnov, A. Anikst. М.: *Iskusstvo*, 1960. V. 7, pp. 5–100. (In Russ.)

6. Eliot T.S. Shakespeare i stoicism Seneki [Shakespeare and the stoicism of Seneca]. Transl. by A. Doroshevich. *Eliot T.S. Izbrannoye. Religiya, kul'tura, literatura [Selected works. Religion, culture, literature]*. Eds. A. Doroshevich, T. Krasavhenko. M.: ROSSPEN, 2004. 752 p. (In Russ.)
7. Bloom H. *Shakespeare: The Invention of the human*. N.Y.: Riverhead Books, 1998. 745 p.
8. Jones E. *The Origins of Shakespeare*. Oxford: OUP, 1977. 298 p.
9. Hewitt N.A. "Something old and dark has got its way": *Shakespeare's influence in the Gothic literary tradition*. *Clermont Graduate Univ.*, 2013. 223 p.
10. Shakespeare W. *Titus Andronicus*. Ed. with introd. by Rowse A.L. Maryland: *Univ. of America press*, 1987. 108 p.

Поступила в редакцию 30.05.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 30.05.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Красавченко Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН;
tatkras2016@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana N. Krasavchenko — Prof. Dr., Leading Research Fellow, Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); tatkras2016@gmail.com

БАЙРОНИЗМ И ЖОРЖСАНДИЗМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА — СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МИФЫ РОМАНТИЗМА: ТИПОЛОГИЯ НЕСХОДСТВА

Н.А. Литвиненко

Государственный университет просвещения, Москва, Россия; ninellit@list.ru

Аннотация: Анализируются особенности байронизма и жоржсандизма как социокультурных мифов, возникших в послереволюционную эпоху и воплотивших общественно-эстетические гендерные представления. Рассматриваются истоки гендерной оппозиции мужского и женского — Героя и Героини — в поэтике персонифицированных мифов — байронизма и жоржсандизма, приобретших в первой половине XIX века всеевропейский масштаб.

На просветительском этапе освоения специфики интимного и публичного, развития идей гражданского общества, разрушения парадигм универсализации в общественной жизни и литературе XVIII в. происходил рост гендерного самосознания общества. В статье он соотнесен с французской традицией — сентименталистским романом Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» и романтическими концепциями героя и героини в произведениях Ж. де Сталь, где конфликт, антитеза, дихотомия феминного и маскулинного начал художественно проблематизированы с позиций социального и психологического эгалитаризма.

Доказывается, что байронизм и жоржсандизм были взаимодополняющими общественно-эстетическими течениями, системами, парадигмами, мифами, в которых разнообразно интерпретируемые скепсис и индивидуалистическая концепция Героя, поэта противопоставлены оптимизму и утопии, феминному мифу Героини — в произведениях и жизнетворчестве Жорж Санд. Рассматривается гендерное своеобразие типологически родственных романтических ценностных представлений: устремленности к абсолютному, духовного максимализма при явном приоритете мужского мифа в творчестве и облике Байрона — и женского, социалистически маркированного у Жорж Санд.

Биографический и околобиографический материал, творчество каждого в первой половине века легли в основу социокультурных и романтических символизаций, характеризующих и формирующих новую гендерную семантику текста романтической культуры.

Ключевые слова: феминизм; байронизм; жоржсандизм; гендерная парадигма; социокультурный миф; романтизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-10

Для цитирования: Литвиненко Н.А. Байронизм и жоржсандизм в первой половине XIX века — социокультурные мифы романтизма: типология не-сходства // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 126–139.

BYRONISM AND GEORGESANDISM IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY AS SOCIOCULTURAL MYTHS OF ROMANTICISM: A TYPOLOGY OF DISTINCTIVITY

Ninel Litvinenko

Moscow Region State Pedagogical University, Moscow, Russia; ninellit@list.ru

Abstract: The article analyzes the features of Byronism and Georgesandism as sociocultural myths that arose in the post-revolutionary era and embodied the totality of socio-aesthetic gender representations. On the basis of the historical-typological approach, taking into account the trends of modern comparative studies, the origins of the gender opposition of male and female — the Hero and the Heroine — are regarded in the poetics of personified myths — Byronism and Georgesandism, which acquired an all-European scale in European culture of the first half of the 19th century.

At the Enlightenment stage of mastering the specifics of the intimate and the public, the development of the ideas of civil society, the destruction of the paradigms of mental and universal laws of aesthetics, in public life and literature of the 18th century there was an increase in the gender consciousness of society. In the article it is correlated with the French tradition — the sentimentalist novel by J.-J. Rousseau *Julia, or the new Eloise* and the romantic concepts of the hero and the heroine in the works of Germain de Stael, where the conflict, antithesis, dichotomy of the feminine and the masculine began to be artistically meaningful from the standpoint of social and psychological egalitarianism.

It is proved that Byronism and Georgesandism were complementary and oppositional to each other as socio-aesthetic currents, systems, paradigms, myths, in which variously interpreted skepticism and the individualistic concept of the Hero, the poet, are opposed to optimism and utopia, the feminine myth of the Heroine — in the works and biography of George Sand. The gender originality of typologically related romantic value ideas is considered: aspiration for the absolute, spiritual maximalism with a clear priority of the male myth in the image of Byron and his work — and the female, socialistically marked in George Sand.

Biographical and biographically related material, the work of each in the first half of the century formed the basis of sociocultural and romantic symbolizations that characterize and form the gender specificity of the text of romantic culture.

Keywords: byronism; georgesandism; feminism; gender paradigm; sociocultural myth; romanticism

For citation: Litvinenko N. (2023) Byronism and Georgesandism in the First Half of the 19th Century as Sociocultural Myths of Romanticism: a Typology of Distinctivity. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 126–139.

В ряду социокультурных мифов, характеризующих литературный процесс в XIX столетии — феномены различной семантики и масштаба; их свойства находят проявление в «новом порядке дискурса», формируются новые стратегии мимесиса, интерпретации и осмысления жизни. В историческом и общекультурном процессе одну из определяющих тенденций развития обозначила антиномия гендерного подхода. Ее полюса располагались между набирающим популярность феминистским движением и традиционным для европейского культурного сознания маскулинным мифом о герое.

В послереволюционный период формирования новой гендерной идентификации соотношение феминного и маскулинного начал приобрело персонифицированную семантику социокультурного мифа, нашедшего воплощение в феноменах байронизма и жоржсандизма.

Мы коснемся отдельных аспектов становления и специфики обозначенной проблематики. Наша цель — на типологической основе сопоставить некоторые особенности социокультурной специфики байронизма — индивидуалистической модели самоидентификации — и жоржсандизма, развивавшегося в русле социалистически маркированной, феминистской модели. Оба течения романтической мысли выростали на почве катаклизмов, сотрясавших Европу. Понимание гендерной семантики этих феноменов в процессе развития литературы, естественно, менялось, но диалог между ними надолго определил проблемное поле европейского романтизма. Оба направления играли ведущую роль в «рассеивании энергии» мифологических комплексов и мифопредставлений, характеризующих все сферы искусства и жизни в первой половине XIX века.

Доминантную роль в литературе этого периода играл маскулинный миф. За ним стояли многовековые традиции — от классических мифологий и авраамических религий до разновременных и нововременных писательских персоналий, героев произведений Мильтона, «Бури и натиска», готической романистики и самого романтизма. Во Франции XVIII века маскулинный миф входил в пространство литературно-философской рефлексии, в том числе на сентименталистской основе, в творчество Руссо, где герой, как и автор, стали носителями не только универсальных, но и гендерно обусловленных психологических ценностных представлений. Закономерно, что интимно-психологическая сфера жизни персонажей в романистике эпохи послужила основанием авторской рефлексии над природой мужского и женского начал.

На рубеже XVIII–XIX вв. на новом этапе становления миф о герое был «скорректирован» революцией, а позднее поглощен наполеоновским мифом. В целом же, как, обобщая, подчеркивал У. Эко, миф

о герое был «одной из констант народного воображения: от Геракла до Зигфрида, от Роланда до Пантагрюэля и так далее вплоть до Пьера Пэна» [Эко 2005: 177]. В русле этих традиций в первой половине XIX столетия актуальность завоевал аккумулировавший мотивы разочарования и протеста байронический миф.

Парадигма женского мифа в творчестве Жорж Санд формировалась на иных началах и на новой ступени общественного развития. Писательницу не привлекал классический культ героя; изображение женщины приобрело новую художественную семантику. В основании создаваемого Жорж Санд мифа, как и в байронизме, — сублимационная модель, однако она включала не вызов судьбе обреченного на подвиг и поражение индивида, а утверждение женской утопии как важнейшей составляющей утопии личностной и социальной. Это утопия обретения независимости, самодостаточности в интимной, духовной, личностной и общественной сфере. И в байронизме, и в жоржсандизме ценностные ряды — добра, счастья, судьбы, свободы — соотнесены, они становились предметом символического изображения, рефлексии авторов и героев.

Оба течения общественно-эстетической мысли трансформировали многовековой опыт обращения к структурам бессознательно. И если у Байрона они восходили к маскулинному архетипу героя, то у Жорж Санд — к женскому архетипу, нашедшему воплощение в произведениях литературы, где героиня по своему масштабу, испытываемым эмоциям и достоинствам была «равновеликой» герою или «превосходила» его (Тристан и Изольда, Абельяр и Элоиза, Химена, стремившаяся быть столь же доблестной, как Родриго...). В этом ряду — и Юлия, развоплотившая традиционную модель, соединявшую в единое целое добродетель, счастье и любовь, и самоотверженные, исключительные героини Жермены де Сталь, при всех безусловных достоинствах обреченные на поражение.

Неомифологизм первой половины XIX века восходил не только к многовековым традициям европейской культуры [Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries; Козин, Литвиненко и др. 2022], но и к исканиям просветительской мысли, которая стремилась соединить «оптимистичность и скепсис, иронию и меланхолию, трезвость и патетику», постичь «границы разума», «его пограничье с бесконечным пространством иррационального» [Пахсарьян 2008]. Закономерно экзистенциально-гендерная проблематика входила в контекст общественной мысли предреволюционной и революционной поры, внося существенные коррективы в понимание гендерной природы человека — существа общественного и личностно-неповторимого, сложившееся в предшествующие эпохи [Земон, Фарж 2008].

В Англии на рубеже XVIII и XIX вв. была опубликована «Защита прав женщины, с критикой политических и моральных вопросов» М. Уолстонкрафт (*A Vindication of the Rights of Woman: with Strictures on Political and Moral Subjects*, 1792). Зачинательница феминизма Уолстонкрафт, Байрон, Шелли, Мэри Шелли (дочь Годвина и М. Уолстонкрафт), как и писательницы-«викторианки» Дж. Остин, сестры Бронте, Дж. Элиот, в своем творчестве и жизненной практике вступали в противоречие с господствующими в обществе моральными стереотипами. Феминистский «оттенок» проявлялся в образах героинь, не желающих считаться «с жестким моральным императивом, уготовившим им скромное место на церковной скамье...» [Ливергант 2022]. Абсолютный ценностный приоритет любви и страсти в предромантическую и романтическую эпоху формировал (не только в английской литературе) новый тип сюжетных коллизий, отношений между мужчиной и женщиной и, соответственно, между героем и героиней. Новые тенденции в подходе к «женской» проблеме накапливались в творчестве не только Дж. Остин, но и Вальтера Скотта; с вызовом и энтузиазмом — в творчестве Шелли, не без влияния Жорж Санд — в романах сестер Бронте.

Во Франции XVIII в. протофеминистские идеи входили в философско-эстетический и художественный дискурс Монтескье, Вольтера, Дидро, Руссо, в сочинения маркиза и мадам де Кондорсе [XVIII век 2008], в сферу общения участников многочисленных светских салонов (мадам де Рекамье, мадам де Кондорсе, Жермены де Сталь...). Современные французские историки культуры констатируют: «С XVI по XVIII в. они [женщины] присутствуют во всех социальных сферах — домашней, экономической, интеллектуальной, публичной, конфликтной и даже игровой» [Земон, Фарж 208: 13]. Закономерно, что литература, в особенности романистика, была здесь репрезентативным пространством. В трудах писателей, философов, публицистов традиционно мужской императив «натурализации» — универсальности человеческой природы — уступал место рефлексии над своеобразием внутреннего мира женщины, ее интеллекта и «чувствительной натуры» [The History of Feminism 2022].

Сентименталистская и рокайльная поэтика сделала предметом изображения разнообразные ракурсы «женской» ментальности; женское и женственное начало становилось сюжетообразующим, центральным мотивом, оказывало влияние на понимание и интерпретацию ментальности «мужской» — у Руссо, авторов «Монахини» (1780, 1796), «Опасных связей» (1782), «Персидских писем» (1721) или «Манон Леско» (1731, 1733). Н.Т. Пахсарьян убедительно пишет о феминизации романного пространства рококо, стирающей границы

«женского» и «мужского», придающей каждой из этих сфер двойственность, двусмысленность, и об этико-эстетической семантике феминистских представлений [Пахсарьян 2008], которые уже в XIX веке приобретут социальный, социально-политический смысл.

Рефлексия над гендерными особенностями и перспективами развития общества органически входила в герменевтический текст французской культуры. Социально-национальные особенности изображения положения женщины в семье и обществе выполняли в романистике и публицистике эпохи, особенно в сентименталистском романе, социально конкретизирующую функцию, углубляя и трансформируя экзистенциально-личностные аспекты изображения персонажей, межличностных общественных отношений.

Так, Руссо, предваряя романтиков, в изображении Юлии и Сен-Пре скрещивал противоречия социальные, психологические с онтологическим подходом, придавал феминной модели, по видимости ориентированной на утверждение традиционных представлений о добродетели и счастье, неоднозначную, по существу провокативную семантику. Недаром в предисловии к «Юлии, или Новой Элоизе» (1757–1760), угадывая векторы развития массовой романистики, он с нескрываемой иронией писал, что «рискованно» предлагать его роман «невинным девушкам», добавляя: а женщин, «сохранивших хотя бы стремление к порядочности», роман этот «наставит на путь истины» [Rousseau 1774]. Вводя тему любви в контекст психологической аналитики, Руссо включил в понимание мужской и женской чувствительности гендерные разграничения: «Хотя любовь в вас и одинаково сильна, но не сходна в своих проявлениях, — пишет г-жа д'Орб. — Ваша — кипучая и порывистая, ее — нежная и кроткая; ваши чувства буйно рвутся наружу, ее — уходят в глубь сердца и, проникая в недра души, незаметно преобразуются и меняются...» [Rousseau 1774]. Ключевым становится уточнение о незаметно меняющемся мире чувств героини. Руссо угадывает иррациональные глубины происходящих в женской душе процессов и перемен. И однако, при всех моралистических установках автора, одержимость страстью, чувствительность смягчала в романе Руссо гендерную антитезу мужского и женского начал — но отнюдь не снимала ее в сфере общественно-репутационной, которая определила ход и развязку интриги. «Рефлексивная, ретроспективно размышляющая» страсть (выражение Поля де Мана) на социальной и гендерно-психологической основе проблематизировала ее изображение [Christophe 2021]. Руссо создал художественную модель личностной, почти подтекстово-фантомной самореализации героини, где прошлое — страсть — торжествовало над настоящим, обладая вечным потенциалом трагического жизнетворчества. Тем самым руссоист-

ский сентименталистский миф о любви, в его мужском и женском проявлении, сближался с романтизмом, подготавливал романтизм.

У Руссо гендерная стратегия включала последовательную смену ролевых функций персонажей, в конце произведения писатель окончательно сместил идейный центр романной интриги, введя исповедальное признание Юлии как результат откровения, осознанного героиней перед лицом смерти. Если в «программных» письмах госпожи д'Орб (ч. 3) страсть наделялась сугубо «отрицательной» семантикой (слезы, траур, смерть, горечь, мука, унижение), то в предсмертном письме Юлии, обращенном к Сен-Пре, неожиданно произошла переоценка всех предшествующих моралистических установок и аргументов. Юлия «опровергла» «мужскую», рационально выстроенную философию жизни, противопоставив ей новую сакральность — любовь [Christophe 2021]. «Герменевтическая динамика» заставляла читателя переосмыслить все промежуточные сюжетные «развязки» романа [Cauvin 2023]. «Мужской», идеально выстроенной морали добродетельного существования Кларанса героиня Руссо противопоставила глубоко выстрадавшую, идеальную женскую утопию — любви-страсти-счастья, пусть и по ту сторону земного удела.

Иррациональный, сакрализуемый возвышенный женский и в то же время универсальный сентименталистский миф о любви-счастье — один из ранних абрисов мифа о голубом цветке — ляжет в основу эстетического мироощущения многих романтических героев. В литературе первой половины XIX века он станет знаком преодолеваемого или не преодолеваемого диссонанса между рациональным и иррациональным.

Важнейшую роль в становлении феминистских идей во Франции на рубеже XVIII и XIX вв. сыграла Жермена де Сталь. В эссе «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (*De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations*, 1796) писательница воспела то, что составляло, с ее точки зрения, высший смысл женского бытия: любовь, страсть, одухотворенную чувственность — предпосылку и основу счастья. Ее эссе — это панегирик во славу человека, независимо от его гендерной принадлежности, а по существу — во славу собственной женской натуры, природы, «прекрасной души»; весь стиль, логика, эмоциональный накал, энтузиазм, автобиографический лиризм делают его гимном во славу любви и женщины.

С лирическим энтузиазмом писательница заставляет звучать феминистские идеи в своих романах, обнажая антитезы и антиномии, созидающие, но и разрушающие идеальный универсум любви-страсти персонажей, принадлежащих к различным национальным

и гендерным традициям, историко-этническим типам европейской культуры (Франции, Англии, Италии).

Конфликт автора книги «О Германии» (1810) с Наполеоном, международные связи и контакты писательницы, ее романы сделали де Сталь живым воплощением новых феминистских устремлений эпохи. Героини писательницы обнаруживали интеллектуальное, духовное превосходство над самыми незаурядными носителями мужественности, традиционно закрепившими за собой статус героя. Де Сталь подчеркивала героизм перед лицом смерти Леонса в «Дельфине», бесстрашие и личное мужество лорда Нельвиля (сцены пожара в Анконе в «Коринне, или Италии», 1807). В то же время она не видела в этих персонажах «способности подняться до понимания масштаба исторической трагедии» (Леонс), оценить гений Коринны (лорд Нельвиль), как не сумел оценить достоинства Элеоноры Адольф Констана. Герои ее романов, носители страсти, рядом со своими избранницами обнаруживают слабость, не могут преодолеть стереотипы поведения, повинуются господствующим в обществе законам [Шрейдер 2011]. Рабы «общественного мнения», наделенные признаками несостоявшихся байронических героев, они, в конечном счете, предают своих избранниц, проигрывают поединок с судьбой.

Опыт участия в революционных событиях и войнах формировал социокультурные мифы, модели поведения индивида, сообществ, масс, запросы на коренную переоценку ценностей — представлений о роли личности, морали и вере, революции, прошлом и будущем человечества. Отвечая им, байронизм и жоржсандизм стали «носителями совокупных социально-эстетических смыслов» (выражение Е.М. Мелетинского), получили широкое распространение, тиражировались, были предметом подражания в культуре различных европейских стран.

Байронизм и жоржсандизм — это совокупность конструктов, понятий, принципов, включающих комплексы этических, философско-эстетических идей и мифологем, объединенных по принципу индивидуальных и гендерно бинарных, но все-таки поливалентных оппозиций. В основе их — этико-эстетический и философский параллелизм. В одном случае абсолютизируется маскулинное начало, индивидуалистическая модель самоидентификации героя, скептическая парадигма, бунт против существующих законов не только общества, но и бытия. В другом — поиски общественной гармонии, идеала, новых гуманистических универсалий, концепция гендерного и социального равенства, оптимистическая вера в будущее.

При всем несходстве байронизм и жоржсандизм обладали типологической общностью, хотя байронизм сформировался в 1810-е гг.,

а творчество французской писательницы с середины 1830-х гг. оказалось в оппозиции к нему. Создав в «Лелии» (1833) блистательный образ — женскую ипостась байронического героя (Шатобриан назвал автора «будущим лордом Байроном Франции»), — Жорж Санд, не без влияния социалистических идей (Сен-Симон, Фурье, Анфантен, особенно П. Леру), резко изменила отношение к индивидуалистической модели байронизма. В 1841 г. она откажет Наполеону в статусе великого человека, противопоставив ему, «человеку сильному», подлинно великого — Руссо, открывшего человечеству новые горизонты мысли («Размышления о Жан-Жаке Руссо»). За ореолом роковой силы байронических героев в ее повестях и романах середины 1830-х гг. будут скрываться преступление и чудовищный эгоизм. Герои этих произведений неизменно влекли себя и своих возлюбленных к катастрофе («Леоне Леони», 1835; «Ускок», 1838).

Прометеевско-мужское начало в творчестве Байрона обладало невиданной мощью. Созданные поэтом символы мужественности заслоняли собой феминные мотивы, воплощенные в образах Астарты или Медоры, находили «косвенное» воплощение в лирических фрагментах поэм, в стихах и драмах («Стансы к Августе», «Тьма», «Из дневника в Кефалонии», «Манфред», «Каин»). В отличие от английского поэта, Жорж Санд редко стремилась к концентрированной символизации. Она сделала объектом изображения в своих романах не вневременные ипостаси вечной женственности, а несчастье конкретного индивида — женщины и мужчины, участников «длящихся драм». В центре ее произведений — протест женщины против господствующих норм семейного, общественного, психологического рабства. «Собирая лучи в фокус», в романах 1830–1840-х гг. писательница моделировала преодоление гендерных противоречий на основе «идеализированной когнитивной модели» — социально-психологической утопии эгалитаризма, создавая образы идеологов будущего, иных, чем Лаон и Цитна, — графа Альберта и Консуэло.

Байронизм и жоржсандизм были векторами поляризации общественных настроений. Отрицая настоящее, Жорж Санд и Байрон противопоставляли обществу позицию лирического субъекта, повествователя, автора, героя. У Байрона это была позиция скепсиса, возвышенного эскапизма, бунта против мировых и надмирных сил, диктующих человеку свою волю, позиция героического страдания и гордыни. У Жорж Санд настоящее осмысливалось в свете утопии будущего, в котором в соответствии с телеологической моделью эволюции, в гармонии с миром и обществом индивид искал себя и свою дорогу к счастью. Героическое в этой парадигме играло приоритетную роль, воплощаясь в женской ипостаси и обретая социально-прогностический смысл.

Это не была позиция поисков андрогинного единства, стремления «сомкнуть крайности бытия», мистической гармонии, как у Ф. Шлегеля, но, как и у йенских романтиков, это была «эмансипация любви, женщины и человека вообще» (курсив автора) [Дмитриева 2014]. Писательница противопоставляла байроновской модели, в переключке с йенцами, утопию идеала, модифицируя с этой целью художественную структуру своих романов. Байронизм и жоржсандизм воплощали антиномию утопии и антиутопии, мужского и женского начал, предчувствие катастрофы, торжества тьмы или — на другом полюсе — светлого будущего, ожидающего человечество, — ритмы и аритмию их взаимоотражений.

Формирующийся в творчестве Жорж Санд миф не оплакивал прошлое, не сосредоточивался на роковом и неизбывном трагизме жизни, он был устремлен в будущее, которое писательница стремилась предугадать. Оно казалось ей близким вплоть до революции 1848 г.

В силу общественных и биографических факторов, связанных с выбором мужского псевдонима, традиционная оппозиция мужского и женского в романтическом дискурсе Жорж Санд размыта; в искомом и обретаемом универсуме своей идентичности его составляющие вступали в диалог, в том числе внутри дискурса как такового, когда позиция повествователя — носителя мужского псевдонима — реализуется в аналитизме, женской пронизательности изображения внутреннего мира персонажей — женской и в то же время общественной среды. В центре романов писательницы новая психологическая, социокультурная целостность: женщина — личность — достоинство — любовь — счастье, иррациональное, уходящее корнями в пространство мифомышления эпохи. Героиня не жертва, не призрак, не отраженный контур героя, не голубой цветок, не ребенок, не объект эротических желаний, а личность, равная своему избраннику — «другому», отстаивающая свои нравственные принципы, как и у Байрона, в противоборстве с антагонистом, общественными законами и окружающей средой. Эти нравственно-эстетические принципы легли в основу концепции романтического феминизма первой половины века.

Разумеется, байронизм и жоржсандизм не сводимы к «личностным формам» (выражение А.Ф. Лосева) — фигурам авторов, давших название этим феноменам общественно-эстетической мысли. Однако не менее очевидно, что структурирующую роль здесь играли личность и творчество Байрона и Жорж Санд. Обоих сближал темперамент, вызов обществу, гражданственное начало. Каждый из них формировал свой «большой» миф в пространстве европейской культуры. Будучи переосмыслены, эти мифы включали в свою ор-

биту множество других, смежных или пребывающих в оппозиции друг к другу, в том числе биографических, мифов. Оба больших мифа вошли в гипертекст европейской культуры, содержали полифоническую семантику свойственных английскому и французскому романтизму концептов, концепций и идей, легших в основу мифотворчества и житнетворчества первой половины XIX века. Если байронизм умножал влияние на общественное сознание мужского мифа о герое [Cauvin 2023], то произведения Жорж Санд многократно усиливали воздействие феминистских идей, трансформируя байронический, мужской миф, углубляя рефлексию представителей «мыслящего класса» над актуальными проблемами современности. Демократизируя читательскую среду, оба — Байрон и Жорж Санд — способствовали росту пассионарности общества, распространению гражданских воззрений, способствовали выработке новых модификаций мифов, выработке новых матриц культуры. Влияние их было чрезвычайно весомым — и в ближайшей, и в отдаленной исторической перспективе. На этой основе обогащались ресурсы романтизма как общеевропейского феномена культуры, усиливался мифотворческий потенциал популярной, массовой культуры [Diaz 2023].

Комплексы, лежащие в основании байронизма и жоржсандизма, моделировали антитетически связанные разновидности романтического этико-эстетического канона, в структуру которого входили образы, коллизии, нравственно-этические и социально-исторические архетипы, которые оказали влияние на формирование лирической и нарративной идентичности — не только на романтическую, но и на постромантическую литературу, на развитие гендерных и феминистских идей в последующие века.

Антиутопии, восторжествовавшие в XX веке, трагический опыт мировых войн, «потерянных» и отчаявшихся поколений постиндустриальной эры, ощущение «нестабильности», сформулированное в знаменитом принципе «неопределенности Гейзенберга», принципиально новые эстетические искания современной гуманитарной мысли не отменили общественный запрос на понимание истории, преодоление абсурда, заброшенности, одиночества индивида, на диалог с прошлым, с мифами и ценностными иллюзиями, которые исповедовал романтизм. Ольга Седакова имела основание обнаружить в постмодернизме «тоску по образу, по символу, тоску по этике, по прямому и сильному высказыванию» [Седакова 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дмитриева Е.Е.* Йенский романтизм и теория романтического сообщества / История немецкой литературы: Новое и новейшее время / Под ред. Е.Е. Дмитриевой, А.В. Маркина, Н.С. Павловой. М., 2014. С. 359–367.

2. Земон Н., Фарж А. Женщины как действующие лица истории // История женщин на Западе. Т. 3. 2008. С. 13–20.
3. Козин А.А., Литвиненко Н.А., Лунина И.Е., Редина О.Н. Мифогенный и мифотворческий потенциал образов в зарубежной литературе XIX века. Романтизм (Часть I) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 85–94.
4. Ливергант А. Викторянки. М., 2022.
5. Пахсарьян Н.Т. История зарубежной литературы XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс]. URL: 17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/pahsaryan-17-18v... (дата обращения: 22.11.2022).
6. Пахсарьян Н.Т. Женское и мужское пространство во французском романе рококо // XVIII век: женское / мужское в культуре эпохи. М., 2008. С. 278–284.
7. Седякова О. После постмодернизма [Электронный ресурс]. URL: <https://olgasedakova.com/Moralia/277> (дата обращения: 02.10.2022).
8. Шрейдер Н.С. Романы Жермены де Сталь / Из историко-литературного наследия. Днепрпетровск, 2011. С. 95–108.
9. Эко У. Миф о супермене / Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2005. С. 177–206.
10. Burke T.D. Byronism, Napoleonism, and Nineteenth-Century Realism: Heroes of Their Own Lives? Copyright Year 2022. Published November 30, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.routledge.com/Byronism-Napoleonism-and-Nineteenth-Century-Realism-Heroes-of-Their-Own/Burke/p/book/9780367749033> (дата обращения: 08.01.2023).
11. Diaz J-L. Quand les lecteurs étaient victimes de personnages (1800-1871). *Fabula / Les colloques*. Le personnage, un modèle à vivre. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document5084.php> (дата обращения: 28.08.2023).
12. Cauvin É. La dynamique romanesque de la chimère dans *Julie ou La Nouvelle Héloïse* // *Acta fabula*, vol. 24, n° 1, Notes de lecture, Janvier 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document15716.php> (дата обращения: 20.01.2023).
13. Christophe M. La Philosophie des amants. Essai sur *Julie ou La Nouvelle Héloïse*. Paris, 2021.
14. The History of Feminism: Marie-Jean-Antoine-Nicolas de Caritat, Marquis de Condorcet. Stanford Encyclopedia of Philosophy *First published Tue Mar 10, 2010; substantive revision Tue Jan 11, 2022* [Электронный ресурс] URL: [sep_history-of-feminism.pdf](https://www.encyclopediaofphilosophy.com/archive/2010/03/10/sep_history-of-feminism.pdf) (wordpress.com) (дата обращения: 06.02.2023).
15. Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Encyclopedia of Ideas: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/site/encyclopediaofideas/literature-and-the-arts/myth-in-the-nineteenth-and-twentieth-centuries> (дата обращения: 04.12.2022).
16. Rousseau J. J. *Julie ou la Nouvelle Héloïse*. Т. 1. (Lettre VII). Londres, 1774.

REFERENCES

1. Dmitrieva E.E. *Jenskij romantizm i teoriya romanticheskogo soobshchestva* // Istoriya nemeckoj literatury: Novoe i novejshee vremya / Pod red. E.E. Dmitrievoy, A.V. Markina, N.S. Pavlovoj [Jena romanticism and the theory of the romantic community / History of German literature: New and modern times]. М.: RGGU, 2014, pp. 359–367. (In Russ.)

2. Zemon N., Farzh A. *Zhenshchiny kak dejstvuyushchie lica istorii / Istoriya zhenshchin na Zapade* [Women as historical actors. Western women's history]. T. 3. 2008, pp. 13–20. (In Russ.)
3. Kozin A.A., Litvinenko N.A., Lunina I.E., Redina O.N. Mifogennyj i mifotvorcheskij potencial obrazov v zarubezhnoj literature XIX veka. Romantizm (CHast' I) [Mythogenic and myth-creating potential of images in foreign literature of the 19th century. Romanticism. Part 1]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2022. № 4, pp. 85–94. (In Russ.)
4. Livergant A. *Viktorianki* [Victorian women]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. 721 p. (In Russ.)
5. Pahsar'yan N.T. *Istoriya zarubejnoi literaturi XVII–XVIII vekov* [The history of foreign literature of the XVII–XVIII centuries]. URL: pahsaryan-n-t-istoriya-zarubezhnoj-literatury-xvii-xviii-vv-ehlektronnyj-resurs-url-17v-euro-lit-niv-ru-17v-euro-lit-pahsaryan-17-18v (accessed 22.11.2022).
6. Pahsar'yan N.T. Zhenskoe i muzhskoe v francuzskom romane rokoko / XVIII vek: zhenskoe / muzhskoe v kul'ture epohi — XVIIIe siècle: féminin / masculin dans la culture de l'époque [Female and male space in the French Rococo novel // XVIII century: female / male in the culture of the epoch]. *Nauchnyj sbornik / Pod red. N.T. Pahsar'yan. M., 2008. pp. 278–284. (In Russ.)*
7. Sedakova O. Posle postmodernizma [After postmodernism]. URL: <https://olgasedakova.com/Moralia/277> (accessed 02.10.2022). (In Russ.)
8. Shrejder N.S. *Romany Zhermeny de Stal'* / Iz istoriko-literaturnogo naslediya [From the history of literary heritage]. Dnepropetrovsk, ART-PRESS, 2011, pp. 95–108. 418 p. (In Russ.)
9. Eco U. *The myth of superman / The role of the reader. Research on semiotics*. St. Petersburg: SIMPOSIUM, 2005, pp. 177–206.
10. Burke T.D. *Byronism, Napoleonism, and Nineteenth-Century Realism Heroes of Their Own Lives*. Copyright Year 2022. Published November 30, 2021 by Routledge. 214 p. URL: <https://www.routledge.com/Byronism-Napoleonism-and-Nineteenth-Century-Realism-Heroes-of-Their-Own/Burke/p/book/9780367749033> (accessed: 08.01.2023).
11. Diaz J.-L. *Quand les lecteurs étaient victimes de personnages (1800–1871). Fabula / Les colloques*, Le personnage, un modèle à vivre. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document5084.php> (accessed: 28.08.2023).
12. Cauvin É. *La dynamique romanesque de la chimère dans Julie ou La Nouvelle Héloïse / Acta fabula*, vol. 24, no.1. Notes de lecture, Janvier 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document15716.php> (accessed: 20.01.2023).
13. Christophe M. *La Philosophie des amants. Essai sur Julie ou La Nouvelle Héloïse*, Sorbonne Université Presses. 2021. 280 p.
14. The History of Feminism: Marie-Jean-Antoine-Nicolas de Caritat, Marquis de Condorcet // Stanford Encyclopedia of Philosophy. *First published Tue Mar 10, 2010; substantive revision Tue Jan 11, 2022*. [Электронный ресурс]. URL: sep_history-of-feminism.pdf (wordpress.com) (дата обращения: 06.02.2023).
15. Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Encyclopedia of Ideas: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/site/encyclopediaofideas/litera>

ture-and-the-arts/myth-in-the-nineteenth-and-twentieth-centuries (accessed: 04.12.2022).

16. Rousseau J. J. *Julie ou la Nouvelle Héloïse*. Т. 1. (Lettre VII). 1774.

Поступила в редакцию 30.05.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 30.05.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Нинель Анисимовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения; ninellit@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ninel Litvinenko — Prof. Dr of Philology, Department of Foreign Literatures, Faculty of Russian Philology, State University of Education; ninellit@list.ru

«ДРУГОЕ» ВРЕМЯ КИСЕЛЕВЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ К ЧЕХОВУ)

Р.Б. Ахметшин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Россия; ahtmad-jin@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются письма к А.П. Чехову его знакомых — писательницы М.В. Киселевой и ее мужа А.С. Киселева, земского начальника Звенигородского уезда. Хронологически эта коллекция охватывает наиболее значительный этап писательской биографии — с 1886 по 1900 годы — и пронизывает многие стороны жизни Чехова в пределах бабкинской округи и звенигородского земства. В это поле втягиваются персонажи, в различной степени соприкоснувшиеся с Чеховым (их свидетельства, пока не разысканные, вероятно, ждут своего часа; источником этих ожиданий являются, в частности, воспоминания П.А. Архангельского), и масса эпистолярных и мемуарных документов (письма и воспоминания писателей, младших Чеховых, бумаги из архива Н.В. Голубевой, сестры Киселевой, и мн. др.). 109 киселевских писем представляют собой ценность, скорее, свойством бытовой нарочитости: «неписательских» писем здесь гораздо больше, но и заурядной бытовой тавтологичности в них тоже не чувствуется. Неизбирательное отношение к ним позволяет иначе взглянуть на общую прагматическую (рассказы Алексея Сергеевича о служебных буднях земства, жалобы обоих на безденежье и недуги, открытия Марии Владимировны относительно ее мистических состояний) и языковую (утрированный анекдотизм, картинность описаний, пристрастие к языковой игре и шутке) природу писем Киселевых к Чехову, уточнить периферию писательской биографии, выдвинуть как гипотезу альтернативное понимание чеховской сюжетности, а также проливает дополнительный свет на условия жизни Чехова и его семьи, дает возможность новой интерпретации перипетий литературного творчества писателей разного уровня, истории создания их текстов, прототипов героев и стилевых форм.

Ключевые слова: биография; писательская переписка; Чехов; Киселевы; Сахалин; прототип; событие; течение жизни

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-11

Для цитирования: Ахметшин Р.Б. «Другое» время Киселевых (по материалам неопубликованных писем к Чехову) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 140–151.

THE DIFFERENT TIME OF THE KISELYEVS (ON THE MATERIALS OF UNPUBLISHED LETTERS TO CHEKHOV)

Ruslan Akhmetshin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ahmad-jin@mail.ru

Abstract: The article deals with the letters of A. Chekhov's friends, the writer M. Kiselyeva and her husband A. Kiselyev, Head of Zvenigorod zemstvo, to Chekhov. In chronological order this collection covers the most significant period of Chekhov's biography, from 1886 to 1900, and unfolds many aspects of his life in the Babkino area and Zvenigorod zemstvo. There were many persons who came into different contacts with Chekhov (their notes, though not found and studied so far, do wait in the wings; in particular, one source is P. Arkhangelsky's memoirs). There were many epistolary and memoir documents (contemporary writers' letters, the young Chekhovs' letters, N. Golubeva's (M. Kiselyeva's sister) notes, and many others). The Kiselyevs' 109 letters can be regarded valuable in terms of their deliberate mundane character as there are more 'non-literary' letters but at the same time they are not trivial at all. This fact enables the researcher to have a different perspective on somewhat pragmatic (A. Kiselyev's stories about the zemstvo's everyday routine; M. Kiselyeva's stories about her mystical visions; their complaints about their financial and health problems) and linguistic (word play, puns, vivid descriptions, life events presented as jokes) character of the Kiselyevs' correspondence with Chekhov, and to extend the borders of the writer's biography. Thus a different understanding of Chekhov's storylines can be suggested. These letters also reveal some aspects of the life of Chekhov and his family members; they enable the author to interpret variously literary legacy of various writers, to consider the stories of their works' creation, the characters' prototypes and artistic forms from a different angle.

Keywords: biography; writers' correspondence; Chekhov; the Kiselyevs; Sakhalin; prototype; event; life routine

For citation: Akhmetshin R.B. (2023) The Different Time of the Kiselyevs (on the Materials of Unpublished Letters to Chekhov). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 140–151.

Жизнь увлекательна картинностью, одной из граней которой может быть литературность. Последняя же мимолетна: сравнивая происшедшее с эпизодом из романа (или анекдота), мы фиксируем закат «литературной» карьеры события.

1 декабря 1897 г. М.В. Киселева писала Чехову: «Летом к нам заглянула <...> знакомая Марии Павловны <Чеховой> <...> По ее просьбе, Алек<сей> Сер<геевич>¹ водил ее показывать флигель, где

¹ Киселевы — бабкинские помещики: владелец имения Бабкино под Воскресенском Киселев Алексей Сергеевич (1841–1910), помещик, представитель извест-

Вы, когда-то, жили, а я сказала: гм!... Ни имени, ни отчества, ни фамилии сей особы — не знаем»². Это была, скорее всего, первая в истории чеховедения экскурсия. На попытку примерить к жизни анекдот Чехов из Ниццы ответил зарисовкой: «Здесь тепло и тихо, ни одного облачка <...> мне ясно представляется Вы и Алексей Сергеевич. Здесь очень хорошо, но тем не менее все-таки я с удовольствием провел бы Рождество не здесь, а в Бабкине, которое мне так мило и дорого по воспоминаниям» [П. VII, 133]³.

Бабкино и воскресенская округа неслучайно привлекает внимание исследователей чеховского творчества сразу после смерти писателя⁴. Но письма Киселевых, оставаясь в тени чеховских, так и не освоены, и эта избирательность мешает разобраться в мироощущении, которое определяет новые грани биографических представлений, создает перспективу, в пределах которой мог бы обрести смысл и этот бесполезный пока материал: «...переписка подлежит изучению, так как связь с Киселевыми и впечатления от Бабкина имели многообразное значение для творчества Чехова» [ЛН-68, 574].

Дружба с Киселевыми — одно из самых свежих и долгих впечатлений в жизни Чехова, особенно в свете итогов сахалинской поездки. Их письма обладают особым эстетическим наполнением и бытовыми свойствами (типической и нетипической природы). Потому Чехов и берег бабкинские впечатления.

Исследование переписки может начаться с простого — статистических аспектов корпуса. Чехов довольно долго состоял с Киселевыми в переписке. Дольше только с братом Александром, Сувориным

ного дворянского рода, ведущего начало от военачальника Свентолдича (Свентольдия) Киселя, во времена Владимира Мономаха «начальника надъ войскомъ Княжества Киевскага», и Андрея Киселя, также «Начальника Киева», убитого поляками «во врѣмя взятія» города (см.: НИОР РГБ. Ф. 129 (Киселевы), к. 1, е. х. 5, л. 1), служил земским начальником Звенигородского уезда; его жена Киселева Мария Владимировна (1847–1921) — писательница, сотрудница журналов «Детский отдых», «Родник», старшая дочь В.П. Бегичева, директора Московской конторы императорских театров. Сохранилось 35 писем Чехова к Киселевой и 19 писем — к Киселеву. Их письма (78 — Киселева и 31 — Киселевой: некоторые из писем содержат приписки супругов, а также их дочери Александры) к Чехову хранятся в НИОР РГБ.

² Письмо написано 1 декабря (НИОР РГБ. Ф. 331, к. № 47, е.х. 486. Письма М.В. Киселевой к А.П. Чехову (1888–1890, 1892–1893, 1895, 1897, 1900 гг.). Л. 27.). Чехов ответил из Ниццы 25 декабря 1897 г. (6 января 1898 г.).

³ Тексты А.П. Чехова цитируются по изданию: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1982 — с указанием в скобках серии (П. — письма, С. — сочинения), тома и страницы.

⁴ См. в связи с этим, например, разделы «В восьмидесятые годы», «В Бабкине», «В Чикине», «Воспоминания д-ра Архангельского» [Соболев].

и некоторыми другими персонами. Коллекция киселевских писем конкурирует по объему с лейкинской, брата Александра, В.В. Билибина, образуя круг наиболее интенсивной переписки. Это период с 1886 по 1900 г. Уезжая на Сахалин, Чехов оставлял за спиной и Бабкино. Анализируя, кому он писал с дороги, обнаруживаем в полученной картине бабкинское «тяготение». С апреля по декабрь 1890 г. написано 53 письма (и восемнадцатью из известных нам архивы не располагают [П. IV, 562–564]). На фоне 33 писем к Чеховым из всего сибирско-сахалинского корпуса доминируют только суворинские, однако если оставить в стороне Чеховых как адресата и сравнить одно письмо к Ивану Павловичу и одно — к Александру с тремя письмами к Киселевым, картина изменится. Характерные припоминания (н-р, «Во время дождя Ярославль кажется похожим на Звенигород...», [П. IV, 65]) усилят «тяготение».

Речь, тем самым, идет о ценности, которую Чехов приобрел в глазах Киселевых. Фон ее может быть разнообразным, но оценка подчиняется принципу обоюдности: Киселевы начали сохранять письма Чехова еще с 1885 г. Поэтому необходимо описать киселевский материал вне чеховоцентричной перспективы: сплошное, непредвзятое изучение обнаруживает источник для разработки методов истолкования биографического материала. Здесь на первом плане оказываются изображенные реалии (например, прозвище гувернантки «Вафля», подаренное герою «Дяди Вани», или перипетии с лошадкой Тоби, припоминаемые Киселевым *post factum* в мелиховские годы), а затем и стилистические подробности, ведущие к пониманию языка писателя.

Бабкинско-воскресенские прототипы, отсылающие ко множеству рассказцев и юморесок вплоть до ситуации с именем-садом, продаваемым за долги, и пензенской, правда, тетушкой, изучены [Вокруг Чехова, 225–229; ЛН-68], но не создают эффекта полноты и не позволяют судить о сущности сюжета, бытовании его в биографии писателя, об избирательном отношении Чехова к своим впечатлениям. А это самое важное — увидеть за частными деталями закономерности общего. Общим представлением мы не располагаем: объемные выдержки из киселевских писем в комментариях к ПССП не избавляют наши представления от разрозненности.

В письмах А.С. Киселева, балагура и любителя импровизации, житейское содержание, представленное как пережитый материал, граничит с шуткой. Как с иностранцем пытаются говорить на его языке, срываясь через слово на родной, свой, так и с комическим писателем заговаривают на языке сугубо комическом. Особенно если ты любишь шутку и твой тесть не только мастер, но и герой

десятков анекдотов⁵. Так в письмо проникает стихия анекдота, вытесняя необходимое содержание, более важное, чем высосанные из пальца остроты и ерничанье. Это не значит, что Киселевы пребывали вне комической эстетики, были ниже ее с точки зрения чеховского канона. Любя смех, Антон Павлович, кажется, с удовольствием делил его с собеседниками. Исключение составляли личности вроде П.А. Сергеевко, которого Чехов прозвал «погребальными дорогами стоймя» [ЧВС, 498, см. также 326–327]. Общество Киселева было отчасти приятным, но его письма, отделенные от живой непосредственности и фатической энергичности их автора, производят сегодня иное впечатление — особенно на фоне чеховских. Безусловно проигрывая в конкуренции по правилам чеховской иронии, Киселев словно навязывал общению свое понимание содержательного в шутке. В таком упражнении языка, форсировании усилий остроумия, проявлялось иное качество, словно Киселев работал над каким-то своим заданием. В этих рамках любопытно рассмотреть столкновение языковых потребностей разных по эстетическому складу людей.

«Разница между моими письмами и Вашими, дорогой Антон Павлович, та, что Вы мои можете смело читать барышням, а я Ваши должен по прочтении бросать в камин», — картинно возмущался 21 января 1886 г. Киселев⁶. Разница в миропонимании устанавливается в процессе игры, формами которой пропиталась бабкинская жизнь: борьба за грибные и ягодные поляны, рыбные места, соперничество в ухаживании за дамами, шутливый шпионаж и скандалы, устраиваемые друг другу на этой почве, трансформация момента жизни в комический эпизод, домашние спектакли — все это образует обширнейший дачный топос, в который втягиваются многие

⁵ Владимир Сергеевич Лихачев (1849–1910), поэт и переводчик, в своей мемуарной коллекции литературных портретов «Сценические деятели» и «Беседы о театре», едва заходит у него речь о Бегичеве, сбивается на анекдот: «Известный в свое время, сначала как переводчик и переделыватель французских водевилей, а потом как начальник московских казенных театров, на правах директора, В.П. Бегичев стяжал параллельную славу большого ходока по части успехов у женского пола. Болеслав Маркевич полностью изобразил его в своей трилогии “Четверть века назад” — “Перелом” — “Бездна” под именем Ашанина. Это был действительно писанный красавец, как он значится у Маркевича, и таковым он оставался до последних дней своих. А любовным похождениям его нет числа. Будучи в этом истинным спортсменом, он не довольствовался личными подвигами, но интересовался и другими. Подчиненные прекрасно, разумеется, знали его слабую струнку и беззастенчиво на ней играли» (РГАЛИ. Ф. 282 (Лихачев Владимир Сергеевич), оп. 1, е.х. 33, б.д., л. 90).

⁶ НИОР РГБ. Ф. 331, к. № 47, е.х. 456. Письма А.С. Киселева к А.П. Чехову (1886). Л. 4.

интересующие нас герои чеховской биографии и далеко не одни лишь летние ситуации.

Рыбной ловле непременно присочинялась какая-нибудь любовная история (отражено в мемуарах Н.В. Голубевой, сестры Киселевой [ЛН-68, 557–574]). В «Романе с контрабасом» (1886) это важный структурный элемент: юмореска обретает более точный лирический колорит и бытовое обоснование («Летом, пожалуй и милые люди не милы; река, пруд, лес, Ефимоновские караси, Божаровский омут... кого не отвлекут все эти прелести? — а зимой!.. Теперь, в Москве небось и Вы жантильничаете с Машенькой — летом же преблагополучно удирали от нее. Жалею, что не пришлось мне сравнить, кто сильнее, летние удовольствия, или Эфрос, что касается настоящей М^{ме} Сахаровой <...> новые рыбы и прогулки происходили у Вас в блаженном “тет-а-тете” — для меня только неясно — сама ли она шла за Вами, или Вы приглашали.... Господь Вас знает! — Я пишу Вам вздор, потому что мне ужасно скучно <...> Ел<изавета> Ал<ександровна> <Вафля — Р.А.> зевает так, что видно до самого желудка»⁷, — писала Киселева 7 декабря 1886 г.). «Божаровский омут» — неременный атрибут воспоминаний и рекламы Бабкина в письмах Киселевых, еще задолго до Масленицы начинавших звать Чеховых. В речевом и поведенческом тезаурусе рыбной ловли разграничить детали южного и северного опыта — крайне любопытная задача.

Дополнительный смысл обретает и «Рыбья любовь», где влюбленный карась (почти «пискарь», философствующий о смерти) заражает поэта пессимизмом. Точных композиционных стыковок быть не может, ведь эпистолярное сообщение продолжается в литературе (и наоборот) на условиях игры, да и навязать биографии эпистолярный параллелизм трудно. Но вот немота дочери Саши (в бабкинском обиходе Василисы), пережившей острую тревогу несостоявшегося замужества... Потрясение нередко доводит человека до растерянности немоты, и Киселева пишет о Саше как о рыбе: «Саша. Эта мамзель изобразила из себя Тит Титыча Брускова. “Ндраву моему не препятствуй!” — Совершенно так же как Ваша Вера в “Родном углу” — от скуки и скверного настроения дала согласие идти замуж

⁷ НИОР РГБ. Ф. 331, к. № 47, е.х. 48а. Письма М.В. Киселевой к А. П. Чехову (1886–1887), лл. Зоб.-4. Припоминания сопровождалась шутливыми угрозами и шантажом: «На Вашу беду, память у меня отчаянная, я помню каждое слово, каждый взгляд, каждое движение и... из всего вывожу свое заключение. Если Вы не хотели, чтобы я подозревала о Ваших заслугах, — Вам надо было остерегаться меня. Приедете летом, я Вам представлю все Ваше лицемерие в лицах и в особенности в тот вечер, когда Яшенька и Эфрос были вместе. О боги! что это было!!» (28 марта 1887 г. — Там же, л. 13).

совсем не любя. Она сознала тотчас же весь ужас своего положения, но, отступить не хватало мужества и она упорно, злобно настаивала на своем. Родители, окончательно, свяли. С отцем дурноты, мать всю разнесло. Все дело расстроил случай и бедная девочка вздохнула с наслаждением рыбы, снова пущенной в воду...»⁸.

Анекдотизм писем Киселевых чреват злобой дня и заставляет всматриваться в обитателей Бабкина, в каждый эпизод их «жизнь-бытья». Многие героини писем переживают сложную художественную реинкарнацию. Непростая судьба Елизаветы Александровны Ефремовой (Вафли), ее вовлеченность в киселевский быт, утомленность Киселевых ее эпатазирующими привычками [ЛН-68, 567] — свидетельство редкой (в сравнении с «Попрыгуньей») непрямой линии Чехова. Она, скорее, исключает ассоциации с «Дядей Ваней» и ведет к гувернантке Шарлотте Ивановне (Е.А. прекрасно музицировала на фортепиано, что могло удерживать ее рядом с Киселевой, в прошлом ученицей А.С. Даргомыжского) и другим экзальтированным героиням.

Важен и момент домашнего спектакля, подготовки к представлению и неизбежной нервозности, возбужденности, задающей тон в «Чайке». Это обстоятельство проявляет конструктивные элементы в пьесе, возникшей словно из ничего, что, конечно, неправдоподобно. Драма может создаваться быстро (свойство работы Чехова), но складывается она годами.

С этим связан и каркас сцены бала в «Вишневом саде», восходящей к другому бабкинскому мотиву, звучащему в сценах домашнего праздника «Трех сестер». Безденежье не дает повод для отказа от праздника в минуту невеселую. Письмо от 25 сентября 1886-го Киселев начинает с вопля-просьбы стать «агентом литературных произведений Pince-nez⁹ <...> моей благоверной» и запродать ее сочинения: «Отдайте в Будильник, Сверчок или в какой-либо другой подобный журнал. Гонорар по Вашему усмотрению...». При этом он сообщает о хлопотах по случаю именин сына: «приедут к обеду Рукин сам двадцать и пожалуй кто-нибудь из воскресенских. Каков должен быть пирог? В особенности для Рукиных, которые себя морили голодом целую неделю <...> Михаил Петрович пишет, что больше водки не пьет, удовольствуется <так — Р.А.> пивом, в количестве сорока бутылок в день. И эта новость раздражила

⁸ НИОР РГБ. Ф. 331, к. № 47, е.х. 486. Письма М.В. Киселевой к А.П. Чехову (1888–1890, 1892–1893, 1895, 1897, 1900). Л. 29.

⁹ Псевдоним М.В. Киселевой [Масанов, 329].

Елиз<авету> Алек<сандровну>, зашипела еще больше»¹⁰ [НИОР РГБ. Ф. 331, к. 47, е.х. 45г, лл. 17–18]. Здесь возникает интонационный поворот не только к «Дяде Ване», но и к «Иванову», на премьеру которого Киселев был приглашен и в театре, поддавшись общему возбуждению, «ни с того ни с сего схватил себя за голову и очень искренно возопил: “Что же я теперь буду делать?”» [П. II, 154]. В ноябре 1891-го он пытался дать вторую жизнь сценке В.П. Бегичева «Светские жмурки» [НИОР РГБ. Ф. 331, к. 47, е.х. 45г, лл. 6, 6 об.], на что Чехов ответил сдержанными рекомендациями [П. IV, 311–312].

Бабкинский образ жизни дан в формах эллиптического письма, проявляющихся в умолчании. Рассказывая, Киселевы умудряются ничего не сообщать — события опускаются, читатель вынужден довольствоваться их переживанием. Найти значимое сообщение в этом «вздоре» непросто.

Так складывается почти лирическая ситуация отложенного сообщения. Иногда после затянувшейся паузы, спеша поделиться впечатлениями с адресатом, мы обещаем подробный рассказ, а «сейчас» даем лишь их абрис. И более к ним не возвращаемся. Однако откладывается рассказ и когда автор письма лишен эпической потребности. Он не рассказывает вовсе, потому что рассказывать не способен — он *считает*, что рассказывает. Это, вероятно, некое свойство характера и форма протокольности, которая поглощает, втягивает даже и сообщения о намерениях, планах, то есть о будущем (рассказ «На святках», 1900). В письмах Киселевых мало информации, они еще и фатически непитательны, скучны своей эмоциональностью, а порой даже тягостны. Человек нерассказывающий есть некое продолжение обыденности, не замечающей течения, перекаатов жизни, и Чехов, кажется, неплохо изучил его тип, воссоздавая и в прозе, и в пьесах иллюзию смысла. Это есть и в массе других писем, конечно, но такой убедительности достигает редкая коллекция¹¹, а киселевский фонд достаточно репрезентативен.

¹⁰ Или письмо от 17 мая 1892 г., адресованное хозяину Мелихова: «Как завидую Вам, что доходы у Вас превышают расходы, а у меня наоборот, всегда недостача и почти постоянно в кармане ни копейки. Научите, как и чем увеличить доходы, теперь в особенности они нужны. Z Сегодня нанял я горничную 19-ти лет, вряд ли ей придется в этом звании, легко, может быть, увлекусь этим милым созданием и тогда не минует расход: наем квартиры, обстановка, месячный куш для прожития и проч. Тогда открывайте кредит из Ваших излишних доходов» [НИОР РГБ. Ф. 331, к. 47, е.х. 45г, Письма А.С. Киселева к А.П. Чехову. 1891–1892 (Бабкино, Москва, СПб., Калуга), лл. 21, 21 об.].

¹¹ Как бы ни был интересен для Чехова, скажем, Д.В. Григорович, 6 чеховских писем и 7 — Григоровича свидетельствуют об исчерпанности их взаимного тяготения, возникшей, кажется, преждевременно. Дружба с Киселевыми в этом отношении создала более длинную историю.

В связи с этим вспоминается еще одно свойство повествовательной манеры, обнаруживающей себя в отказе Чехова быть летописцем происходящего, что нередко истолковывается как художественное открытие, — лаконизм, бесфабульность, коммуникативное бессилие. На загадку чеховской интонации прижизненная критика и литературоведение ответили парадоксом, словно Чехов рассказывает, ничего при этом не сообщая. Правда, писатель и сам способствовал зарождению данного представления: «Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок. <...> любовные объяснения, измены жен и мужей, вдовьи, сиротские и всякие другие слезы давно уже описаны. Сюжет должен быть нов, а фабула может отсутствовать», — Ал. П. Чехову [П. III, 188]. Думается, стилевая специфика киселевского письма вносит в эту до сих пор не до конца понятую ситуацию новый мотив.

Отрицательная формула повествовательной модели Чехова на фоне киселевских переживаний дополняется смысловыми оттенками. Киселевское письмо создает образец регламентации и едва ли не бестактности: абстрактно-протокольные подробности безденежья и фигуры умолчания относительно свежих новостей усилены клоунадой и почти скабрезными подробностями.

Чехов в письмах почти всегда содержательно тактичен и не заставляет нас придумывать непонятно как возникающие переживания. Он комически рисует самые острые минуты и события; удел Киселевых — лишь редукция этой драматичности, да и сюжетности (вот где подлинная бессобытийность!). И убеждение, что они существуют в отчаянном положении («Голодная собака верует только в мясо <...> Так и я... могу только про деньги» [С. XIII, 229]), остается под подозрением как форма самооправдания: «Если Ваш кошель в хорошем состоянии и Вы можете уделить мне что-либо, то буду очень благодарен. Сейчас предстоит сделать расход не требующий отлагательства и сам должен ехать в Москву, а у меня даже на билет нет ни гроша. По возвращении могу Вам отдать эти деньги <...>» [б.д., вероятно, канун нового 1886 г. НИОР РГБ. 331, к. 47, е.х. 45в, л. 36].

Если же рассматривать иронию А.С. и М.В. от отчаяния, трудно решить, поймет ли читатель, когда положение действительно отчаянное, а когда герою письма кажется, что оно отчаянное. Знать разницу может только посвященный в более-менее интимные факты личной жизни. И Чехову, по всей видимости, это право Киселевы предоставили. Это даже по обращению с детьми видно, по тому, что Чеховым в 1888 году был доверен их сын Сережа, в разлуке с которым М.В. умирала от тоски и беспокойства. Медицина приближала Че-

хова к Киселевым, позволяя ему судить о многих вещах изнутри. Диагност Чехов умел судить о людях не только по их поступкам, но собирал картину из массы случайных штрихов. Сомневаться в этом нет нужды, но понимание органичности этого явления требует привлечения иных, чем один только анализ поэтики, методов. Один из них, кажется, кроется в обращении к эго-литературе (и это не совсем поэтика жанров письма, дневника и пр., так как ее интересы заслоняются вопросами контекста).

В пору бабкинской жизни изменилось качество чеховского юмора, изменился его стиль. Восхищаясь Бегичевым, храня «каплю жалости» к Б. Маркевичу [П. I, 100, 103], товарищески сблизившись с персоналом Чикинской лечебницы, накоротке знакомый со многими жителями уезда, но душевно привязанный к Бабкину, Чехов знал, какова цена киселевских печалей, вес их слова. И, стремясь в каком-то смысле к этому образу жизни, постепенно осознавал, в чем заключается риск такой оседлости и источник отчаяния. В его представлении быстро укреплялось ощущение инаковости всего, с чем он сталкивается. Возможно, это раскроется в полной мере, когда будут сопоставлены письма бабкинского круга и тематически близкие мемуарные свидетельства Марии и Михаила Чеховых, тяготеющие к мифотворчеству.

Киселевские письма заставляют увидеть много в обыденном материале жизни и переживания, позволяют размышлять о языке переживания. При соотнесении его с чеховским нас будет преследовать ощущение чужеродности. Инаковость бабкинского образа жизни требует внимания потому, что Чехов, несмотря на почти идеальное несовпадение с Киселевыми, к этому кругу тяготел и так и не порвал с ним вопреки тому, что жизнь уводила его все дальше и дальше. Все Чеховы почти сразу отпали от этого примечательного семейства, а он впоследствии не раз извлекал Киселевых из своей памяти, отправляя им книгу, поздравление, весточку о себе.

Поэтому хорошо бы не просто освоить письма всех персонажей этой истории разорения и продажи с молотка чудесного имения, но предусмотреть возможности для наджанрового подхода. Это продиктовано стремлением прочесть письма не в одном биографическом контексте, а на фоне бытовой прозы того времени. В первом случае, признавая очевидное — любовь Чехова к жанру письма, — мы проецируем этот материал на его творчество. Во втором открываем в этот период, начавшийся с бегства отца в Москву и закончившийся смертью брата Николая, стремление Чехова к оседлости. (Киселевские письма, кстати, сохраняют отзвук и мелиховской жизни.) И каркас этой модели определяют отчасти помещицы, бабкинские,

впечатления и воспоминания. Первым таким, исключительным в сословном отношении, стало знакомство с матерью Андрея Дросси, гимназического товарища Антона, в Таганроге. Ольга Михайловна Дросси (урожд. Калита) владела имением в Полтавской губернии [ЛН-68, 539]. Сумские (конца 1880-х) и алексинские (1891 г.) впечатления дополняют картину.

Чеховская сопричастность миру бабкинских обитателей создает не идеальный, но весомый баланс к историям его дружбы с Н.А. Леиным, А.С. Сувориным, В.А. Гольцевым и т. д., знакомит с семейством, одарившим писателя опытом невольной уединенности детства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вокруг Чехова / Сост., вступ. ст. и примеч. Е.М. Сахаровой. М., 1990.
2. Литературное наследство. Т. 68: Чехов. М., 1960.
3. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 3. М., 1958.
4. Письма А.С. Киселева к А.П. Чехову (1884–1892) // НИОР РГБ. Ф. 331 (А.П. Чехов), к. 47, е.х. 45а–45д.
5. Письма М.В. Киселевой к А.П. Чехову (1886–1900) // НИОР РГБ. Ф. 331 (А.П. Чехов), к. 47, е.х. 48, 48а–48б.
6. Соболев Ю.В. Антон Чехов — неизданные страницы. М., 1916.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1974–1982.
8. [ЧВС] — А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Вступ. статья А. Туркова; сост., подгот. текста и коммент. Н. Гитович. М., 1986.

REFERENCES

1. Vokrug Chekhova [Around Chekhov]. Moscow: *Izdatel'stvo Pravda*, 1990. 656 p. (In Russ.)
2. Literaturnoe nasledstvo. T. 68: Chekhov [Literary Heritage. Vol. 68: Chekhov]. Moscow: *Izdatel'stvo AN SSSR*, 1960. 974 p. (In Russ.)
3. Masanov I.F. Slovar' psevdonimov russkikh pisatelej, uchenyh i obshhestvennyh deyatelej: v 4 t. — V. 3 [Dictionary of writers', scholars' and public figures' pseudonyms in 4 volumes — Volume 3]. Moscow: *Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty*, 1958. 415 p. (In Russ.)
4. Pis'ma A.S. Kiseleva k A.P. Chekhovu (1884–1892) [Aleksij Kiselev's letters to Anton Chekhov (1884–1892)]. Department of Manuscripts, Russian State Library. F. 331 (A.P. Chekhov), k. 47, e.h. 45a–45d. (In Russ.)
5. Pis'ma M.V. Kiselevoj k A.P. Chekhovu (1886–1900) [Maria Kiseleva's letters of to Anton Chekhov (1886–1900)]. Department of Manuscripts, Russian State Library. F. 331 (A.P. Chekhov), k. 47, e.h. 48, 48a–48b. (In Russ.)
6. Sobolev Yu.V. Anton Chekhov — neizdannye stranicy [Anton Chekhov — unpublished pages]. Moscow: *Izdatel'stvo Severnye dni*, 1916. 152 p. (In Russ.)

7. *Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. Pis'ma: V 12 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes. Letters: in 12 volumes]. Moscow: *Izdatel'stvo Nauka*, 1974–1982. (In Russ.)
8. *A.P. Chekhov v vospominaniyah sovremennikov* [Anton Chekhov in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: *Izdatel'stvo «Hudozhestvennaya literatura»*. 735 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 12.04.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 12.04.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Ахметшин Руслан Борисович — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ahmad-jin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ruslan Akhmetshin — PhD, Associate Professor, Department of Russian Literature History, Lomonosov Moscow State University; ahmad-jin@mail.ru

РЕКА И ВОДОВОРОТ: «ПИСЬМО ЖЕНЫ РЕЧНОГО ТОРГОВЦА» Э. ПАУНДА

К.Р. Ибрагимова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; agitato72@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена стихотворению Э. Паунда «Письмо жены речного торговца», входящему в книгу переводов поэта с китайского языка «Катай». Согласно убеждениям Паунда, перевод не обязательно должен копировать оригинал, поэтому Паунд вносит в стихотворение Ли Бо, которое берет за основу, свои коррективы. Автор статьи сопоставляет стихотворение Ли Бо с его паундовской вариацией, обнаруживает в нем черты драматического монолога в духе Р. Браунинга. Включение новых смыслов в «Письмо жены речного торговца» реализуется и за счет того, что Паунд редуцирует некоторые ненужные ему или не понятые им образы. В статье рассматриваются теории знака Паунда — Феноллозы, в связи с этим стихотворение анализируется как имажистское (язык обретает вещественность, что подчеркивается обилием существительных) и как вортицистское (образы оказываются не фиксированными, но постоянно пульсирующими, движущимися по направлению друг к другу; из их взаимодействия и рождается поэтический импульс). Образ водоворота, неоднократно появляющийся в стихотворении Паунда, наводит на мысль, что поэт сознательно предлагает нам новое прочтение китайского сюжета о женщине, ожидающей своего мужа. «Письмо жены речного торговца» можно прочитать как «реку», т. е. рассматривая линейную последовательность действий, можно также рассмотреть его и как «водоворот», применяя «идеограмматический метод» и воспринимая каждую строфу текста как часть большого иероглифа, в который должно «собраться» стихотворение по прочтении. Последний вариант становится для Паунда еще одной ступенью к созданию нового поэтического языка.

Ключевые слова: Эзра Паунд; «Письмо жены речного торговца»; «Катай»; модернизм; поэзия эпохи Тан; Ли Бо; Эрнест Феноллоза; вортицизм; имажизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-12

Для цитирования: Ибрагимова К.Р. Река и водоворот: «Письмо жены речного торговца» Э. Паунда // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 152–161.

THE RIVER AND THE VORTEX: *THE RIVER MERCHANT'S WIFE: A LETTER* BY EZRA POUND

Karina Ibragimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; agitato72@mail.ru

Abstract: The article is dedicated to E. Pound's poem *The River Merchant Wife: a Letter*, which is included in the poet's book of Chinese translations *Cathay*. According to Pound's beliefs, the translation does not have to copy the original, so Pound makes his own adjustments to Li Po's poem, which he takes as a basis. The author of the article compares Li Po's poem with the Pound's variation, analyzes the features of a Browningesque dramatic monologue in the latter. The inclusion of new meanings in the *River Merchant Wife: a Letter* is also realized due to the fact that Pound reduces some images he does not need or does not understand. The article deals with the theories of sign by Pound — Fenollosa, the poem is analyzed as Imagist (the language acquires materiality, which is emphasized by the abundance of nouns) and as Vorticist (images are not fixed, but are constantly pulsating, moving towards each other; a poetic impulse is born with the help of their interaction). The image of the whirling eddy, which repeats in Pound's poem, suggests that the poet deliberately offers us a new reading of the Chinese story about a woman waiting for her husband. *The River Merchant Wife: a Letter* can be read as the 'river', i.e. considering a linear sequence of actions, one can also read it as a 'whirlpool', 'vortex', using the 'ideogrammic method' and perceiving each stanza of the text as part of a hieroglyph. The latter option becomes another step towards the creation of a new poetic language for Pound.

Keywords: Ezra Pound; *The River Merchant's Wife: a Letter*; *Cathay*; Modernism; Tang poetry; Li Po; Ernest Fenollosa; vorticism; imagism

For citation: Ibragimova K.R. (2023) The River and the Vortex: *The River Merchant's Wife: a Letter* by Ezra Pound. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 152–161.

«Письмо жены речного торговца» (*The River Merchant's Wife: a Letter*) входит в книгу стихотворений Эзры Паунда (Ezra Pound, 1885–1972) «Катай» (*Cathay*, 1915), являющую собой собрание переводов классической китайской поэзии. Несмотря на интерес Паунда к восточной культуре¹, китайским языком он не владел, поэтому все переводы, представленные в книге, были сделаны им по подстрочникам востоковеда Эрнеста Феноллозы (Ernest Fenollosa, 1853–1908), чьи рукописи были переданы Паунду вдовой последнего в 1913 году для их упорядочивания. Творческое наследие Феноллозы вдохновляет Паунда обратиться как к японскому театру Но,

¹ Еще до знакомства с рукописями Феноллозы Паунд слушает лекции Лоренса Биньона (Laurence Binyon, 1869–1943) и обсуждает с ним культуру Китая. См. [Terrell 1974: 91].

так и к китайской поэзии, преимущественно принадлежащей эпохе Тан (618–907), времени расцвета искусств в императорском Китае. Большая часть стихотворений «Катая» принадлежит кисти Ли Бо, к ним относится и «Письмо жены речного торговца».

Оригинальное стихотворение Ли Бо, которое в переводе А.И. Гитовича на русский язык называется «Чанганские мотивы» [Поэзия эпохи Тан 1987: 148], написано на тему народной песни о женской доле: его героиня, выданная замуж по воле родителей, постепенно проникается чувствами к своему мужу и тоскует, ожидая его возвращения из дальнего странствия. Сюжет этот характерен для танской поэзии: образы вглядывающейся вдаль женщины, стоящей на высокой башне, долгой дороги, ветра, служащего посредником между влюбленными, встречаются и в других сочинениях эпохи [Lavač 2015: 105]. Тоскующие женские голоса, таким образом, часто слышатся в ранней китайской лирике, но это лишь один из распространенных приемов, построенных на переворачивании ролей: поэт пишет любовное стихотворение, обращенное к женщине, однако меняет местами адресата и адресанта, создавая воображаемую ситуацию [Cooper 1973: 127]. Любопытно, что в некотором роде Паунд также невольно перенимает эту модель и оказывается в роли ожидающего: он работает над книгой «Катай» в годы Первой мировой войны и отправляет отдельные ее фрагменты на фронт своему другу скульптору Анри Годье-Бжеска (Henri Gaudier-Brzeska, 1891–1915), чьего возвращения он с нетерпением ждал, но не дождался [Schweik 1991: 100].

Паундовский вариант стихотворения Ли Бо сохраняет структуру оригинала, однако частично с ним расходится, чему есть свое объяснение помимо того очевидного факта, что в подстрочнике Феноллозы порой встречаются неточности. Воспринимая перевод не как машинальное копирование оригинального текста, буквальный перенос его с одного языка на другой, но как погружение в «бурлящую культурную среду вокруг себя» [Толмачёв 2013: 88], увлечение смыслами и созвучиями, которые должны быть нащупаны поэтом в тексте на чужом языке и затем пересотворены в своем, Паунд считает возможным допускать определенные переводческие вольности. Перевод оказывается неким средневековым *translatio* [Ибрагимова 2019: 328], «трансляцией», обнаружением «сигналов» духа в эфире бытия, попыткой современного человека вернуться к истокам через обращение к вечно живой традиции.

Перевод для Паунда — это всегда попытка говорить чужим голосом, точнее — опыт наложения чужого голоса на свой собственный. Поэтому, избирая тексты для перевода, Паунд в первую очередь

обращается к монологам, позволяющим уловить героя в «момент песнопения, самоанализа или внезапного осознания или откровения» [Round 1951: 36]. Использование образов-масок (*personae*) для него оказывается, по его собственному выражению, неким аналогом «драматической лирики» [Ibid.]. «Письмо жены речного торговца» также представляет собой подобие «драматического монолога» в духе Браунинга, и эта традиция несколько влияет на ракурс, с которого Паунд раскрывает ситуацию, представленную в стихотворении. Во-первых, Паунд придумывает профессию мужу героини, которая не упоминалась в оригинале и тем самым объясняет разлуку героев. Во-вторых, в стихотворении появляется загадочность, которой не было у Ли Бо: так, особое внимание вызывают строки «Если ты будешь спускаться по порогам реки Кианг (Янцзы), дай мне знать заранее» (“If you are coming down through the narrows of the river Kiang, / Please let me know beforehand” (26–27))², которая в оригинале выглядит как «Рано или поздно ты будешь спускаться по Санба, напиши письмо об этом домой заранее». Вероятность благополучного возвращения мужа героини домой в паундовском варианте стихотворения, таким образом, снижается, а также частично устраняется вещественный аспект коммуникации между героями, поскольку Паунд упоминает письмо лишь в заглавии, где его адресантом оказывается жена, а не муж. В этом свете «Письмо жены речного торговца» можно прочесть как повествование о неизвестности и даже о смерти, ведь читатель не может быть уверенным не только в том, что муж героини вернется, но что он вообще жив.

Помимо этого, вероятно, невольного включения новых смыслов в изначальный текст Паунд трансформирует его, отбрасывая некоторые непонятые им или ненужные ему, по его мнению, строки (к примеру, во фрагмент, повествующий о пробуждающейся любви пятнадцатилетней героини к мужу, не вошла строка, отсылающая к истории о верном влюбленном Бэй Шэне, который назначил свидание своей возлюбленной у моста и не сходил с условленного места, даже когда вода в реке начала прибывать, из-за чего и погиб, захлебнувшись в ее волнах [Yu 1998: 188]), при этом сохраняет многие важные для китайской поэзии топосы. Среди них — уже упомянутое ожидание на высокой башне (“Why should I climb the look out?” (14)), тоскливый крик обезьян (“The monkeys make sorrowful noise overhead” (18)), полет пары бабочек-влюбленных (“The paired

² Здесь и далее стихотворение Эзры Паунда *The River Merchant's Wife: a Letter* цит. по *Pound E. Early Writings: Poems and Prose / Ed. with an Introduction and Notes by Ira B. Nadel. Toronto: Penguin Books, 2005. P. 63–64.* В скобках курсивом указываются номера строк, подстрочный перевод наш.

butterflies are already yellow with August” (23)). Впрочем, и это оказывается не самым важным для Паунда: так как Восток для него, по выражению М.Ю. Ошукова, остается неким «сложным конструктом с элементами фикционализации и идеализации» [Ошуков 2019: 342], в китайской поэзии он в первую очередь ищет подтверждения своим собственным художественным исканиям и открытиям.

Китайская поэзия привлекает Паунда как наглядное отображение имажистского метода. Среди трудов Феноллозы он находит работу о китайской идеограмме (*The Chinese Written Character as a Medium for Poetry* — «Китайский иероглиф как средство поэзии»), которая вдохновляет его на дальнейшие поиски в этой сфере. Согласно Феноллозе, благодаря тому, что знак и его значение совпадают в иероглифе, происходит органическое отсечение побочных, ненужных смыслов и приведение высказывания к конкретности, язык обретает почти физическое воплощение [Fenollosa 2008: 43]. Объект сам по себе оказывается символом, дает возможность прямо обращаться к нему. «Письмо жены речного торговца» в полной мере отражает это свойство языка: слог Паунда здесь лишен декоративности, каждая строка содержит конкретный образ, через который транслируются чувства и эмоции героини. Так, нам прямо не говорится, что первая строфа посвящена ее детству, но мы восстанавливаем это благодаря деталям: закрывающие брови волосы, детские игры с цветами и бамбуковой палкой, поедание слив. Страх героини перед супружеской жизнью передается образом склоненной головы (“Lowering my head, I looked at the wall” (9)), и, напротив, зарождение любви в ее сердце соответствует «расправленным бровям» (“At fifteen I stopped scowling” (11)). Даже желание умереть лишь вместе со своим супругом в устах героини отливается в форму существительного: она желает смешать свой прах с прахом мужа (“I desired my dust to be mingled with yours” (12)). Итак, стих Паунда становится осязаемым благодаря присутствию в нем вещей, однако вещь никогда не существует сама по себе: она всегда сплетается с переживанием.

Впрочем, в «Письме жены речного торговца» реализуется еще одна художественная теория Паунда, в сущности, являющаяся несколько эволюционировавшей формой имажизма, но называемая иначе, — это вортицизм, название которого восходит к слову *vortex* — «вихрь», «водоворот». Суть его заключается в том, что образы (*images*) оказываются не фиксированными, но постоянно пульсирующими, движущимися по направлению друг к другу; из их взаимодействия и рождается поэтический импульс. Идеограмматический метод, как его называют Феноллоза и Паунд, в этом отношении оказывается незаменимым: несмотря на то, что иероглиф

имеет конкретное значение и своими очертаниями напоминает его (особенно на ранних стадиях развития китайской письменности), все же он является скорее, по словам А.А. Гениса, «следом вещи» [Генис 1999: 225], а не пиктограммой: желая сказать «тигр», мы рисуем не тигра, но некий знак, который устремляет наши мысли к образу тигра, не будучи его точным изображением. Таким образом, иероглиф оказывается пучком схождения лучей разнонаправленных энергий: центробежной и центростремительной, где форма и содержание одновременно притягиваются и отталкиваются. Несколько наивно рассуждая о «ногах» иероглифов, которые стремятся друг к другу [Fenollosa 2008: 80], Феноллоза, тем не менее, подтверждает идею о движении, которое органически заложено внутри самого понятия иероглифа. Слово внутри идеограммы «перестает быть семантической, сигнифицирующей единицей, оно — часть и участник некоего двигательного процесса, осуществляемого во времени» [Чухрукидзе 1999: 44]. Сам Паунд в «Азбуке чтения» (*ABC of Reading*, 1934) объясняет принцип работы вортекса на следующем примере: он называет четыре вещи — роза, ржавчина, вишня и фламинго, — объединенные одним признаком: все они тяготеют к красному цвету, и их перечисление толкуется как идеограмма понятия «красный» [Round 1934: 22]. При этом если взять эти объекты по отдельности, независимо от других, идеограмма не будет складываться, поскольку в указанных предметах нет собственно красного цвета, есть лишь намек на движение в его сторону, который пробуждается при включении этих объектов в формулу с участием других таких же. Вортекс оказывается некой машиной, работающей только с множественным числом конкретных объектов, которая «запускается» благодаря наличию неполных соответствий между ними, тяготеющих к обретению невозможного полного совпадения и поэтому обеспечивающих вечное движение (Паунд изобретает вечный поэтический двигатель!) и бесконечное порождение поэтических смыслов.

И здесь мы подходим к важному изменению, которое Паунд, думаясь, не случайно вносит в оригинальный текст. Речь идет о строке «Ты отправился к Ку-то-ен по реке с кружащимися водоворотами» (“You went into far Ku-to-yen, by the river of swirling eddies” (16)). Паунд нисколько не грешит против смысла: у Ли Бо сказано буквально «[ты уехал] через ущелье Кутан и бурлящие пороги у скал Ю», что в переводе А. Гитовича передано как «Далеко, туда, где в ущелье Цюйтан / Кипит между скал поток». Образ бурной реки, как мы видим, присутствует и в оригинале, однако подлинно паундовским дополнением оказывается, конечно, важный для него

образ водоворота³, который и становится ключом к анализу этого стихотворения. Два водных образа шестнадцатой строки — река и водоворот — в паундовском изводе могут быть противопоставлены друг другу, воплощая два способа прочтения «Письма жены речного торговца», где река будет соответствовать линейной последовательности действий, а водоворот — попытке применения идеограмматического метода.

Прочитывая стихотворение как «реку», мы обращаемся к одной из излюбленных тем Паунда — теме морского путешествия. Своеобразной Одиссеей оказываются как его ранние произведения: «Морестранник» (*The Seafarer*, 1911), «Хью Селвин Моберли» (*Hugh Selwyn Mauberley*, 1920), — так и поэма «Песни» (*The Cantos of Ezra Pound*, 1917–1966). Верная жена речного торговца, таким образом, оказывается китайской Пенелопой, ожидающей своего мужа. Однако на этом соположении европейской и восточной традиции Паунд не останавливается: образ реки, неуклонно стремящей свои воды вперед, важен нам и в форме реки жизненного пути, реки времени, где один этап сменяет другой. Изменение чувств героини от равнодушия к любви и страстной тоске по мужу становится движением, происходящим на фоне ее взросления: не случайно почти в каждом фрагменте упоминается ее возраст.

Мы уже упоминали о том, что Паунд полностью перенимает структуру стихотворения, которая была у Ли Бо, поэтому подобное «речное течение» сюжета не следует считать его заслугой. Однако линейность повествования не является неотъемлемой частью китайской поэзии: дело в том, что в китайском языке категории времени и числа могут трактоваться по-разному в зависимости от того, в каком соотношении с другими иероглифами находится тот или иной иероглиф [Хіе 1993: 274], и поэтому определенная логическая последовательность действий не навязывается читателю, но восстанавливается им после прочтения всего стихотворения. Паунд, таким образом, совершает это усилие, закрепляя логику повествования, однако его целью было, несомненно, не «европеизировать» стихотворение Ли Бо, но сохранить ощущение того самого вортексного тяготения и отталкивания слова и смысла, органичное в восточной поэзии благодаря грамматике языка и трудное для воссоздания по-английски.

Однако если мы, проплыв реку сюжета стихотворения, обратимся к нему вновь во всей его целокупности, мы сможем увидеть, как

³ Это не единственное использование образа водоворота в «Катае»: к примеру, в «Стихотворении у моста в Тяньцзине» (*Poem by the Bridge at Ten-Shin*) возникает строка «И в крутящихся в обратную сторону водоворотах» (“And on the backswirling eddies”).

закручивается водоворот поэтического усилия. Паунд не случайно членит свой текст на строфы, описывая каждый этап развития чувства героини: каждый фрагмент можно воспринимать как своеобразную составную часть иероглифа. Так, строки 1–6 мы можем условно обозначить как «детские игры», строки 7–10 — «страх» или «стеснение», строки 11–12 — «страсть», строки 15–28 — «преданность», «ожидание». Соединяя их вместе, мы получаем подобие идеограммы, значение которой мы могли бы определить как «любовь». Но подлинная суть прочтения стихотворения этим методом коренится вовсе не в том, чтобы свести его к одному слову, дать устойчивое определение, расшифровать смысл всего сказанного и остановиться на этом, но в том, чтобы бесконечно перемещаться между значениями и оттенками, так завораживающе похожими и непохожими друг на друга, черпая вдохновение в их взаимодействии. Перед нами предстают различные формы и образы, в которых человеку является чувство, но подлинный лик понятия «любовь» увидеть невозможно: человек обречен вглядываться в тени, отбрасываемые им, тщась отыскать полноту бытия путем собирания как можно большего числа его подобий. Паунд стремится «написать Рай»⁴, припасть к «персиковому источнику» [Половинкина 2020: 31] китайской поэзии, переоткрывая идеальный язык, в котором уравнивается различная оптика, включающая в себя как вглядывание в вихрь быстро мчащихся частиц-монад, так и прозрение складывающегося из них единого образа, немонолитного монолита. Однако мечта о возвращении к гармонии конфуцианского космоса [Малаян 1982: 261] оказывается утопией: несовершенство языка не приводит к овеществлению главного «иероглифа» стихотворения, остающегося лишь отблеском на именах вещей, из которых составлена его мерцающая субстанция.

Итак, в 1915 году Паунд верит в то, что демиургическая, восстанавливающая связи между различными объектами речь возможна и заключается в поэтическом слове. Его поэтический метод являет собой поиск как можно большего количества заряженных схожей энергией форм в виде конкретных объектов и извлечения из них «электричества» поэтического импульса. Это дает возможность осуществлять подлинное творение, однако стоит ослабнуть могучей силе вортекса, как при ближайшем рассмотрении оно рассыпается на составные части, будучи несравнимым с Творением. Паунд и сам сознает, что это так, поэтому и стремится к все большей конкретности поэтического слова, словно надеясь, что, слепленное из одного куска глины, а не составленное из многих фрагментов, оно не

⁴ “I have tried to write Paradise”, Canto CXVII.

покроется трещинами. Входя в реку (или же водоворот?) традиции, он окликает вещи по именам, словно давая им новые названия, подобно Адаму в Эдемском саду, пытаясь таким образом вспомнить их подлинные имена на довавилонском языке, и желает, чтобы благодаря этому ему удалось удержаться на плаву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генис А.А. Без языка. Эзра Паунд // Иностранная литература. 1999. № 9. С. 220–240.
2. Ибрагимова К.Р. Перевод как интерпретация: Эзра Паунд и древнеанглийская поэзия // Литература двух Америк. 2019. № 7. С. 322–338.
3. Малявин В.В. Китайские импровизации Паунда // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 1. М., 1982. С. 270–277.
4. Ошуков М.Ю. Драматические опыты Паунда: вортицистский театр Но // Литература двух Америк. 2019. № 7. С. 339–359.
5. Половинкина О.И. Китайские переводы Эзры Паунда и утопия «персикового источника» // Шаги/Steps. 2020. Т. 6. № 3. С. 28–49.
6. Поэзия эпохи Тан. VII–X вв. Пер. с кит. М., 1987.
7. Толмачёв В.М. Эзра Паунд // История литературы США. Т. 6. Кн. 2. М., 2013. С. 78–126.
8. Чухрукидзе К.К. Pound & E. M., 1999. С. 44.
9. Cooper A. Li Po and Tu Fu. L., 1973.
10. Fenollosa E., Pound E. The Chinese Written Character as a Medium for Poetry: A Critical Edition / Ed. by H. Saussy, J. Stalling, L. Klein. New York, 2008.
11. Lavrač M. On Parting, Separation and Longing in the Chinese Poetic Tradition // Interlitteraria. 2015. № 20. P. 105–122.
12. Pound E. ABC of Reading. New Haven, 1934.
13. Pound E. Early Writings: Poems and Prose / Ed. with an Introduction and Notes by Ira B. Nadel. Toronto, 2005.
14. Pound E. The Letters of Ezra Pound, 1907–1941 / Ed. by D. D. Paige. L., 1951.
15. Schweik S. A Gulf So Deeply Cut: American Women Poets and the Second World War. Madison, 1991.
16. Terrell C. The Na-Khi Documents I // Paideuma. 1974. Vol. 3. № 1. P. 91–122.
17. Xie M. Elegy and Personae in Ezra Pound's Cathay // ELH. 1993. Vol. 60. № 1. P. 261–281.
18. Yu Zh. Ezra Pound's 'The River Merchant's Wife: a Letter': on Mistranslation of the Two Allusions // Paideuma. 1998. Vol. 27. № 2/3. P. 185–194.

REFERENCES

1. Genis A.A. Bez jazyka. Ezra Pound [Without language. Ezra Pound]. *Inostrannaja literatura*. № 9. 1999, pp. 220–240. (In Russ.)
2. Ibragimova K.R. Perevod kak interpretacija: Ezra Pound i drevneanglijskaja poezija [Translation as interpretation: Ezra Pound and Old English poetry]. *Literatura dvuh Amerik*. № 7. 2019, pp. 322–338. (In Russ.)
3. Maljavin V.V. Kitajskie improvizacii Paunda [Pound's Chinese improvisations]. *Vostok — Zapad: Issledovanija. Perevody. Publikacii*. № 1. M.: Nauka, 1982, pp. 270–277. (In Russ.)

4. Oshukov M.Ju. Dramaticheskie opyty Paunda: vorticistskij teatr No [Pound's dramatic experiences: the Vorticist Noh theatre]. *Literatura dvuh Amerik*. № 7. 2019, pp. 339–359. (In Russ.)
5. Polovinkina O.I. Kitajskie perevody Ezry Paunda i utopija «persikovogo istochnika» [Ezra Pound's Chinese translations and the utopia of "Peach-blossom-fountain"]. *Shagi/Steps*. Vol. 6. № 3. 2020, pp. 28–49. (In Russ.)
6. *Pohezija jepohi Tan. VII–X vv. [Tang poetry. VII-X centuries]*. Translation from Chinese. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1987. 479 p. (In Russ.)
7. Tolmatchoff V.M. Ezra Paund [Ezra Pound]. *Istorija literatury SShA [The history of the USA literature]*. Vol. 6. Book 2. M.: IMLI RAN, 2013, pp. 78–126. (In Russ.)
8. Chukhrukidze K.K. Pound & E. M.: Logos, 1999. 176 p. (In Russ.)
9. Cooper A. *Li Po and Tu Fu*. L.: Penguin, 1973. 256 p.
10. Fenollosa E., Pound E. *The Chinese Written Character as a Medium for Poetry: A Critical Edition* / Ed. by H. Saussy, J. Stalling, L. Klein. New York: Fordham University Press, 2008. 240 p.
11. Lavrač M. On Parting, Separation and Longing in the Chinese Poetic Tradition *Interlitteraria*. № 20, 2015, pp. 105–122.
12. Pound E. *ABC of Reading*. New Haven: Yale University Press, 1934, 205 p.
13. Pound E. *Early Writings: Poems and Prose* / Ed. with an Introduction and Notes by Ira B. Nadel. Toronto: Penguin Books, 2005. 408 p.
14. Pound E. *The Letters of Ezra Pound, 1907–1941* / Ed. by D. D. Paige. L. Faber and Faber, 1951. 464 p.
15. Schweik S. *A Gulf So Deeply Cut: American Women Poets and the Second World War*. Madison: University of Wisconsin Press, 1991. 392 p.
16. Terrell C. The Na-Khi Documents I. *Paideuma*. Vol. 3. № 1. 1974, pp. 91–122.
17. Xie M. Elegy and Personae in Ezra Pound's Cathay. *ELH*. Vol. 60. № 1. 1993, pp. 261–281.
18. Yu Zh. Ezra Pound's 'The River Merchant's Wife: a Letter': on Mistranslation of the Two Allusions. *Paideuma*. Vol. 27. № 2/3. 1998, pp. 185–194.

Поступила в редакцию 31.05.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 31.05.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Ибрагимова Карина Рашитовна — канд. филол. наук, преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; agitato72@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Karina Ibragimova — PhD, Assistant Professor, Department of History of Foreign Literatures, Lomonosov Moscow State University; agitato72@mail.ru

ПЕРЕСТРОЙКА ГЕНДЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ В РОМАНЕ Е.Н. ЧИРИКОВА «МОЙ РОМАН»

А.В. Назарова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; raznastas@gmail.com*

Аннотация: Объектом рассмотрения стал написанный в эмиграции роман Е.Н. Чирикова (1864–1932) «Мой роман» (Париж, 1929), посвященный так называемой «трагедии беженства». Однако оттолкнувшись от размышлений о судьбе миллионов изгнанников, вынужденных покинуть Россию в результате Гражданской войны и красного террора, писатель сосредоточился на изображении участи женщины в условиях утраты дома, семьи и прежнего социального статуса. Обращение Чирикова к «женскому вопросу» обусловило применение гендерного подхода при анализе текста произведения, который, в свою очередь, позволил продемонстрировать уникальное место «Моего романа» в литературе русского зарубежья. Последняя фактически проигнорировала проблему изменения статуса женщины в семейном кругу и за его пределами, спровоцированную самим ходом истории первой четверти XX столетия, и сосредоточилась исключительно на сохранении для потомков памяти о дореволюционной России и т. п. Чириков же в «Моем романе» наглядно зафиксировал ломку традиционных женско-мужских гендерных «амплуа», вскрыв их зависимость от общественно-политических процессов. Тем самым он обнаружил искусственность и условность многих привычных для современников норм женского и мужского поведения и по-своему подытожил прения о статусе женщины в семейном кругу и за его пределами, которые звучали в русском обществе на протяжении почти столетия. В то же время в «Моем романе» Чириков продемонстрировал, что по сравнению с женщиной мужчина болезненнее переносит утрату традиционных гендерных функций, обнаруживая большую духовную слабость и нравственную уязвимость.

Ключевые слова: литература русского зарубежья; трагедия беженства; гендерная проблематика; «новая женщина»; эмансипация; материнство; театризация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-13

Финансирование: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>.

Для цитирования: Назарова А.В. Перестройка гендерных моделей в романе Е.Н. Чирикова «Мой роман» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 162–172.

THE RESTRUCTURING OF GENDER MODELS IN THE NOVEL BY E.N. CHIRIKOV *MY ROMANCE*

A. V. Nazarova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; raznastas@gmail.com

Abstract: The novel *My Romance* (Paris, 1929) written in exile by E.N. Chirikov (1864–1932) and dedicated to the so-called ‘tragedy of refugee’ has become the object of consideration in this article. In this novel, the writer started from thinking about the fate of millions of exiles who were forced to leave Russia as a result of the Civil War and the Red Terror, and focused on depicting the fate of a woman in conditions of loss of home, family and former social status. Chirikov’s appeal to the ‘women’s issue’ led to the use of a gender approach in the analysis of the text of the work, which in turn allowed to demonstrate the unique place of *My Romance* in the literature of the Russian emigration. The latter actually ignored the problem of changing of women’s status in the family circle and beyond provoked by the very course of history in the first quarter of the 20th century, and focused exclusively on preserving for posterity the memory of pre-revolutionary Russia, etc. Chirikov in *My Romance* clearly recorded the breaking of traditional female-male gender ‘roles’, revealing their dependence on socio-political processes. Thus, he discovered the artificiality and conventionality of many norms of female and male behavior familiar to contemporaries and summed up the debate about the status of women in the family circle and beyond which had been heard in Russian society for almost a century. At the same time, Chirikov demonstrated in *My Romance* that a man compared to a woman is more painfully enduring the loss of traditional gender functions, revealing greater spiritual weakness and moral vulnerability.

Keywords: Russian émigré literature; the tragedy of refugee; gender issues; ‘new woman’; emancipation; motherhood; theatrics

Funding: The research was carried out at the IMLI RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>.

For citation: Nazarova A.V. (2023) The Restructuring of Gender Models in the Novel by E.N. Chirikov *My Romance*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 162–172.

Процесс женской эмансипации от традиционных социальных норм и ограничений начался в России уже в эпоху правления Петра I, но активное обсуждение «женского вопроса» в русском обществе развернулось со второй половины XIX века. Катализатором общественных дискуссий послужили значительные политические и со-

циально-экономические перемены, которые последовали за отменой крепостного права и ускорили «вхождение женщин в мир, ранее считавшийся “мужским”» [Воронина 2022: 104]. С этого времени в общественном сознании стало все глубже укореняться представление о существовании альтернативных женских ролей помимо роли «замкнутой в домашнем пространстве матери семейства» [Воронина 2022: 104]. Новые стратегии самореализации подразумевали освобождение женщины от «вовлеченности в быт» во имя «самостоятельности мышления и поступка» [Вознесенская 2012: 154], находя «выражение в самых разнообразных формах», будь то «женское образование, трудовые товарищества, участие в радикальных кружках, новый “любовный быт”» [Гончарова 2012: 45] и т. п. Все они отрицали жесткую половозрастную иерархию «от мужчин к женщинам, от старших к младшим», которая лежала в основе традиционной патриархальной семьи (и по аналогии с ней общественного устройства) и держалась на «на безусловном авторитете стариков в принятии решений, добровольном соблюдении принятых правил» [Хлопонина 2019: 73]. Безусловная родительская и родовая власть обеспечивала членам клана определенные социальные гарантии, но их обратной стороной оказывалось пренебрежение интересами личности во имя коллективного благополучия. Выражение самостоятельности в семейной общине расценивалось как проявление гордыни и самонадеянности, то есть грех, поскольку в христианской традиции патриарх-хозяин несет ответственность за домоладцев перед Богом и должен будет один за всех «ответ дати» в день Страшного суда» [Мартыненко 2015: 236]. В таких обстоятельствах женщина по сравнению с мужчиной представала как его часть, на которой лежит обязанность поддерживать «нравственное благополучие дома» [Мартыненко 2015: 232, 236].

Распад в пореформенный период прежних патриархально-словных структур повлек за собой постепенный пересмотр статуса женщины в семье и социуме, что стало одной из значимых тем в отечественной литературе и привело к появлению ряда принципиально новых типов. Среди них можно назвать «новую женщину», «женщину-нигилистку», «женщину “на перепутье”», женщину, которая после разрыва семейных уз пытается найти себя «в пространстве вне дома» [Лукияничкова 2012: 181]. При этом во многих, прежде всего полемических, романах «мысль семейная» предстает искаженной, и героини без сожаления покидают отчий дом, спасаясь от родительского деспотизма, который свидетельствует об отсутствии душевной связи между самыми близкими людьми. Будучи разочарованными в житейском укладе родительской семьи, представительницы нового типа решительно отказываются от роли жены

и матери. Они часто остаются незамужними, бросают супругов либо вступают в фиктивный брак, чтобы сохранить независимость. В целом мужчина не интересуется «новой женщиной» как объект романтических притязаний, а в своем развитии она нередко его опережает, оказываясь «более сильной личностью» [Лукьянчикова 2012: 183]. Материнская сущность таких героинь не проявляется вовсе, поскольку любовь к детям и забота о них требуют от женщины полной самоотдачи, не оставляя в представлении «нигилистки» возможности для полноценной самореализации в сфере какой-либо профессиональной или научной деятельности. Поэтому в обывательском сознании независимая жизнь «новой женщины» часто ассоциировалась с борьбой за существование, бесприютностью и одиночеством, а представления о возможности новой жизни для женщины оценивались как иллюзия, попытка воплотить которую в реальность приведет «нигилистку» к неизбежному разочарованию и краху. Однако с конца XIX столетия женщины все больше отступали от заданной обществом традиционной программы, хотя не могли полностью отказаться от навязываемого им социумом «императива брак — хозяйство — дети» [Вознесенская 2012: 156].

Попытку кардинально изменить женскую жизненную парадигму предприняли большевики, чьи эксперименты в области семейно-брачных отношений в первое послереволюционное десятилетие были направлены на «рассеивание» женщин и их мобилизацию «на службу советского строительства» [Пушкарева 2012: 13]. На деле эти преобразования обернулись втягиванием женщин в сферу тяжелого производства, несмотря на то, что быт по-прежнему оставался на их плечах: «никто не пытался “приучать” мужа к готовке пищи» [Пушкарева 2012: 16]. Таким образом в советском государстве на женщин легла двойная нагрузка, хотя на официальном уровне, начиная с 1930-х, декларировалось, что «женский вопрос в Советском Союзе был “решен”» [Пушкарева 2012: 14].

Отчасти схожие процессы шли и в эмиграции, где женщины также были вынуждены осваивать новые социальные роли. Однако массово включиться в трудовую деятельность беженки толкали не политические лозунги и всеобщая трудовая повинность, а тяжелое материальное положение и необходимость помогать мужьям содержать семью, а порой и полностью брать на себя ответственность за нее. Но в отличие от СССР «женский вопрос» не поднимался ни в общественно-политических дебатах, ни в литературе русского зарубежья, так как заработки и мужчин, и женщин были невелики, ведь эмигрантам обоих полов часто приходилось соглашаться на низкоквалифицированный и малооплачиваемый труд. Кроме того, внимание русской диаспоры было практически полностью

сосредоточено исключительно на проблемах сохранения культурного наследия дореволюционной России для потомков, попытках запечатлеть трагедию Гражданской войны и изгнанничества, нащупать в российской истории узловые события, трагическим образом определившие судьбы миллионов соотечественников, и т. п. Обращенность в прошлое не позволяла эмигрантам осмыслить перераспределение обязанностей мужчины и женщины в семье и социуме в настоящем, ведь они в буквальном смысле не желали «вживаться в новую действительность» [Кулешова 2018: 29].

Исключением, как представляется, можно назвать писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932), в чьем творчестве периода эмиграции хоть и косвенно, но все же получил отражение названный процесс. Например, в его вышедшей в Париже книге «Мой роман» (1928) смена действующими лицами привычных гендерных «амплуа» имеет немаловажное значение в развитии фабулы. Писатель рисует судьбу двух беженцев — Ивана Петровича и Вероники, — которые едва знакомы, но ради возможности попасть на эвакуационный пароход, чтобы спастись от красного террора, вынуждены выдавать себя за супругов. Сначала Иван Петрович выступает в привычной мужской роли защитника и спасителя женщины, не раз уберегая Веронику от гибели. Сперва он отговаривает ее от самоубийства, затем совершает подлог, выдав за жену, чтобы обеспечить ей место на пароходе. В пути он ухаживает за женщиной во время ее болезни, а позднее вынужден даже принять у нее роды и взять на себя заботу не только о героине, но и о ее новорожденной дочери.

Ситуация осложняется тем, что Иван Петрович буквально с первой встречи полюбил Веронику, но та не верит в его желание бескорыстно ей помочь, поскольку выясняется, что героиня подверглась насилию со стороны комиссара, от которого и родила ребенка, и теперь в каждом мужчине видит «зверя». Герой всеми силами стремится заслужить доверие Вероники и, чтобы доказать чистоту своих намерений, отдает женщине револьвер, который гарантирует ее «неприкосновенность» [Чириков 1929: 14] (далее роман цитируется по этому изданию). Такой шаг позволяет Ивану Петровичу стать другом Вероники, и хотя это не та роль, на которую тот рассчитывал в глубине души, персонаж Чирикова весьма дорожит ею. Тем не менее ход романного действия и его развязка демонстрируют, что в новых жизненных реалиях привычные мужские роли искажаются и разрушаются, от чего страдают и женщины, и сами мужчины.

Выбрав служение своей «прекрасной даме», Иван Петрович попадает в ловушку: он не может признаться Веронике в чувствах, поскольку боится, что правда оттолкнет от него героиню и это по-

влечет за собой неминуемое расставание не только с ней, но и с девочкой, к которой он привязался как к родной дочери. Несмотря на такое самоотречение, герой в итоге все равно вынужден отказаться от возлюбленной, уступив ее «законному» жениху Вероники — офицеру Владимиру Раевскому, который считался погибшим, но чудом сумел спастись и разыскать невесту за границей. И этот, на первый взгляд, великодушный и благородный шаг Ивана Петровича в действительности приводит к трагической развязке. Осознав, что уже давно любит не жениха, а «фиктивного» мужа, Вероника приходит к убеждению, что не нужна Ивану Петровичу, и в отчаянии бросается в море. Сам же герой своим поведением как будто подтверждает ее печальный вывод: получив последнее письмо женщины, он лишь «бранит себя» (192) за слепоту и бездействие. Однако причина столь непонятной, на первый взгляд, пассивности Ивана Петровича кроется в бессознательном страхе потерпеть поражение в столкновении с более сильным соперником и тем самым утратить уважение возлюбленной, тем более что Владимир уже избил однажды Ивана Петровича, приняв за насильника невесты. Таким образом подлинным препятствием на пути главного героя «Моего романа» к счастью становится его уязвленная гордыня и желание во что бы то ни стало сохранить мужественный образ в глазах окружающих, хотя его представления о подлинных атрибутах маскулинности, как показывает писатель, во многом поверхностны и иллюзорны. То же желание движет и Владимиром, который, как может показаться вначале, стремится защитить поруганную честь невесты, но на деле всего лишь жаждет отомстить за нанесенное его самолюбию оскорбление и потому, не выяснив истинного положения вещей, без предупреждения набрасывается с кулаками на беззащитного человека. В результате сосредоточенность обоих мужчин на себе и своих переживаниях делают их глухими к страданиям Вероники, провоцируя в душе каждого из них недоверие к любимой женщине, а в какой-то момент и презрение к ней.

Так, Иван Петрович однажды признается, что его возвышенное чувство к Веронике «почему-то» оскорбляет тот факт, что героиня ждет ребенка, ведь это значит, что «не так она свята, как кажется», раз у нее уже был «романчик» (47). А со стороны Владимира полностью исчезла «щепетильность в отношении к Веронике»: даже в присутствии Ивана Петровича он не стесняется «поймать ее при встрече в коридоре и потискать, как делают в господских домах гости с горничными, рассказывает при ней нескромные анекдоты» (179). Смущение Вероники вызывает у него лишь недоумение и недовольство, и в конце концов он, по сути, совершает над ней насилие. Так Чириков намекает, что все мужчины оказываются подвержены

трафаретным представлениям о женской чистоте и не способны учесть те коррективы, которые внесли в жизнь людей революционная катастрофа и трагедия беженства.

Ивану Петровичу все же удается встать выше предрассудков: узнав тайну Вероники, он проклиная себя за грязные мысли и преклоняется перед страданием, через которое она прошла, что, в свою очередь, избавляет его любовь к героине от греховности. Тем не менее «под внешней личиной дружбы» с Владимиром он все равно продолжает соперничать с ним за Веронику, заставляя ее мучиться «от невыносимого положения между двумя огнями» (170). Таким образом Чириков недвусмысленно дает понять, что женщина буквально обречена быть жертвой мужского эгоизма. Именно он заставляет представителей сильного пола конкурировать друг с другом за женщину, видя в ней всего лишь объект, собственность и игнорируя ее волю и чувства. Тем самым художник поставил под сомнение укорененную в людском сознании с давних пор культурную модель, согласно которой мужское начало несет в себе высшие ценности («разумное и духовное»), а женская природа оценивается как «низменная и греховная» [см.: Демидова, Потехина 2022: 20]. На это обратил внимание и один из рецензентов «Моего романа», отметив, что в своей книге Чириков «отдает решительное предпочтение женщине», считая «женское начало выражающим душу, а мужское — плоть» [Маковский 1926: 2]. И предпринятая однажды самим Иваном Петровичем дерзкая попытка сблизиться с Вероникой заставляет его позднее со стыдом и горечью признать: для мужчины немисливо «любить женщину и не владеть ее телом» (106). Устами своего персонажа писатель обнажает истинную природу мужской галантности и «рыцарства» по отношению к женщине, в основе которых лежат всего лишь притворство и игра с целью обладания ею: «мы, мужчины, в своей любви <...> всегда актеры, всегда на ходулях» (106). Героинь, напротив, Чириков в «Моем романе» и других произведениях периода эмиграции неоднократно сопоставляет со скорбящей Богоматерью, подчеркивая тем самым сакральный смысл женского начала. Чириков был убежден в особой роли женщины в истории, видя в ее способности к материнству и жертвенной любви источник жизни и победы над смертью.

Отметим, что весь текст «Моего романа» пронизывает мотив игры, актерства. Не только Иван Петрович и Вероника, но и второстепенные персонажи также ведут свои сольные «партии». Владимир оставляет военную стезю и становится артистом оперетты, превращая окружающих в «статистов, которые должны ему подыгрывать» (178). А влюбленная в Ивана Петровича официантка Верочка разыгрывает из себя принцессу, которую тот, словно принц, должен

украсть. Когда же герой обманывает ее ожидания, девушка принимает яд, то есть доводит свою роль жертвы роковой любви до конца. Сходным образом поступает и Владимир, который после гибели Вероники тоже предпринимает попытку свести счеты с жизнью, и хотя она оказывается неудачной, он настолько убедителен в своем отчаянии, что становится героем газетной хроники. Такая театрализация и даже «карнавализация» жизни выступает показателем абсурдности бытия, где каждый вынужден играть несвойственную ему роль. К таким ролям, как показал в «Моем романе» Чириков, относятся и традиционные гендерные статусы.

Бежав из России, Иван Петрович и Вероника вынуждены строить жизнь в новой стране с нуля. Но если женщина быстро находит работу: сначала устраивается в ресторан, где получает щедрые чаевые, затем начинает давать уроки музыки и аккомпанирует в оркестре, — то герой долгое время остается безработным, берет на себя хлопоты по хозяйству и уходу за ребенком и успешно справляется с ними. Тем самым персонажи «Моего романа» отказываются от привычной семейной модели, где мужчина — добытчик, а женщина — хранительница очага, и фактически меняются местами. Однако подобная метаморфоза не ущемляет мужского достоинства Ивана Петровича. Он даже благодарен судьбе, полагая, что «быть нянькой и кухаркой у любимой женщины — <...> это совсем не плохо» (135). Так, хотя проблема женской эмансипации в тексте романа напрямую не поднимается, можно сказать, что Чириков в определенной мере предугадал одну из ключевых тенденций развития общества в начале XXI века, в основе которой лежат «самостоятельность и независимость женщин» и «рождение “нового отцовства” с его заботой о подрастающем поколении» [Пушкарева 2012: 23].

Показательно в этой связи, что если Иван Петрович быстро вжился в роль «отца семейства», то Веронике ипостаси жены и особенно матери долгое время даются с трудом. На протяжении сюжета она «неровно» ведет себя с дочерью: то «раздражалась и явно не любила ее, то словно раскаивалась и чувствовала себя виноватой перед девочкой» и «начинала ее улаживать», покупая то «шапочку, то чулочки, то турецкую феску» (99). Важно, что отстраненность героини от ребенка и даже ее неприязнь к нему не осуждаются писателем, который с помощью этой сюжетной коллизии открыто говорит о недопустимости принуждения женщины к материнству вопреки ее желанию. И хотя художник был убежден, что любовь к ребенку заложена в женской натуре природой и рано или поздно проснется в ее душе, он тем не менее убедительно показал, как сильно страдают мать и дитя, ставшие жертвами мужского своеволия и равно-

душия. Таким образом Чириков утверждал право женщины на отказ от навязываемой ей социумом гендерной функции, если та несет в себе угрозу ее жизни и благополучию, что позволяет с долей условности говорить о сходстве взглядов литератора с основными положениями современного феминизма.

Все отмеченное выше в определенной мере дает возможность говорить о «Моем романе» Е.Н. Чирикова как произведении, подытожившем прения о статусе женщины в семейном кругу и за его пределами, которые звучали в русском обществе на протяжении почти столетия. Художник наглядно продемонстрировал искусственность и условность многих привычных норм женского и мужского поведения, указав на их прямую зависимость от социально-экономических процессов и политических событий. Но зафиксировав обусловленную самим ходом истории ломку традиционных гендерных «амплуа», писатель показал и то, что по сравнению с мужчиной в эпоху социальных потрясений женщина по-прежнему более уязвима и незащищена перед насилием. Сочувствие женской судьбе пронизывало произведения Чирикова на всем протяжении его творческого пути. Как в дореволюционной, так и в эмигрантской прозе художника образы героинь неизменно выступают для него мерилom поступков персонажей-мужчин и нравственным камертоном общества в целом. Для писателя страдания женщины и ее гибель не могут быть ничем оправданы, и это убеждение ярко и неоспоримо свидетельствует о гуманистическом послые творчества Чирикова, который носил не умозрительный характер, но был выстрадан автором с юности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вознесенская А.П.* Образ женщины-нигилистки как отражение смены ценностной парадигмы в культуре России XIX в. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 153–156.
2. *Воронина О.А.* Роль женщин в русской культуре: позиции мыслителей XIX в. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 102–118.
3. *Гончарова О.М.* Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1. С. 44–53.
4. *Демидова О.Р., Потехина Е.А.* Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб., 2022.
5. *Кулешова О.В.* Духовный мир ушедшей России в произведениях писателей-эмигрантов // Вестник культурологии. 2018. № 4 (87). С. 29–41.
6. *Лукьянчикова Н.В.* Проблема женского нигилизма в повести М.П. Чехова «Синий чулок» // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. С. 180–188.
7. *Маковский С.* «Мой роман» Евгения Чирикова // Возрождение. Париж. 1926. 30 дек. (№ 576). С. 2.
8. *Мартыненко Н.К.* Традиции гендерных ролей в российском обществе // Вестник ВУиТ. 2015. № 2 (18). С. 232–240.

9. Пушкарева Н.Л. Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 8–23.
10. Хлопонина О.О. Динамика женской образности в русской художественной культуре 1890-х — 1930-х гг.: Дисс. ... канд. культурологии. М., 2019.
11. Чириков Е.Н. Мой роман. Париж, [1929].

REFERENCES

1. Voznesenskaya A.P. Obraz zhenshchiny-nigilistki kak otrazhenie smeny tsennostnoi paradigmy v kul'ture Rossii XIX v. [The image of a nihilist woman as a reflection of the change of the value paradigm in the culture of Russia of the XIX century]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Environment. Development (Terra Humana)], 2012, № 2, pp. 153–156. (In Russ.)
2. Voronina O.A. Rol' zhenshchin v russkoi kul'ture: pozitsii myslitelei XIX v. [The role of women in Russian culture: the positions of thinkers of the XIX c.]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2022, № 4, pp. 102–118. (In Russ.)
3. Goncharova O.M. Russkaya zhenshchina 1860-kh v “zerkale” idei i literatury [Russian woman of the 1860s through the prism of ideas and literature]. *Kul'tura i tekst* [“Culture and Text”], 2012, № 1, pp. 44–53. (In Russ.)
4. Demidova O.R., Potekhina E.A. Gendernye modeli v kul'ture, ili O filosofii muzhskogo i zhenskogo [Gender models in culture, or About the philosophy of masculine and feminine]. St. Petersburg, *Russkaja kultura publ.*, 2022. 174 p. (In Russ.)
5. Kuleshova O.V. Dukhovnyi mir ushedshei Rossii v proizvedeniyakh pisatelei-emi-grantov [The spiritual world of the past Russia in the works of emigrant writers]. *Vestnik kul'turologii* [Herald of Culturology], 2018, № 4 (87), pp. 29–41. (In Russ.)
6. Luk'yanchikova N.V. Problema zhenskogo nigilizma v povesti M.P. Chekhova “Sinii chulok” [Problem of Female Nihilism in M.P. Chekhov's Story “The Dark Blue Stocking”]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2012, № 3, pp. 180–188. (In Russ.)
7. Makovskii S. “Moi roman” Evgeniya Chirikova [“My Romance” by Evgeny Chirikov]. *Vozrozhdenie*, 1926, № 576, p. 2. (In Russ.)
8. Martynenko N.K. Traditsii gendernykh rolei v rossiiskom obshchestve [Traditions of gender roles in the Russian society]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev], 2015, № 2 (18), pp. 232–240. (In Russ.)
9. Pushkareva N.L. Gendernaya sistema sovetskoi Rossii i sud'by rossiyanok [The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2012, № 5, pp. 8–23. (In Russ.)
10. Khloponina O.O. Dinamika zhenskoj obraznosti v russkoi khudozhestvennoi kul'ture 1890-kh — 1930-kh gg. [Dynamics of female imagery in Russian artistic culture of the 1890s — 1930s.]. Dissertation for the degree of candidate of cultural studies, Moscow, 2019, 226 p.
11. Chirikov E.N. Moi roman [My Romance]. Paris, *Vozrozhdenie Publ.*, [1929]. 196 p.

Поступила в редакцию 09.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 09.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Назарова Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета имени М.В. Ломоносова; raznastas@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia Nazarova — Ph.D., Senior Teaching Fellow, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; raznastas@gmail.com

КИТАЙСКИЕ ЛИНГВИСТЫ О КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТАХ КИТАЯ: ВАРИАНТЫ АНАЛИЗА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Сунь Шуфан, Хэ Янян

*Хэйлуницзянский университет, Харбин, Китай; sunsf888@yeah.net;
15045994300@163.com*

Аннотация: Настоящая статья посвящена интерпретации ключевой китайской дипломатической концепции «Жэньлэй минюнь гунтунти» (人类命运共同体, «Сообщество единой судьбы человечества») на основе теории Естественного семантического метаязыка (ЕСМ), которая пытается свести семантику всех лексиконов к ограниченному набору семантических примитивов. Цели и задачи исследования заключаются в том, чтобы, во-первых, раскрыть сущность данной концепции в китайском языке, во-вторых, проанализировать варианты ее перевода на английский и русский языки, в-третьих, интерпретировать ее при помощи Минимального Языка (МЯ), который является новейшим развитием теории ЕСМ. Концепция «Жэньлэй минюнь гунтунти» состоит из трех частей: «жэньлэй» значит «всё человечество», «минюнь» означает все хорошие и плохие события (благоприятные возможности и трудности), с которыми человечество встретится в будущем, а под «гунтунти» подразумевается взаимный обмен благоприятными возможностями и ответственность перед трудностями. В связи со сложностью этих понятий возникают и вопросы их восприятия при переводе. Эти вопросы заставляют нас размышлять над другим способом интерпретации, а именно при помощи слов, семантически более простых, объективных и почти универсальных во всех языках мира, которые помогают максимально обеспечить простоту и универсальность интерпретации более сложных дипломатических концептов. Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что оно является первой попыткой китайских русистов интерпретировать концепцию «Жэньлэй минюнь гунтунти» при помощи МЯ.

Ключевые слова: Сообщество единой судьбы человечества; минимальный язык; минимальный русский язык; естественный семантический метаязык (ЕСМ)

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-14

Финансирование: Исследование выполнено в рамках ведущего проекта «Сопоставительные исследования прагматики в русском и китайском языках» (2009JJD740008), утвержденного Министерством образования КНР (Проект принадлежит Научно-исследовательскому центру изучения русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета), и проекта Фонда философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян Китая «Исследование метаязыка русско-англо-китайской экстренной коммуникации для глобальных общественных чрезвычайных ситуаций» (22YUC338).

Для цитирования: *Сунь Шуфан, Хэ Янян.* Лингвистический подход к интерпретации концепции «Сообщество единой судьбы человечества» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 173–183.

LINGUISTIC APPROACH TO THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF 'A COMMUNITY WITH A SHARED FUTURE FOR MANKIND'

Sun Shufang, He Yangyang

Heilongjiang University, Harbin, China; sunsf888@yeah.net; 15045994300@163.com

Abstract: This article is devoted to the interpretation of the key Chinese diplomatic concept of 'Renlei Mingyun gongtongti' ('a community with a shared future for mankind') based on the theory of Natural Semantic Metalanguage (NSM), which tries to reduce the semantics of all lexicons to a limited set of semantic primitives. The goals of the study are, firstly, to reveal the essence of this concept in Chinese, secondly, to analyze the options for its translation into English and Russian, and thirdly, to interpret it with the help of Minimal Language, which is the latest development of the theory of NSM. 'Renlei Mingyun gongtongti' consists of three parts: 'renlei' means the whole of humanity, 'mingyun' means all the good and bad events (opportunities and challenges) that humanity will face in the future, and 'gongtongti' means the mutual exchange of opportunities and responsibility to challenges. Due to the complexity of these concepts, questions of their perception also arise. These questions force us to find another way of interpretation, namely with the help of words that are semantically simpler, objective and almost universal in all languages of the world, which help to maximize the simplicity and universality of the interpretation of more complex diplomatic concepts. The scientific novelty of the study is that this is the first attempt by Chinese russianists to interpret this diplomatic concept using Minimal Language.

Keywords: a community with a shared future for mankind; Minimal Language; Minimal Russian; Natural Semantic Metalanguage (NSM)

Funding: This research is supported by the project *Comparative Studies of Pragmatics in Russian and Chinese* (project number: 2009JJD740008), approved by the Ministry of Education of the PRC (the project belongs to the Research Center for Russian Language Literature and Culture Studies of Heilongjiang University) and

the project of the Social Science Foundation of Heilongjiang Province of China *Research of the Russian-English-Chinese Emergency Communication for Global Public Emergencies* (project number: 22YJC338).

For citation: Sun Shufang, He Yangyang. (2023) Linguistic Approach to the Interpretation of the Concept of 'A Community with a Shared Future for Mankind'. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 173–183.

В настоящее время «Жэньлэй минюнь гунтунти» является ключевой дипломатической концепцией, которая исследуется в таких областях, как политика, экономика, дипломатия, лингвистика и другие. Авторы статьи делают попытки раскрыть сущность данной концепции в китайском языке и дать анализ вариантов ее перевода на английский и русский языки. На этом основании попытаемся представить способ интерпретации концепции при помощи Минимального Языка (термин, используемый школой Natural Semantic Metalanguage (NSM) А. Вежбицкой и К. Годдарда [Goddard, Wierzbicka 2018]).

1. Толкование концепции «Жэньлэй минюнь гунтунти» в китайском языке

«Жэньлэй минюнь гунтунти» состоит из трех частей: 1) «жэньлэй» (人类, 'человечество'); 2) «минюнь» (命运, 'судьба'); 3) «гунтунти» (共同体, 'сообщество'). Среди них значение «жэньлэй» понять трудно, его можно определить как «все люди на Земле». Однако понятия «минюнь» и «гунтунти» оказываются семантически осложненными, и следует уделить больше внимания как их содержанию, так и переводу. Поскольку «минюнь» сложнее, чем «гунтунти», мы сначала приступим к толкованию понятия «гунтунти».

«Гунтунти» («сообщество») в китайском языке означает «коллектив, созданный людьми на основе общих условий» [ССКЯ 2016: 458]. По определению, в «гунтунти» непременно есть общее, разделяемое всеми членами. Например, Фердинанд Тённис разделяет сообщества на три типа: общность крови, общность места и общность духа [Тённис 2002: 25–28], кровь, место и дух — общее для членов этих трех сообществ. А в «Жэньлэй минюнь гунтунти» общим, разделяемым всем человечеством, является «минюнь».

«Минюнь» в китайском языке имеет следующие значения: 1) такие обстоятельства, события, как жизнь и смерть, бедность и богатство (суеверные люди считают, что они предначертаны судьбой); 2) тенденция и результат развития и изменения событий [ССКЯ 2016: 917]. «Минюнь» состоит из двух иероглифов: «мин» и «юнь». «Мин» фактически несет в себе гораздо больше фатализма, чем «минюнь». Сравним следующие примеры:

(1) 今天休息。九点就醒了。劳碌命。(Сегодня выходной день, однако я проснулся в 9 утра. Суждено трудиться без отдыха.)

(2) 全都被一种看不见的力量支配着,好像非要出点什么事。这就是命。(Всё руководилось невидимой силой, как будто что-то плохое должно случиться. Это судьба.)

(3) 我不信命。(Я не верю в судьбу.)¹

В первом примере нельзя заменить «мин» на «минюнь», а во втором и третьем примерах можно, но перефразирование приведет к ослаблению идеи фатализма в предложениях. Это объясняется тем, что «юнь» в «минюнь» означает кругооборот и чередование событий.

Китайский философ Фэн Юлань в статье «Минюнь» раскрыл взаимосвязи между такими понятиями, как «ивай» (意外 'неожиданный случай, непредвиденные обстоятельства'), «син» (幸 'везение'), «юнь» (运 'везение'). Он дал следующее толкование: в жизни любого человека бывают неожиданные случаи или непредвиденные обстоятельства: если они помогают, то человеку везет (幸 «син»), если мешают, то ему не везет (不幸 «бусин»). Используя «юнь» для выражения идеи (не)везения, говорящий подразумевает состояние человека в определенный период жизни, а используя «мин» — состояние человека всю жизнь. Если в какой-то определенный период у человека было больше «син», чем «бусин», то, значит, у него хороший «юнь»; а если на протяжении всей жизни у человека больше «син», чем «бусин», значит, у него хороший «мин» [Фэн Юлань 2019: 27]. В китайской культуре «мин» — это среда, окружение, в которых происходят различные события (хорошие или плохие). «Мин» сопровождает человека всю жизнь, а «юнь» — только отрезок его жизни. Когда нечто плохое продолжается недолго, люди стараются бороться с ним, так как уверены, что смогут изменить «юнь» собственными усилиями.

«Минюнь» не имеет оттенка фатализма, но в его значении присутствует, несомненно, идея неизбежности. Что же служит ее источником? Это невидимая сверхъестественная сила? Бог или что-то другое? На наш взгляд, это историческая закономерность. В сборнике «О содействии созданию Сообщества единой судьбы человечества»² Си Цзиньпин заявляет: «Человечество живет в единой глобальной деревне, в едином пространстве и периоде, где все мы взаимосвязаны. И все более четко проявляется существование Сообщества единой судьбы: ты видишь в себе меня, а я вижу в себе

¹ Эти три примера взяты из корпуса ВСС (<http://bcc.blcu.edu.cn/>).

² В сборник «О содействии созданию Сообщества единой судьбы человечества» входят 85 статей Си Цзиньпина на эту тему. Здесь всестороннее демонстрируются ключевые идеи «Жэньлэй минюнь гунтунти».

тебя» [Си Цзиньпин 2018: 5]. В этих идеях выделяются две группы отношений: 1) пространство, время и человек; 2) прошлое, настоящее и будущее. Все человечество живет в одном пространстве (на Земле), обладает общей историей, а в настоящее время, в периоде, где сливаются воедино история и реальность, люди начинают задумываться над тем, каким станет будущий мир. Неизбежность в значении «минюнь» — это необходимая закономерность развития истории, суть которой состоит в том, что в дальнейшем человечество будет не только встречаться с благоприятными возможностями, но и сталкиваться с трудностями. Это неизбежно. И такие события случаются не под влиянием какой-то сверхъестественной силы, а в связи с тем, что человечество осознает эту закономерность на основе прошлого опыта.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что «жэньлэй» значит «всё человечество», «минюнь» означает все хорошие и плохие события (благоприятные возможности и трудности), с которыми человечество встретится в будущем, а под «гунтунти» понимается сообщество, осуществляющее взаимный обмен благоприятными возможностями и несущее взаимную ответственность перед трудностями.

2. Анализ вариантов перевода концепции «Жэньлэй минюнь гунтунти» на английский и русский языки

Наименование концепции на китайском языке и варианты ее перевода на английский и русский языки даны в таблице.

китайский	人类命运共同体
английский	a community of common destiny for mankind a community with a shared future for mankind
русский	сообщество единой судьбы человечества сообщество общей судьбы человечества

«Жэньлэй минюнь гунтунти» официально переводится на английский язык, как “a community of common destiny” [Hu Jintao 2012] и “a community with a shared future” [Xi Jinping 2017]. Почему сделаны изменения при переводе? Дело в том, что использованное в первом варианте перевода слово *destiny* «носит негативный характер в английском языке, ‘a predetermined course of events often held to be an irresistible power’, будто человек сам не может решить свою судьбу» [Ян Пин 2017: 25]. По словам Ян Пина, *shared future* подразумевает положительные явления, такие как «подъем духа, сотруд-

ничество между странами, поиски совместного и мирного развития» [Ян Пин 2017: 25]. На наш взгляд, недостаток перевода *shared future* в том, что, выдвигая на первый план светлое будущее, в котором члены сообщества должны делиться благоприятными возможностями, оно затушевывает необходимость вместе столкнуться с будущими трудностями.

В русском переводе существуют два синонимичных выражения — «единая судьба» и «общая судьба». Мы провели статистический анализ употребления «единая судьба», «общая судьба» и «судьба» в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ), результаты показывают, что «единая судьба» встречается 11 раз, «общая судьба» — 218 раз, а «судьба» — 66 540 раз. По данным статистики, словосочетание «единая судьба» не так употребительно, как «общая судьба». А «судьба» в «общей судьбе» не совсем совпадает с «минюнь». Сравним следующие примеры из НКРЯ:

(1) Конечно, друзей встретишь чаще всего среди людей *общей судьбы*, одной профессии, общих помыслов.

(2) В истории философии возможно наиболее древним было понимание человечества как *общей судьбы*, берущей начало еще в доисторические времена.

(3) Нет общих интересов и *общей судьбы*, потому о будущем думать бессмысленно.

С.А. Кузнецов перечислил следующие значения слова «судьба»: 1) складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств; 2) участь, доля, жизненный путь; 3) история существования, развития чего-либо; 4) будущее, то, что случится, произойдет: *Судьбы человечества* [Кузнецов, 2000: 1288]. По данным НКРЯ, «судьба» в «общей судьбе», как правило, выражает участь, жизненный путь или историю развития, то есть, согласно толковому словарю Кузнецова, второе и третье значения, а не первое или четвертое.

Анна Вежбицкая заявила, ссылаясь на слова Р.М.У. Диксона, что «такие концепты, как ‘fate’ или ‘destiny’, видимо, чужды языкам австралийских аборигенов. Так, Диксон утверждает, что таких слов нет в языке дирбал (Северный Квинсленд)» [Вежбицкая 2011: 425]. До сих пор остается спорным вопрос, имеются ли эквивалентные выражения для «минюнь» во всех языках мира.

Вышеуказанные проблемы заставляют нас размышлять над другим способом интерпретации этой концепции. Если мы попытаемся истолковать такие слова, как *судьба*, *destiny* при помощи более простых, объективных и универсальных слов, то сможем в какой-то степени избежать этих проблем.

3. Толкование концепции «Жэньлэй минюнь гунтунти» при помощи МЯ

Новейшим развитием теории NSM является концепция Минимального Языка (Minimal Language, далее МЯ), базирующегося на семантическом метаязыке NSM и включающего приблизительно 250 слов, которые считаются универсальными либо почти универсальными, то есть переводимыми на все языки мира. Эти слова делятся на три группы: 1) простейшие слова, выражающие семантические примитивы (semantic primes), т. е. элементарные, далее не разложимые атомы смысла, имеющие лексическое соответствие в каждом языке, которых в NSM всего 65, например, для минимального русского языка это будут *я, люди, знать, думать* [Wierzbicka 2021: 326]; 2) слова, выражающие универсальные семантические молекулы (universal semantic molecules), то есть конфигурации смысловых атомов, также лексически выраженные во всех или многих языках, например *рука, огонь, солнце, мужчина, женщина*; 3) полезные интернациональные слова (useful international words), например *страна, правительство, наука, здоровье*. Универсальные семантические молекулы в качестве единиц промежуточной степени имеют лексические соответствия если не во всех, то в большинстве языков мира. По значению они сложнее, чем семантические примитивы, и используются обычно как средство пояснения более сложных понятий. Слов, выражающих универсальные семантические молекулы, примерно 70 [Goddard, Wierzbicka 2018: 16]. Полезные международные слова — это семантические молекулы, которые семантически сложнее, чем универсальные, но соответствуют понятиям, значимым для современных людей во всем мире. Таких в минимальном языке около 120 [Goddard, Wierzbicka 2018: 17]. Минимальный русский язык, построенный в соответствии с концепцией минимального языка, полностью соответствует минимальному английскому и может служить не менее адекватным средством экспликации смысла выражений на китайском языке, чем минимальный английский.

Ниже приводим толкование концепции «Жэньлэй минюнь гунтунти», выполненное нами посредством минимального русского языка.

абзац 1

- [a] Есть место, которое называется «Земля».
- [b] Все люди живут на Земле.
- [c] На Земле есть страны.
- [d] Некоторые люди живут в одной стране, другие люди живут в других странах.
- [e] Все люди жили, живут и будут жить на Земле.

абзац 2

[f] Что-то происходило с людьми раньше.

[g] Что-то происходит с людьми сейчас.

[h] Поэтому люди знают, что с людьми постоянно что-то происходит.

[i] Поэтому люди знают:

что-то происходит с людьми,

что-то хорошее произойдет с людьми,

что-то плохое произойдет с людьми.

[j] Люди хотят, чтобы происходило больше хороших вещей.

[k] Люди хотят, чтобы не происходили плохие вещи.

абзац 3

[l] Есть вещи, о которых люди всех стран думают: это хорошие вещи.

[m] Есть вещи, о которых люди всех стран думают: это плохие вещи.

[n] Хорошо, если эти хорошие вещи происходят с людьми всех стран.

[o] Плохо, если те же хорошие вещи не происходят с людьми некоторых стран.

[p] Хорошо, если люди всех стран что-то делают, когда эти плохие вещи происходят с людьми всех стран.

[q] Плохо, если люди некоторых стран ничего не делают, когда те же плохие вещи происходят с людьми всех стран.

Следует отметить, что в нашем толковании использованы только три слова, соответствующие семантическим молекулам: *называются*, *страна* и *земля*, а все остальные компоненты представляют собой лексические соответствия семантических примитивов. Данный способ позволяет обеспечить максимальную содержательную простоту толкования, а слова, соответствующие семантическим молекулам, помогают сократить его объем.

В первой части статьи мы проанализировали две группы отношений в значении «Жэньлэй минюнь гунтунти»: первая — это «пространство», «время» и «человек», а вторая — это «прошлое», «настоящее» и «будущее». Общее пространство существования человечества определяет единую судьбу человечества: люди живут на Земле. Первый абзац толкования описывает именно взаимосвязи между человеком и Землей.

Второй абзац толкования эксплицирует значение слова «минюнь». Как говорил Си Цзиньпин: «Находиться на стыке истории и реальности» — это значит размышлять над историческим прошлым [f] на основе реального мышления [g] с пониманием неизбежности чего-то в будущем [h]. Однако «неизбежность» — это не фатализм,

а общие закономерности и выводы после размышления над прошлым и реальностью. На этой основе люди способны предсказать будущие события [i]. Человек, естественно, предпочитает больше хорошего, чем плохого [j,k]. Это и соответствует взаимосвязи между «мин» и «юнь», о чем говорилось в первой части.

Общее пространство и единая судьба заставляют человечество выбирать, куда следует пойти. На этот вопрос Китай дал ответ: непременно создать «Жэньлэй минюнь гунтунти». Такая идея была предложена Си Цзиньпином и явно выражена в его выступлениях: создание «Жэньлэй минюнь гунтунти» — это прекрасная мечта, которой стремятся достигнуть люди из поколения в поколение [Си Цзиньпин 2018: 426]. Данная концепция подразумевает неделимость человечества и общую ответственность за развитие. Она являет собой инициативу, не имеющую строгих институтов и правил. Поэтому мы используем такие выражения, как «Хорошо, если...», «Плохо, если...», показывая непринудительный характер концепции. А это значит, что инициатива ни к чему не принуждает членов сообщества, а предлагает им выбор делать или не делать что-либо.

Мы считаем, что существуют вещи, которые все человечество признает хорошими (сохранение окружающей среды, взаимовыгодное сотрудничество, рост благосостояния людей и т. п.) или плохими (терроризм, транснациональная преступность, конфликты между странами и т. п.), поэтому использованы компоненты [l] и [m]. Компоненты [n] и [o] отражают то хорошее, что относится к будущему. С одной стороны, плодами экономического развития должны поделиться все страны мира [n], а в рамках современного международного порядка лишь некоторые развитые страны пользуются результатами развития, они устанавливают правила игры на международной арене, в результате чего некоторые правила наносят вред интересам других стран и допускают несправедливость [o]. А с другой стороны, если попытаться совместно решать проблемы, стоящие перед человечеством, велика вероятность того, что некоторые страны не будут предпринимать никаких мер, чтобы не навредить собственным интересам. Однако без участия этих стран некоторые проблемы решить невозможно. Например, проблему глобального потепления обязуются решить все страны вместе, а не только те, для которых оно представляет наибольшую угрозу. В связи с этим в толковании мы используем компоненты [p] и [q].

Заключение

Дипломатическая концепция «Жэньлэй минюнь гунтунти» состоит из трех частей: «жэньлэй», «минюнь» и «гунтунти». Чтобы разобраться в ключевом содержании этих понятий, в статье сначала

ла раскрываются их значения в китайском языке, потом дается анализ вариантов перевода на английский и русский языки и тонких различий между английскими выражениями ‘destiny’, ‘shared future’ и русскими выражениями «единая судьба», «общая судьба». В нашем исследовании сделаны попытки представить интерпретацию «Жэньлэй минюнь гунтунти» при помощи семантически простых и (почти) универсальных по своему значению русских слов (слов Минимального русского языка). Такие опыты можно считать новым способом интерпретации сложных дипломатических концептов, от правильного понимания которых во многом зависит эффективность международной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011.
2. Институт языкознания Академии общественных наук КНР. 中国社会科学院语言研究所. 现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка (ССКЯ)]. 北京 [Пекин], 2016.
3. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, 2000.
4. *Си Цзиньпин.* 习近平. 论坚持推动构建人类命运共同体[О содействии созданию Сообщества единой судьбы человечества]. 北京 [Пекин], 2018.
5. *Тённис Ф.* Общность и общество. Санкт-Петербург, 2002.
6. *Фэн Юлань.* 冯友兰. 冯友兰哲思录 [Философские размышления Фэн Юланя]. 成都 [Чэньду], 2016.
7. *Ян Пин.* 杨平. 从“中国关键词”看中国特色政治话语的对外传播——专访美国明德大学蒙特雷国际研究学院鲍川运教授 [О внешнем распространении политических дискурсов с китайской спецификой с подхода «Ключевые слова Китая» — интервью профессору Миддлберийского института международных исследований в Монтерее Бао Чуаньюню] // 对外传播 [Международные коммуникации]. 2017. № 4. С. 22-25.
8. *Goddard C., Wierzbicka A.* Minimal English and How It Can Add to Global English // *Minimal English for a Global World — Improved Communication Using Few Words.* Cham, 2018. P. 5–27.
9. *Hu Jintao.* Hu Jintao’s Report at 18th CPC National Congress. (In English), 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://en.people.cn/90785/8024777.html> (дата обращения: 12.02.2023).
10. *Wierzbicka A.* “Semantic Primitives”, fifty years later // *Russian Journal of Linguistics.* 2021. № 2. P. 317–342.
11. *Xi Jinping.* Xi Jinping’s Report at 19th CPC National Congress, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping’s_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (accessed: 12.02.2023).

REFERENCES

1. *Wierzbicka A.* Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty [Semantic Universals and Basic concepts]. Moscow, *Jazyki Slavjanskih Kul’tur Publ*, 2011. 425 p. (In Russ.)
2. Institute of Linguistics, CASS. 现代汉语词典 [A Modern Chinese Dictionary The 7th edition]. 北京: 商务印书馆 [Beijing: The Commercial Press], 2016. (In Chinese)

3. Kuznetsov S. A. (ed.). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, *Norint Publ.*, 2000. 1288 p. (In Russ.)
4. Xi Jinping. 习近平. 论坚持推动构建人类命运共同体 [On Building a Human Community with a Shared Future]. 北京: 中央文献出版社 [Beijing: Central party literature press], 2018. (In Chinese)
5. Tönnies F. Obshchnost' i obshchestvo [Community and society]. St. Petersburg, *Vladimir Dal' Publ.*, 2000, pp. 25–28 (In Russ.)
6. Feng Youlan. 冯友兰. 冯友兰哲思录 [Philosophical thoughts of Feng Youlan]. 成都: 天地出版社 [Chengdu: Tiandi Press], 2016. (In Chinese)
7. Yang Ping. 杨平. 从“中国关键词”看中国特色政治话语的对外传播 — 专访美国明德大学蒙特雷国际研究学院鲍川运教授 [Looking at the International Communication Strategy of Political Discourse with Chinese Characteristics from program “Chinese Keywords” — An Interview with Professor Bao Chuanyun, Middlebury Institute of International Studies at Monterey]. 对外传播 International Communications. 2017. № 4, pp. 22–25. (In Chinese)
8. Goddard C., Wierzbicka A. Minimal English and How It Can Add to Global English // C. Goddard (ed.). *Minimal English for a Global World — Improved Communication Using Few Words*. Cham, 2018, pp. 5–27.
9. Hu Jintao. Hu Jintao's Report at 18th CPC National Congress. 2012. URL: <http://en.people.cn/90785/8024777.html> (accessed: 12.02.2023).
10. Wierzbicka A. “Semantic Primitives”, fifty years later // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. № 2, pp. 317–342.
11. Xi Jinping. Xi Jinping's Report at 19th CPC National Congress, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (accessed: 12.02.2023).

Поступила в редакцию 09.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 09.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРАХ

Сунь Шуфан — доктор филологических наук, профессор института русского языка Хэйлунцзянского университета; sunsf888@yeah.net

Хэ Янъян — кандидат филологических наук, старший преподаватель института русского языка Хэйлунцзянского университета; 15045994300@163.com

ABOUT THE AUTHORS

Sun Shufang — Prof. Dr., Institute of Russian Language of Heilongjiang University; sunsf888@yeah.net

He Yangyang — PhD, lecturer, Institute of Russian Language of Heilongjiang University; 15045994300@163.com

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКЕ ЦЕННОСТИ «Ю ШАНЬ» (友善) В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Ван Сян

Сучжоуский университет, Сучжоу, КНР; wangxiangine@163.com

Аннотация: В статье с точки зрения лингвокультурологии рассматривается отраженная в этимологии, словарных определениях и периодических изданиях семантика «Ю Шань» (友善) в китайском языке. Материалом исследования послужили авторитетные китайские словари и корпуса китайского языка (корпус китайского языка Государственной комиссии по языку и письменности, корпус ВСС и Национальная база данных газет и журналов).

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что «Ю Шань» (友善) является традиционной добродетелью и одной из основных социалистических ценностей в Китае, имеет богатую семантику, включающую в себя такие элементы, как дружба, взаимопомощь, благоприятность, искренность и т. д. Семантическая сфера «Ю Шань» (友善) непрерывно расширяется, от самых элементарных отношений между людьми до отношений между нациями и государствами. Субъектом «Ю Шань» (友善) могут быть люди и животные, а применимыми объектами — животные, окружающая среда и даже вещи.

«Ю Шань» (友善) играет положительную роль в формировании национального или личного имиджа, способствует тесным межличностным отношениям и социальной гармонии. Вместе с тем, согласно принципу «золотой середины» в древнекитайской философии, считается, что быть слишком дружелюбным нехорошо. Иногда «Ю Шань» (友善) становится средством маскировки для доминирования и достижения личных целей, что оценивается негативно, т. к. в его исходное значение входит искренность.

Ключевые слова: национально-культурная семантика; Ю Шань (友善); китайский язык; ценность; лингвокультурология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-15

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного совета по стипендиям КНР (CSC) в рамках проекта по двустороннему обмену с МГУ имени М.В. Ломоносова. № 202106920001.

Для цитирования: Ван Сян. К вопросу о национально-культурной семантике ценности «Ю Шань» (友善) в китайском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 184–192.

¹ Работа написана во время стажировки под научным руководством Виктории Владимировны Красных, доктора филологических наук, профессора филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

ON THE NATIONAL-CULTURAL SEMANTICS OF THE VALUE 'YOU SHAN' (友善) IN CHINESE

Xiang Wang

Soochow University, Suzhou, China; wangxiangine@163.com

Abstract: The article examines the national-cultural semantics of 'You Shan' (友善) in Chinese from the perspective of linguoculturology reflected in etymology, dictionary and periodicals. Authoritative Chinese dictionaries and the main corpora of the Chinese language (the Chinese language corpus of the State Commission on Language and Writing, the BCC corpus, the National press index database) served as the research material.

The analysis made it possible to conclude that 'You Shan' is a traditional virtue and one of the main socialist values in China. It has rich semantics including such elements as friendship, mutual assistance, auspiciousness, sincerity, etc. The semantic realm of 'You Shan' is continuously expanding, from the most elementary relations between people to relations between nations and countries. The subject of 'You Shan' can be people and animals, and the applicable objects can be animals, the environment, and even things.

'You Shan' plays a positive role in the formation of national or personal image, and promotes close interpersonal relationships and social harmony. However, according to the principle of the 'golden mean' in ancient Chinese philosophy, to be too friendly is not advocated. Sometimes, 'You Shan' is regarded as a disguise for dominance and personal goals, which is negatively evaluated since sincerity is included in its original meaning.

Keywords: national-cultural semantics; You Shan (友善); Chinese; value; linguoculturology

Funding: This research is supported by 'the bilateral exchange program with Lomonosov Moscow State University' of China Scholarship Council. № 202106920001.

For citation: Xiang Wang (2023). On the National-cultural Semantics of the Value 'You Shan' (友善) in Chinese. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 184–192.

0. Вводные замечания

Исследуя происхождение корней идеологической идентичности в традиционной китайской культуре, мы обнаруживаем, что «Ю Шань» (友善) — идеологическое измерение для страны, которое принято включать в современную китайскую систему ценностей. Так, в книге «О государственном управлении» читаем: «Мы выступаем за процветание, могущество, демократию, цивилизацию и гармонию, за свободу, равенство, справедливость и законность, за патриотизм, преданность своему делу, честность и дружелюбие... Патриотизм, преданность своей работе, честность и дружелюбие — это ценностные требования к гражданам». (我们提出要倡导富强、民

主、文明、和谐, 倡导自由、平等、公正、法治, 倡导爱国、敬业、诚信、友善……爱国、敬业、诚信、友善是公民层面的价值要求) [Си Цзиньпин 2014: 168, 169] Данный концепт играет весомую роль в научных изысканиях в области лингвокультурологии.

1. Этимологический анализ слова «Ю Шань»

В качестве источника материала для анализа мы выбрали корпус китайского языка Государственной комиссии по языку и письменности. Если ввести слово «Ю Шань» в поиске, можно обнаружить, что оно как самостоятельное слово впервые появилось во времена династии Хань. Мы взяли пример из исторических записей:

哀帝初即位, 皇后父特进孔乡侯傅晏与躬同郡, 相友善。(《汉书》)

Когда император Ай впервые взошел на трон, отец императрицы Фу Янь и Си Фугун были из одного округа и дружили друг с другом. («Ханьшу»)

«Цьюань» («Источник слов») интерпретирует «Ю Шань» как ‘дружить’, в качестве примера приводится вышеизложенное [Хэ Цзюин, Ван Нин 2018: 615]. Иначе говоря, слово «Ю Шань» изначально использовалось как глагол в книгах по истории династии Хань для выражения значения ‘дружить с...’. Разбор двух иероглифов «Ю» (友) и «Шань» (善) по отдельности поможет лучше понять изначальную форму и значение слова «Ю Шань».

Как известно, китайские иероглифы разрабатываются на основе «пиктографов». Чтобы проследить происхождение иероглифа «Ю», можно вначале изучить его древнекитайскую форму. В Цзягувэнь (гадательные надписи на костях и черепаших панцирях) он представлен как «𠄎», Цзиньвэнь (древний стиль записи знаков в эпохи Шан-Чжоу) — «𠄎», Сяочжуань (шрифт, введенный при династии Цинь) — «𠄎». Согласно «Комментариям к Шовэнь цзецзы» и «Происхождению иероглифов», ключ «𠄎» — это пиктограмма правой руки только с тремя пальцами, потому что для демонстрации хватательного действия руки достаточно одного большого и двух других пальцев. Первоначально данная пиктограмма означала помощь [Сюй Шэнь, Дуань Юцай 1981: 114; Юэ Чжай 1986: 14]. В древнекитайском языке «три» имеет значение ‘много’, поэтому вместо пяти пальцев используется три. А иероглиф «𠄎» (友) — идеограмма, состоящая из двух иероглифов «𠄎», имеющая значение ‘тот, с кем имеешь общие интересы и устремления’ [Сюй Шэнь, Дуань Юцай 1981: 116; Тан Кэцзин 2018: 412]. Процесс эволюции формы иероглифа «Ю» таков: «𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 友». Это две руки, обращенные в одном направлении, или две руки, положенные друг на друга. И то, и другое означает, что «единомышленники помогают друг другу» [Юэ Чжай 1986: 18–19].

Обратим внимание на древнюю форму иероглифа «Шань». В Цзиньвэнь он представлен как «𦍋», состоит из иероглифов «Ян» (羊, овца) и двойного «Янь» (言). Согласно «Комментариям к Шовэнь цзецзы», «Ян» первоначально означал 'счастливый, благоприятный', а «Янь» — 'слова, речь'. Получается, что под иероглифом «Шань» подразумеваются благоприятные слова [Сюй Шэнь, Дуань Юцай 1981: 102, 145]. Ян Шуда заметил, что «Овцы мягки по темпераменту, слова на них похожи. Так и образуется Шань» [Тан Кэцзин 2018: 375]. Таким образом, первоначальное значение иероглифа «Шань» — 'благоприятная речь', которая содержит значения 'счастливый, благоприятный, хороший'.

Путем рассмотрения этимологии слова «Ю Шань» обнаруживается, что оно включает в себя несколько семантических элементов: дружба, общие интересы, взаимопомощь, благоприятность.

2. Словарные определения слова «Ю Шань»

«Развитие общественной жизни, в том числе появление нового и отмирание старого; развитие мышления и понимания людей; взаимодействие различных факторов внутри языка способствуют изменению значений слов» [Фу Хуайцин 2019: 44]. Словарные определения в известной степени показывают семантическую эволюцию слова.

«Ю Шань» интерпретируется как 'близкий и дружеский' в «Большом словаре китайского языка» [Ло Чжуфэн 2003: 854]. В качестве примеров функционирования в словаре приведен языковой материал из династий Хань, Тан, Цин и современности. Однако, в отличие от «Цьюань», данный словарь определяет «Ю Шань» как прилагательное. В связи с этим мы считаем, что по крайней мере до династии Цин это слово можно понимать как глагол 'дружить с...' или прилагательное 'близкий и дружеский' в зависимости от структуры предложения. А в современном китайском языке «Ю Шань» понимается только как прилагательное, означающее 'близкий и дружеский'. Это может быть подтверждено тем, что в «Классификационном словаре современного китайского языка» оно отнесено к разделу «социальные отношения» и помечено как прилагательное книжного стиля, означающее 'близкий, приветливый, добрый к друзьям' [Дун Данянь 2007: 256].

«Ю Шань» в «Словаре современного китайского языка», «Многоцелевом словаре китайского языка» и «Словаре сочетаемости знаменательных слов современного китайского языка» определено как 'близкий и добрый с друзьями' [Дин Шэншу 2016: 1588; Линь Сингуан 1990: 1389; Чжан Шоукан, Линь Сингуан 1992: 1464]. В «Словаре прилагательных» значение «Ю» в «Ю Шань» — 'дружелюбный

и доброжелательный с друзьями’, а «Шань» — ‘быть очень дружелюбным с друзьями’ [Дай Пинхонг, Дай Юнджи 1992: 342, 241]. Из определений «Ю Шань» в упомянутых выше словарях обнаруживается, что это прилагательное не только передает отношение к другим и является динамичным, но и выражает статичные близкие отношения между друзьями.

3. Семантика слова «Ю Шань» в периодических изданиях

Периодические издания несут на себе отпечаток времени. Анализ употребления слова «Ю Шань» в них позволяет прояснить семантические изменения данного слова и понять его национально-культурную семантику.

Основным источником корпуса ВСС (Корпуса современного китайского языка Пекинского университета языка и культуры) при диахроническом поиске является газета «Жэньминь Жибао» (с 1946 по 2016 гг.). В нем частотность использования слова «Ю Шань» составила 1454 раза. В целом после 2000 г. количество случаев употребления значительно увеличилось по сравнению с предыдущим периодом, небольшой пик пришелся на 2002 год, а максимальное значение было достигнуто в 2014 году (см. Рис. 1).

Рис. 1. Частотная диаграмма слова «Ю Шань»

Проанализировав источники, мы обнаружили, что материалы, появившиеся примерно во время основания КНР (1949 г.), в основном касались отношений между странами или народами, например: ...签订友善与和平的公约 «...подписали договор о дружбе и мире». «Ю Шань» не ограничивается межличностными отношениями, а применимо и для характеристики отношений на национальном уровне.

Два пика, представленные в 2002 и 2014 годах, имеют связь с национальной политикой. В корпус было включено 80 текстов об использовании слова «Ю Шань» в «Жэньминь Жибао» 2002 года. 62,5 % из них тесно связаны с основными моральными нормами и социальными обычаями, отстаиваемыми в «Программе мер по формированию гражданской нравственности» 2001 года. В связи с тем, что

«Ю Шань» относится к числу основных социалистических ценностей, выдвинутых на 18-м Национальном съезде КПК в 2012 году, внимание к «Ю Шань» резко возросло в 2012 году и достигло своего пика к 2014 году. Мы взяли 2014 год в качестве примера, сосредоточились на употреблении данной единицы в газете «Жэньминь Жибао» и получили корпус общим объемом в 169 текстов. Анализируя все тексты, мы обнаружили, что «Ю Шань» как одна из ключевых ценностей часто употребляется параллельно с «патриотизмом, преданностью своей работе, честностью». Кроме этого, «Ю Шань» нередко ассоциируется с изображением имиджа страны или лидера, например ...展示了中国自信、友善、包容、负责任的大国形象 «...демонстрирует имидж Китая как большой страны, уверенной в себе, дружелюбной, толерантной и ответственной».

Проанализировав большое количество материалов, мы выяснили, что понятие «Ю Шань» может распространяться, помимо людей, на животных, на природную среду, даже на вещи, например 这一切，都使得人与街、人与店，变得更加亲切友善 «Все это делает прохожих и улицу, людей и магазины более сердечными и дружелюбными». С быстрым развитием интернет-платформ «Ю Шань» также переносится в виртуальный мир. Люди сосредотачиваются на создании дружелюбной сетевой среды.

Из вышеизложенного мы сделали вывод, что, хотя слово «Ю Шань» трактуется в словарях как 'отношения между людьми', в процессе живого общения оно также означает 'отношения между нациями или странами'. Это связано с политическими причинами. При этом субъект и применимый объект постоянно расширяются.

По мнению С.Г. Воркачева, образная составляющая нужна для полноты семантического описания лингвокультурного концепта [Воркачев 2004: 7]. Известно, что заголовок может обладать образностью для повышения интереса читателя. Изучая образность «Ю Шань» в языке, мы вошли в национальную базу данных газет и журналов для расширенного поиска этого слова в названиях современных статей. Полученные результаты можно подразделить на следующие типы:

А. «Ю Шань» — мост, связующее звено.

架起友善的桥梁 “让世界充满爱”

Наводим мосты дружбы «Пусть мир наполнится любовью»

В. «Ю Шань» — свет, огонь, теплота.

友善,是一种无言的温暖

Дружелюбие — безмолвное тепло

С. «Ю Шань» — семена.

种下一颗友善的种子

Посадите семена дружелюбия

Д. «Ю Шань» — цветы.

让友善之花绽放于心

Пусть в сердце расцветает цветок дружбы

Е. «Ю Шань» — жидкость.

构建和谐“心理场”，让“友善”自然流淌

Создайте гармоничную ауру и позвольте дружелюбию течь внутри вас естественным образом

Ф. «Ю Шань» — движение.

让友善走进心灵

Пусть дружелюбие войдет в сердце

Г. «Ю Шань» — болезнь.

对人太友善也是一种病：取悦病

Быть слишком дружелюбным к людям — тоже болезнь: болезнь «угождения»

Н. «Ю Шань» — маскировка.

笑里藏刀：“好邻居”如此“友善”

В улыбке прятать нож: «хороший сосед» такой «дружелюбный»

С одной стороны, «Ю Шань» приносит тепло другим, что играет важную роль в межличностных отношениях и социальной стабильности. Оно нуждается в сознательном возвращении, а это длительный процесс (как прорастание семян). Ценность «Ю Шань» динамична, она требует взаимности. С другой стороны, быть слишком дружелюбным — болезнь. Это правило «золотой середины» в древнекитайской философии, согласно которому все должно быть в меру. Кроме того, критикуется притворное дружелюбие, используемое для достижения личных целей. «Ю Шань» подчеркивает искренность, а не лицемерие.

4. Выводы

Исследуя данный вопрос, мы обнаружили, что «Ю Шань» можно понимать как глагол ‘дружить’ или прилагательное ‘близкий, дружеский’ в соответствии со структурой предложения в древнекитайском языке, хотя в современных китайских словарях закреплено только значение прилагательного. Семантическая сфера простирается от отношений между людьми до отношений между странами.

«Ю Шань» играет положительную роль в формировании национального или личного имиджа, способствует социальной гармонии и тесным межличностным отношениям. Поэтому людям нужно учиться аккуратно возвращать в себе это качество. Это постепенный процесс, но его результат стоит затраченных усилий. В то же время, согласно древнекитайской философии, быть слишком дружелюбным нехорошо. Кроме того, значения ‘взаимопомощь’ и ‘двунаправленность’, заключенные в слове, иногда делают «Ю Шань» средством

маскировки для доминирования и достижения личных целей, что подвергается критике, поскольку в его исходное значение входит искренность.

Интерпретация ценности «Ю Шань» с точки зрения лингвокультурологии является положительным отголоском концепций «Сообщества единой судьбы человечества» и «Гармоничного сосуществования человека и природы», предложенных и практикуемых в Китае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
2. *Дай Пинхонг, Дай Юнджи.* Словарь прилагательных. Ханчжоу, 1992.
3. *Дун Данянь.* Классификационный словарь современного китайского языка. Шанхай, 2007.
4. *Линь Сингуан.* Многоцелевой словарь китайского языка. Пекин, 1990.
5. *Ло Чжунфэн.* Большой словарь китайского языка. Шанхай, 2003.
6. *Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Пекин, 2014.
7. Словарь современного китайского языка / Под ред. Дин Шэншу. Пекин, 2016.
8. *Сюй Шэнь, Дуань Юцай.* Комментарии к Шовэнь цзецзы. Шанхай, 1981.
9. *Тан Кэцин.* Шовэнь цзецзы цзинь ши (Шовэнь цзецзы в современной трактовке). Шанхай, 2018.
10. *Фу Хуайцин.* Лексикология современного китайского языка. Пекин, 2019.
11. *Хэ Цзюин, Ван Нин.* Цьюань (Источник слов). Пекин, 2018.
12. *Чжан Шоукан, Линь Сингуан.* Словарь сочетаемости знаменательных слов современного китайского языка. Пекин, 1992.
13. *Юэ Чжай.* Происхождение иероглифов. Шанхай, 1986.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Корпус ВСС. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/hc/search/7/%E5%8F%8B%E5%96%84> (дата обращения: 28.04.2022).

Корпус китайского языка Государственной комиссии по языку и письменности. URL: <http://corpus.zhonghua.yuwen.org> (дата обращения: 20.02.2022).

Национальная база данных газет и журналов. URL: <https://www.cnbkys.com/search?author=&searchContent=%E5%8F%8B%E5%96%84&categories=10%2C1%2C2%2C3%2C4%2C6&types=1%2C2%2C3> (дата обращения: 20.05.2022).

Частотная диаграмма слова «Ю Шань». URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/hc> (дата обращения: 12.02.2022).

REFERENCES

1. Dai Pinghong, Dai Yunji. Adjective dictionary. Hangzhou, Zhejiang University Press, 1992. (In Chin.)
2. Ding Shengshu. Modern Chinese dictionary. Beijing, The Commercial Press, 2016. (In Chin.)
3. Dong Danian. Modern Chinese Thesaurus Dictionary. Shanghai, Shanghai Lexicographical Publ., 2007. (In Chin.)
4. Fu Huaiqing. Modern Chinese Lexicology. Beijing, Peking University Press, 2019. (In Chin.)

5. He Jiuying, Wang Ning. *Ciyuan* (Etymology). Beijing, The Commercial Press, 2018. (In Chin.)
6. Lin Xingguang. *Chinese multi-purpose dictionary*. Beijing, Standards Press of China, 1990. (In Chin.)
7. Luo Zhufeng. *Chinese dictionary*. Shanghai, Shanghai Lexicographical Publ., 2003. (In Chin.)
8. Tang Kejing. *Shuowenjiezi in modern interpretation*. Shanghai, Shanghai Classics Publ., 2018. (In Chin.)
9. Vorkachev S.G. *Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept*. [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow, Gnosis Publ., 2004, 192 p. (In Russ.)
10. Xi Jinping. *The governance of China*. Beijing, Foreign Languages Press, 2014. (In Chin.)
11. Xu Shen, Duan Yucai. *Annotation of Shuowenjiezi*. Shanghai, Shanghai Classics Publ., 1981. (In Chin.)
12. Yue Zhai. *Construction of character*. Shanghai, Shanghai Bookstore Publ., 1986. (In Chin.)
13. Zhang Shoukang, Lin Xingguang. *Modern Chinese content word collocation dictionary*. Beijing, The Commercial Press, 1992. (In Chin.)

SOURCES OF EXAMPLES

The BCC corpus. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/hc/search/7/%E5%8F%8B%E5%96%84> (accessed: 28.04.2022). (In Chin.)

The Chinese language corpus of the State Commission on Language and Writing. URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org> (accessed: 20.02.2022). (In Chin.)

The frequency diagram of 'YOU SHAN'. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/hc> (accessed: 12.02.2022). (In Chin.)

The National press index database. URL: <https://www.cnbkys.com/search?author=&searchContent=%E5%8F%8B%E5%96%84&categories=10%2C1%2C2%2C3%2C4%2C6&types=1%2C2%2C3> (accessed: 20.05.2022). (In Chin.)

Поступила в редакцию 23.05.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 23.05.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Ван Сян — аспирантка факультета русского языка и литературы Сучжоуского университета; wangxiangine@163.com

ABOUT THE AUTHOR

Xiang Wang — PhD Student, Department of Russian Language and Literature, Soochow University; wangxiangine@163.com

РЕЦЕНЗИИ

**«КНИГАМЪ БО ЕСТЬ НЕИЩЕТНАЯ ГЛУБИНА»
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ДУШЕЧКИНА Е.В. «СТРОГАЯ УТЕХА СОЗЕРЦАНЬЯ»:
СТАТЬИ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ / СОСТ., ОТВ. РЕД.
Е.А. БЕЛОУСОВА. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ, 2022. 808 С.**

А.М. Ранчин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aranchin@mail.ru*

Аннотация: В сборнике анализируются древнерусская книжность в самых разных ее проявлениях («Повесть временных лет», переводное «Сказание об Индийском царстве», послание царя Алексея Михайловича митрополиту, будущему патриарху Никону и т. д.), поэзия XVIII века (прежде всего оды Ломоносова и поэма Н.А. Львова «Русский 1791 год»), русская литература XIX столетия (Тютчев, Лесков, Салтыков-Щедрин, Чехов), произведения для детей, детская словесность, история новогоднего праздника в России, русская антропонимика, в том числе литературная. Исследования Е.В. Душечкиной отражают широту научных интересов автора, стремление рассматривать литературные явления в культурном контексте. Еще одна отличительная черта исследований Е.В. Душечкиной — неизменное внимание к «частностям»: к малоизвестным произведениям классиков (например, это рассказы Лескова «Пустоплясы» и «Под рождество обидели»), к таким маргинальным в сравнении с «большой» литературой жанрам, как святочный рассказ и «дачный» текст.

Ключевые слова: Е.В. Душечкина; история русской культуры; древнерусская литература; русская литература XVIII–XX вв.; детская литература; масовая литература

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-16

Для цитирования: Ранчин А.М. «Книгам бо есть неищетная глубина». Рецензия на книгу: Душечкина Е.В. «Строгая утеха созерцанья»: статьи о русской культуре / Сост., отв. ред. Е.А. Белоусова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 808 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 193–198.

**“INNUMERABLE DEPTH OF BOOKS”.
DUSHECHKINA E.V. “THE AUSTERE JOY
OF CONTEMPLATION”: ARTICLES ON RUSSIAN CULTURE,
COMPILED AND EDITED BY E.A. BELOUSOVA. MOSCOW,
NOVOE LITERATURNOE OBOZRENIE, 2022. 808 P.**

Andrey Ranchin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aranchin@mail.ru

Abstract: The collection analyzes medieval Russian literature in its most diverse manifestations (*The Tale of Bygone Years*, the translated *Legend of the Indian Kingdom*, the message of Tsar Alexei Mikhailovich to the Metropolitan, the future Patriarch Nikon, etc.), poetry of the 18th century (above all odes by Lomonosov and the poem by N. A. Lvov *Russian 1791*), Russian literature of the 19th century (Tyutchev, Leskov, Saltykov-Shchedrin, Chekhov), works for children, children’s literature, the history of the New Year holiday in Russia, Russian anthroponymy, including literary. Research by E.V. Dushechkina is diverse, reflects the breadth of the author’s scientific interests, the desire to consider literary phenomena in a cultural context. Another distinctive feature of E.V. Dushechkina — invariable attention to ‘particulars’: to little-known works of the classics (for example, these are the stories by Leskov *Waste Dancers* and *Offended before Christmas*), to such marginal genres in comparison with ‘big’ literature as the Christmas story and the ‘dacha’ text. Among the grateful readers of this book, there will undoubtedly be philologists, and cultural historians, and school teachers, and students, and university professors.

Keywords: E.V. Dushechkina; history of Russian culture; ancient Russian literature; Russian literature of the 18th–20th centuries; children’s literature; popular literature

For citation: Ranchin A.M. (2023) “Innumerable Depth of Books”. Dushechkina E.V. “The Austere Joy of Contemplation”: Articles on Russian Culture, compiled and edited by E.A. Belousova. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022. 808 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 193–198.

Под 6545 годом «от сотворения мира», или 1037 г. н. э., древнерусский летописец включил в «Повесть временных лет» проникновенную похвалу книгам: «Се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина». И, хотя он так оценивал сочинения церковные, возвеличивая религиозную мудрость, эти слова можно отнести и к посмертно изданному сборнику исследователя русской литературы и культуры, профессора Санкт-Петербургского университета Е.В. Душечкиной (1941–2020). И не только потому, что она дебютировала в науке именно как скрупулезный исследователь древнерусской словесности, но и прежде всего потому, что ее работы отличают нетривиальный взгляд на привычные предметы, тщательность и тонкость анализа,

прекрасное знание литературного и культурного контекста, высокая информативность и простота изложения, делающие их интересными и нужными не только для читателей-ученых. Объектами исследования для Е.В. Душечкиной становились и древнерусская книжность в самых разных ее проявлениях (Житие Феодосия Печерского, «Повесть временных лет», переводное «Сказание об Индийском царстве», послание царя Алексея Михайловича митрополиту, будущему патриарху Никону), и поэзия XVIII века (прежде всего оды Ломоносова и поэма Н.А. Львова «Русский 1791 год»), и русская литература XIX столетия (Тютчев, Лесков, Салтыков-Щедрин, Чехов), и произведения для детей, и детская словесность, и история новогоднего праздника в России вместе с его персонажами-«распорядителями» Дедом Морозом и Снегурочкой, и русская антропонимика, в том числе литературная. Все эти области интересов ученого представлены в сборнике, научная часть которого состоит из пяти разделов: «Древнерусская литература», «Из истории русской литературы XVIII–XIX веков», «Праздники и календарная словесность», «Дети и словесность для детей», «Личное имя в литературе и культуре». Вошедшие в книгу статьи, посвященные новому торжеству, Деду Морозу и Снегурочке, стали зерном, из которого выросла известная книга Е.В. Душечкиной «Русская елка: история, мифология, литература», недавно переизданная «Новым литературным обозрением» (2022), а работы о происхождении имени Светлана и его судьбе в русском именослове послужили основой для другой ее монографии — «Светлана: культурная история имени», перепечатанной в 2023 г. тем же издательством.

Разнообразие, широта научных интересов автора, стремление рассматривать литературные явления в культурном контексте, вероятно, отчасти сложились под влиянием ее институтского учителя Ю.М. Лотмана, внесшего поистине огромный вклад в исследование русской словесности и культуры самых разных эпох и исходившего из представления о необходимости и плодотворности ее изучения на широком культурном фоне. В научном творчестве Е.В. Душечкиной прослеживается очевидная тенденция, проявившаяся с начала 1990-х годов: движение исследовательского интереса от имманентного литературного анализа к рассмотрению произведений в их соотнесенности с определенными обрядами и ритуалами. Более того, новогодний праздник и сопутствующие ему явления (см. статью «Елочные базары в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв.») в работах последних десятилетий становятся предметом самостоятельного исследования либо же мотивы и образы из художественных произведений (например, героиня пьесы Островского «Снегурочка») рассматриваются как источники и стимулы для формирования

новогодних квазимифологических персонажей (статьи «Дед Мороз: этапы большого пути (К 160-летию литературного образа)» и «Снегурочка и ее лики в русской культуре»). Взгляд на знаменитые и, казалось бы, исчерпывающе изученные сочинения с помощью этнографической оптики позволяет обнаружить порой совершенно неожиданные вещи. Например, неприятие П.А. Вяземским и К.Ф. Рылеевым рода занятий пушкинского Алеко, «выступающего в роли медвежьего вожака» (462), объясняется в статье «Автохарактеристика “Цыган”: святочный сюжет в полемическом контексте» тем, что «в допушкинскую эпоху цыган — “шутовская персона” и святочная маска» (465) и «читатель первой половины XIX века все еще по привычке может воспринимать образы цыган в аспекте святочных ряжений, игрищ и демократической драматургии XVIII века»; причем возможность такого восприятия может быть обусловлена особенностями формы поэмы: «Не исключено <...> что проекция на театр и драматургию возникла и в связи с непривычной для поэмы драматической формой» (465).

Еще одна отличительная черта исследований Е.В. Душечкиной — неизменное внимание к «частностям»: к малоизвестным произведениям классиков (например, это рассказы Лескова «Пустоплясы» и «Под рождество обидели»), к таким маргинальным в сравнении с «большой» литературой жанрам, как святочный рассказ (которому, впрочем, отдали дань Достоевский, Лесков, Чехов, Куприн) и «дачный» текст. Как известно, еще русские формалисты настойчиво указывали на нужность изучения массовой словесности, из которой вырастает серьезная, «настоящая» литература. Однако работ такого рода и по сей день немного. (Между прочим, перу Е.В. Душечкиной принадлежит многократно переизданная монография «Русский святочный рассказ: становление жанра», последнее издание: М.: Новое литературное обозрение, 2023.) Мало того: предмет пристального внимания становятся и частные, как будто бы несущественные образы и мотивы, как, например, упоминания о болотах и болотистой местности у Чехова (статья «Болотная топика у Чехова»). И даже междометие «чу», получившее права гражданства в русской поэзии стараниями Жуковского — автора баллады «Людмила», хотя, как показала Е.В. Душечкина, встречавшееся в произведениях изящной словесности и раньше (статья «Это странное “чу!..”»: о междометии чу в русской поэзии).

Работы, включенные в сборник, показывают: в деталях может скрываться отнюдь не только дьявол; в «мелочах» в свернутом, сжатом виде заключено своеобразие поэтики. Так, анализ особенностей прямой речи в летописании выводит на существенные свойства древнерусской словесности, для которой характерны идейная

«монологичность» и трансформация реальности по правилам так называемого литературного этикета. Рассматривая в ранней статье «Прение Яна Вышатича с волхвами» диалог православного и язычников из статьи «Повести временных лет» под 1071 годом, Е.В. Душечкина заключает: «... хотя, казалось бы, в речах действующих лиц летопись приводит различные суждения, все они сводятся к двум — правильным и неправильным» (37). Точность воспроизведения устной речи и ситуации ее произнесения, как показано в другой работе — статье «Художественная функция чужой речи в русском летописании», для книжника не значима, существенно лишь ее содержание. Исследование прямой речи в летописях приоткрывает особенности поэтики времени и пространства в древнерусской книжности: «За время речи ничего в мире произойти не может, как будто бы в единицу времени происходит лишь одно событие... Во время речи не может войти человек, для которого эта речь не предназначена, содержание разговора никто не может подслушать, как это часто наблюдается в классицистических драмах. Не могут быть убиты князья во время речи-воззвания, равно как их не могут не услышать в пылу битвы» (77–78). Принципиальна характеристика функционирования устной речи в летописях, как, впрочем, и в других древнерусских памятниках: «Произнесенная речь должна быть услышана и понята. Непонимание может выступать лишь как неприятие точки зрения, но не как непонимание смысла высказывания, то есть на уровне содержания, а не выражения» (77–78).

Внимательность ко всем деталям текста Е.В. Душечкина проявляет и при целостном монологическом анализе лирических произведений, как в статьях «Стихотворение Ф.И. Тютчева “Есть в осени первоначальной...”» и «Стихотворение Н.А. Некрасова “Вчерашний день, часу в шестом...”». В случае с некрасовским произведением тщательное исследование позволяет ученому аргументированно датировать его 1850-ми годами и объяснить, почему поэт именно в 1873 году вписал его в альбом Ольги Козловой.

Плоды трудов ученого в отличие от произведений писателей обезличены: одно и то же научное открытие могут совершить независимо друг от друга разные исследователи, но написать «Евгения Онегина» вопреки эпатазирующему суждению Осипа Брика мог только Пушкин. Тем не менее биография и внутренний мир человека науки небезынтересны для непраздно любопытной публики. Особенно если это гуманитарий, для которого сродненность с предметом изучения глубже, чем для естествоведов. Последний раздел рецензируемой книги — «Своими словами: зарисовки, записки, эссе» — содержит мемуарные тексты Е.В. Душечкиной, в том числе посвященные знаменитым филологам (Ю.М. Лотману, З.Г. Минц,

М.Л. Гаспарову). Особенно замечательно среди них, на мой взгляд, эссе «Будни и праздники молодой ростовчанки (1920-е — начало 1930-х гг.)», в котором изложены воспоминания Веры Дмитриевны Фоменко, матери автора. В нем прекрасно проявился интерес Е.В. Душечкиной к культуре повседневности, стимулировавший и ее ученые труды о новогоднем празднике и русской елке.

В отличие от мемуарных текстов все собранные в сборнике статьи являются републикациями. Поэтому детально оценивать их научную значимость было бы не совсем корректно, тем более что тематика многих из них выходит за пределы профессиональной компетенции рецензента. Однако не только любопытствующим читателям, не являющимся филологами или историками культуры, но и, несомненно, многим ученым, не относящимся к числу узких специалистов по предметам, затронутым Е.В. Душечкиной, книга дарит радостную возможность прочитать эти тексты впервые. Среди благодарных читателей, несомненно, будут и школьные учителя, которым и адресованы некоторые тексты, и студенты, и университетские преподаватели. Стоит добавить, что каждый раздел сборника предваряется статьями о работах Е.В. Душечкиной по соответствующим предметам, написанными известными учеными, и что в книгу включена полная библиография работ ее автора.

Поступила в редакцию 22.05.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 07.09.2023

Received 22.05.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 07.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Ранчин Андрей Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aranchin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Ranchin — Dr. Sci, Professor, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; aranchin@mail.ru

**ГРИГОРЬЕВ А.А. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ: В 10 Т. /
ИЗД. ПОДГ. Б.Ф. ЕГОРОВ И А.П. ДМИТРИЕВ. Т. I–III.
СПб., 2021–2022**

Л.А. Трахтенберг

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва; Lev_A_T@inbox.ru*

Аннотация: Начата публикация собрания сочинений Аполлона Григорьева, в котором предполагается поместить все его произведения. Подобного издания до сих пор не существует. Первый том включает поэзию Григорьева, второй и третий — оригинальные и переводные драмы в стихах. Собрание сочинений — итог многолетней исследовательской работы Б.Ф. Егорова. После его кончины работу продолжает готовивший издание вместе с ним А.П. Дмитриев. Издание развивает традиции литературоведческой школы Пушкинского Дома.

Ключевые слова: русская литература XIX века; А.А. Григорьев; полное собрание сочинений; текстология; комментарий; Институт русской литературы РАН

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-17

Для цитирования: Трахтенберг Л.А. Григорьев А.А. Собрание сочинений: В 10 т. / Изд. подг. Б.Ф. Егоров и А.П. Дмитриев. Т. I–III. СПб., 2021–2022 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 199–203.

**GRIGORYEV A.A. SOBRANIE SOCHINENII (COLLECTED
WORKS): IN 10 VOLS. ED. BY B.F. EGOROV AND
A.P. DMITRIEV. VOL. I–III. ST. PETERSBURG, 2021–2022**

Lev Trakhtenberg

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Lev_A_T@inbox.ru

Abstract: The new *Collected Works* of Grigoryev aim to include everything he had written. No edition of this author has ever reached such a scope. Vol. I includes Grigoryev's poetry, vols. II and III comprise verse drama, both original and translated from French, Greek and English. The present collection was conceived by B.F. Egorov, who would study Grigoryev's life and oeuvre for more than half a century. He worked in cooperation with A.P. Dmitriev, who took over this labour after Egorov's death. This edition continues the scholarly tradition of the Pushkin House.

Keywords: 19th-century Russian literature; A.A. Grigoryev; complete works; text criticism; commentary; Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences

For citation: Trakhtenberg L. (2023) Grigoryev A.A. *Sobranie Sochinenii (Collected Works)*: In 10 vols. Ed. by B.F. Egorov and A.P. Dmitriev. Vol. I–III. St. Petersburg, 2021–2022. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 199–203.

Григорьев А.А. *Собрание сочинений*: В 10 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; Санкт-Петербургский институт истории РАН; изд. подг. Б.Ф. Егоров и А.П. Дмитриев. Т. I: Стихотворения. Поэмы. Переводы поэзии. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2021. 704 с.; Т. II: Драматические произведения: Оригинальные драмы. Переводы драм в стихах с французского языка. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2021. 776 с.; Т. III: Переводы драм в стихах с древнегреческого и английского языков. СПб.: ООО «Полиграф», 2022. 624 с.

В 2021 году начало выходить *Собрание сочинений* А.А. Григорьева в 10 томах. Инициатором издания и главным редактором первых двух томов был Борис Федорович Егоров (1926–2020). Вместе с ним над изданием работал Андрей Петрович Дмитриев. В связи с кончиной Б.Ф. Егорова А.П. Дмитриев принял на себя обязанности главного редактора начиная с т. III.

Хотя нынешнее *Собрание сочинений* не называется полным, фактически оно именно таково: редакция ставит задачу опубликовать все известные произведения Григорьева — поэта-лирика, драматурга, переводчика, прозаика, критика. Такого издания до сих пор нет. Попытки подготовить *собрание сочинений* Григорьева предпринимались Н.Н. Страховым в 1876 г., В.Ф. Саводником в 1915–1916 гг. и В.С. Спиридоновым в 1918 г., но первое и третье издания остановились на т. I, Саводник же, печатавший *собрание* отдельными выпусками и не претендовавший на его полноту, успел опубликовать в его составе лишь ряд важных литературно-критических статей, а также мемуары — «Мои литературные и нравственные скитальчества». Авторитетные издания поэзии Григорьева выпустили А.А. Блок в 1915 г. (на тит. л. — 1916), Н.Л. Степанов в 1937-м, Б.О. Костелянец в 1959-м, критики — А.И. Журавлева в 1980 г. Однако, при всем значении этих книг, задача собирания всех произведений Григорьева так и не была решена. Это определяет исключительную важность труда, предпринятого редакторами нынешнего издания.

Подготовка *Собрания сочинений* стала итогом более чем полувековой работы Б.Ф. Егорова по изучению биографии и творчества

Григорьева и публикации его произведений. Б.Ф. Егоров подготовил издания произведений Григорьева, принадлежащих к разным жанрам: «Литературная критика» (1967), «Стихотворения и поэмы» (1978), «Воспоминания» (1980), «Театральная критика» (1985, совм. с А.Я. Альтшуллером, Т.Б. Забозлаевой и др.), «Искусство и нравственность» (1986), «Сочинения» (в 2 т., 1990, совм. с А.Л. Осповатом), «Письма» (1999, совм. с Р. Виттакером), «Стихотворения. Поэмы. Драмы» (2001). Текстологические изыскания Б.Ф. Егорова и проведенная им работа по комментированию произведений Григорьева послужили основой нынешнего издания. В частности, драма «Басурман», написанная по мотивам одноименного романа Лажечникова, была впервые опубликована Б.Ф. Егоровым в сборнике 2001 года; драма «Отец и сын», подготовленная им к печати совместно с А.М. Конечным, впервые увидела свет в настоящем издании. К прискорбию, Б.Ф. Егоров ушел из жизни, не успев увидеть напечатанными даже первых томов Собрания сочинений.

Принцип организации материала в собрании, в соответствии с общепринятой практикой, жанрово-хронологический. Первый том включает четыре раздела: «Стихотворения», «Поэмы», «Переводы поэзии» (где, в свою очередь, тексты распределены по языкам, с которых выполнены переводы, и далее по авторам: с немецкого Григорьев переводил стихи Гете, Шиллера, Гейне и др., с французского — Беранже и Мюссе, с английского — Байрона) и «Стихотворения, приписываемые А.А. Григорьеву». Следующие два тома отведены драматургии. Во второй том включены оригинальные драмы Григорьева и выполненные им переводы пьес Мольера и Делавиня, в третий — переводы трагедии Софокла «Антигона» и трех пьес Шекспира.

При подготовке Собрания сочинений важнейшей текстологической задачей было выявление произведений Григорьева, нередко забытых, разбросанных по разнообразным изданиям и фондам рукописных хранилищ. Эта задача решена в рецензируемом издании со всей возможной сегодня полнотой. Вместе с тем отвергнуты некоторые предлагавшиеся ранее недостаточно обоснованные атрибуции: например, в корпус текстов Григорьева не включено стихотворение «Долго нас помещики душили...» (комментаторы, впрочем, допускают, что он сочинил на эти слова музыку).

Следуя традициям Пушкинского Дома, редакторы дают тексты в сегодняшней орфографии, сохраняя лишь некоторые индивидуальные особенности авторского правописания. С этим решением нельзя не согласиться: благодаря такому подходу собрание сочинений доступно не только филологам, но и читателям-неспециалистам.

С авторским текстом редакторы обращаются бережно, почти не прибегая к конъектурам. Исправления в тексте допускаются лишь в самых ясных случаях, когда не только налицо ошибка в источнике, но и очевиден путь ее исправления: например, в стихах «Ах, как забавен <он> — я в нем приобретаю» и «А кстати — <я> прошу мне рассказать» (т. 2, с. 618, 628; оба примера — из вольноямбического перевода комедии Делавиня «Школа стариков»).

Издание снабжено основательным научным аппаратом. Первый том открывается статьей Б.Ф. Егорова «Аполлон Григорьев — поэт, прозаик, критик» (с. 5–94), которая представляет собой предельно емкий очерк жизни и творчества писателя. Публикуемые произведения сопровождаются развернутыми комментариями, в которых указаны источники текста, освещена его история, насколько это позволяют сделать дошедшие до нас материалы. В комментариях также реконструирован биографический контекст, раскрыты аллюзии на реальные события и наиболее значительные литературные реминисценции, уделено внимание критической рецепции произведений. Показано, какое место занимают выполненные Григорьевым переводы в истории рецепции зарубежной литературы. Там, где текст Григорьева не передает некоторых деталей оригинала, приводятся параллельные места из других переводов, проясняющие смысл.

Долгое время А.А. Григорьев был одним из многих крупных русских писателей, не имевших полного собрания сочинений, хотя по своему историко-литературному значению, несомненно, его заслуживающих. Нынешнее издание восполняет этот очевидный пробел. Оно не только откроет новые перспективы изучения творчества Григорьева, но и будет полезно историкам русской литературы, критики, театра, музыки его эпохи в целом, поскольку он внес вклад во все эти области искусства. Интересный материал для себя найдут здесь специалисты по истории и теории перевода, компаративисты и стиховеды. Пожелаем главному редактору Собрания сочинений Андрею Петровичу Дмитриеву успешного завершения этого фундаментального труда, который отдает долг памяти и самого поэта, и Б.Ф. Егорова — крупнейшего исследователя его творчества и классика отечественного литературоведения.

Поступила в редакцию 29.08.2023

Принята к публикации 15.09.2023

Отредактирована 29.09.2023

Received 29.08.2023

Accepted 15.09.2023

Revised 29.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Трахтенберг Лев Аркадьевич — профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
Lev_A_T@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lev Trakhtenberg — Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Lev_A_T@inbox.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА: ТРИ КОНФЕРЕНЦИИ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОSOVA

Д.П. Ивинский

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; dmitrij_ivinskij@mail.ru*

В.Л. Коровин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; korovinv@yandex.ru*

Аннотация: В декабре 2021, декабре 2022 и мае 2023 г. кафедра истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова провела три всероссийские научные конференции, посвященные русской литературе XVIII века и приуроченные к юбилейным датам (в 2021 г. — к 310-летию со дня рождения М.В. Ломоносова и 255-летию Н.М. Карамзина, в 2022 г. — к 250-летию журнала Н.И. Новикова «Живописец», в 2023 г. — к 320-летию В.К. Тредиаковского и 280-летию Г.Р. Державина). В работе конференций принимали участие филологи, историки, книговеды, переводчики; в их числе были ученые из МГУ и других вузов и научных учреждений Москвы, из Санкт-Петербурга, Самары, Ульяновска и др., а также из Италии, Казахстана и Китая. Было заслушано более 65-ти докладов, посвященных как общим, так и частным проблемам изучения русской литературы XVIII века и творчеству отдельных писателей. Даже краткий обзор этих докладов, предлагаемый в данной статье, дает представление о многогранности осмысления русской литературы XVIII века в современной науке и возрастающем интересе к ней.

Ключевые слова: филологические науки; история русской литературы XVIII века; М.В. Ломоносов; В.К. Тредиаковский; А.П. Сумароков; М.М. Херасков; Н.И. Новиков; Г.Р. Державин; Н.М. Карамзин

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-18

Для цитирования: Ивинский Д.П., Коровин В.Л. История русской литературы XVIII века: три конференции на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 204–210.

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 18th CENTURY: THREE CONFERENCES AT THE FACULTY OF PHILOLOGY OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Dmitriy P. Ivinskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dmitrij_ivinskiy@mail.ru

Vladimir L. Korovin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; korovinv@yandex.ru

Abstract: In 2021–2023 the Department of the History of Russian Literature at the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University organized three scholar conferences dedicated to the significant dates in the Russian literature of the 18th century. The first of them was devoted to the 310th anniversary of Mikhail Lomonosov and the 255th anniversary of Nikolay Karamzin (2021), the second — to the 250th anniversary of Nikolay Novikov's magazine *The Painter* (2022) and the last of them — to the 320th anniversary of Vasilii Trediakovsky and the 280th anniversary of Gavriil Derzhavin (2023). The conferences were attended by philologists, historians, bibliologists, translators, including scholars from Moscow State University and other universities and scientific institutions from Moscow, St. Petersburg, Samara, Ulyanovsk, etc., as well as from Italy, Kazakhstan and China. More than 65 reports were presented, they were devoted to both general and specific problems of studying Russian literature of the 18th century. In this paper we provide a brief review of these materials, that gives an idea of the complicated aspects of scholarly interpretations of 18th-century Russian literature.

Keywords: Philological Sciences; History of Russian Literature of the 18th century; M.V. Lomonosov; V.K. Trediakovsky; A.P. Sumarokov; M.M. Kheraskov; N.I. Novikov; G.R. Derzhavin; N.M. Karamzin

For citation: Ivinskiy D.P., Korovin V.L. (2023) History of Russian Literature of the 18th Century: Three Conferences at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 5, pp. 204–210.

Одним из основных направлений научной деятельности кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ является изучение литературы XVIII века. Можно назвать этому несколько причин. Во-первых, она обладает и идеологической, и эстетической ценностью, которая с течением времени представляется нам все более значительной. Во-вторых, без нее невозможно понять позднейшую русскую классику, теснейшим образом с ней связанную: от Пушкина до Блока, от Тютчева до Ходасевича, от Гоголя до Андрея Белого всё находилось в постоянном общении с нею. В-третьих, с русской литературой XVIII века связаны *все* культурные

константы императорского периода русской истории и *все* конфликты, разворачивавшиеся вокруг этих констант на протяжении XIX и XX вв. Именно на материале русской литературы XVIII века создавались труды, определявшие уровень историко-литературных исследований в области русистики, в том числе Я.К. Грота, Л.В. Пумпянского, П.Н. Беркова, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, В.М. Живова, В.Н. Топорова, Ю.К. Щеглова и мн. др. И, наконец, она теснейшим образом связана с историей Московского университета: большинство русских авторов XVIII — начала XIX вв. так или иначе были связаны с ним. М.В. Ломоносов по праву считается одним из его основателей. М.М. Херасков в течение нескольких десятилетий фактически управлял Московским университетом или, во всяком случае, оказывал сильнейшее влияние на всю его деятельность. Н.И. Новиков, с именем которого связана история русского Просвещения, развернул свою деятельность при поддержке Хераскова, обеспечившего ему возможность аренды университетской типографии. В числе студентов университета были И.Ф. Богданович и Д.И. Фонвизин. А.Н. Радищев получил начальное образование в доме А.М. Аргамакова, первого директора университета. М.Н. Муравьев, на творчество которого опирались крупнейшие поэты пушкинского времени, начинал свой жизненный путь в университетской гимназии и студенческих аудиториях Московского университета, а заканчивал его попечителем университета. Н.М. Карамзин, прошедший свои школьные годы в пансионе Иоганна Шадена, ректора университетских гимназий и профессора Московского университета, свою литературную деятельность начинал также при университете.

Всероссийская научная конференция **«От Ломоносова до Карамзина: Актуальные проблемы изучения истории русской литературы XVIII — начала XIX вв.»**, приуроченная к 310-летию со дня рождения Ломоносова, 255-летию со дня рождения Карамзина и 80-летию филологического факультета МГУ, состоялась 21–22 декабря 2021 г. С приветственным словом к участникам обратился зав. кафедрой В.Б. Катаев, после чего прозвучало выступление Д.П. Ивинского (МГУ) «Русская литература XVIII века и Московский университет».

В секции «Литературный процесс и его контексты» были прочитаны доклады В.И. Аннушкина (ИРЯ имени А.С. Пушкина) «Философия слова, словесные науки и текстология трудов М.В. Ломоносова как перспективы изучения его наследия», Н.Б. Кардановой (Генуэзский ун-т, Департамент совр. языков и культур) «Дипломатический этикет Петровской эпохи в “Гистории о Василии Кориотском”», А.А. Евдокимова (филологический ф-т МГУ), «Проза vs стих

в русских шекспировских переводах XVIII в.», О.Б. Кафановой (Санкт-Петербургский ин-т бизнеса и инноваций) «Две ипостаси Н.М. Карамзина, или Переводческий дискурс в карамзинских журналах», С.А. Джанумова (МПГУ) «Петербург: от поэзии и прозы XVIII в. к “Медному Всаднику” А.С. Пушкина», Д.П. Ивинского (МГУ) «А.П. Сумароков, М.М. Херасков, Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин в историко-литературной концепции П.А. Вяземского», О.Л. Довгий (МГУ, РГГУ) «Тема “Пушкин и Кантемир” в историко-литературной концепции Брюсова», Л.Ф. Кациса (зав. Учебно-научной лабораторией мандельштамоведения ИФИ РГГУ) «Мандельштам и Сумароков».

Пять докладов были оглашены на секции «Ломоносов и его время»: А.А. Пауткина (МГУ) «Тельное и телесное в “Путнике” Иоанна Максимовича», В.Л. Коровина (МГУ) «Лицемерие и благочестие: о стихотворении А.П. Сумарокова “История Сосанны”», Ю.В. Сложеникиной (Самарский гос. ин-т культуры) «Добродетель в идеологическом контексте “Трудолюбивой Пчелы”», А.В. Растягаева (Самарский гос. ин-т культуры) «Метатекстовое единство июньской книжки журнала “Трудолюбивая Пчела”», Н.Р. Рыжовой (Литературный ин-т имени А.М. Горького) «Комедия Мольера “Тартюф” и антимасонские пьесы Екатерины II». Третья и четвертая секции были посвящены Державину и Карамзину соответственно; здесь были заслушаны доклады И.А. Есаулова (Литературный ин-т имени А.М. Горького) «“На смерть князя Мещерского” Державина: преодоление риторики в оде “Бог”», Е.А. Пастернак (МГУ) «Об оригинальных строфических решениях Г.Р. Державина», И.Е. Прохоровой (МГУ) «Я.Е. Сиверс в пантеоне Н.И. Тургенева-публициста», Ю.Б. Орлицкого (РГГУ) «“Творение” Н.М. Карамзина (1801) в контексте истории новой русской прозиметрии», Л.А. Сапченко (Ульяновский гос. пед. ун-т) «Образ автора в очерке Н.М. Карамзина “О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича”», С.А. Васильева (Литературный ин-т имени А.М. Горького) «Образ рая в творчестве Н.М. Карамзина», И.В. Моклецовой (МГУ) «Русский монастырь в произведениях Н.М. Карамзина», Г.Ю. Карпенко (Самарский гос. ун-т) «Зарождение историософии “восточного чувства” в творчестве Н.М. Карамзина и “гегелевская традиция”». Пятая секция была посвящена влиянию Хераскова и Карамзина на позднейшую русскую литературу; прозвучали доклады А.И. Любжина (Ун-т Дмитрия Пожарского) «М.М. Херасков в оценке А.С. Пушкина», А.В. Семеновой (Казахстанский филиал МГУ) «А.С. Пушкин и М.М. Херасков: неочевидные пересечения», В.М. Гуминского (ИМЛИ РАН) «Н.М. Карамзин и С.П. Шевырев на пути к Троице», В.А. Воропаева (МГУ) «Гоголь в истории русской литературы: ис-

точниковедческий аспект», Н.В. Куца (МГУ) «Е.Ф. Розен и Н.М. Карамзин», Н.А. Демичевой (ИМЛИ РАН) «Влияние историософской позиции Н.М. Карамзина на интерпретацию присоединения Новгорода к Москве в литературе XIX в.», А.С. Ефимова (Москва) «А.А. Дьяков и Н.М. Карамзин», Е.С. Максимовой «“История государства Российского” как первый русский роман: карамзинский претекст в гипертексте “Бесконечного тупика” Д.Е. Галковского». В шестой секции прозвучали доклады, посвященные международным связям русской литературы: Н.Т. Пахсарьян (МГУ), «Мариво-прозаик и русская литература XVIII в.», Пэй Цзян (Китай) «“Французский маркиз”: первое издание пьес И.А. Крылова в Китае», Ю.А. Матвеевой (Гос. литературный музей) «Поэты XVIII в. в альбоме А.Л. Пушкиной», А.Ф. Багаевой (МГУ) «Греческий взгляд на русско-турецкую войну 1768–1774 г.: сочинения А.П. Палладоклиса в русских переводах», Н.И. Михайловой (Гос. музей А.С. Пушкина) «Пушкин и Гете: о возможном источнике стихотворения “Брожу ли я вдоль улиц шумных...”», М.М. Черниговского (СПбГУ) «Русские литераторы XVIII в. и становление оперного искусства в России в контексте истории международных отношений».

Отдельное заседание было посвящено ученым кафедры истории русской литературы, обращавшимся в своих трудах к XVIII в. В.Л. Харламова-Либан выступила с докладом «Н.И. Либан о русской литературе XVIII в.», Д.П. Ивинский — с воспоминаниями о Н.И. Либане, П.А. Орлове, А.М. Пескове.

24 декабря 2022 г. кафедра истории русской литературы провела всероссийскую научную конференцию «**Николай Иванович Новиков и его время**», приуроченную к 250-летию моралистического журнала «Живописец».

Конференцию открыл зав. кафедрой В.Б. Катаев. Вступительное слово «Н.И. Новиков и русская литература» произнес Д.П. Ивинский. Прозвучали доклады Л.А. Сапченко (Ульяновский гос. пед. ун-т) «Материалы о Н.И. Новикове в хронике петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина», О.Б. Кафановой (Санкт-Петербургский ин-т бизнеса и инноваций) «Школа журналистики Н.М. Карамзина: сотрудничество в “Детском чтении для сердца и разума” Н.И. Новикова», М.Ю. Осокина «Николай Новиков и Михаил Веревкин», Н.А. Афанасьевой (Казахстанский филиал МГУ) «Н.И. Новиков и Я.Б. Княжнин: к постановке проблемы», О.Л. Довгий (МГУ, РГГУ) «Н.И. Новиков и эмблематика», А.А. Пауткина (МГУ) «Парадоксы села Авдотьино. По следам поездки к Н.И. Новикову», Д.П. Ивинского (МГУ) «Н.И. Новиков — издатель собрания сочинений А.П. Сумарокова», В.Л. Коровина (МГУ) «О “духовных стихотворениях” и “духовных сочинениях” А.П. Сумарокова в издании

Н.И. Новикова», Н.И. Николаева и М.В. Безруковой (САФУ, г. Северодвинск) «Социальное мироустройство в журналах Н.И. Новикова», Л.А. Трахтенберга (МГУ) «О литературном контексте статьи “Смеющийся Демокрит” в журнале Н.И. Новикова “Трутень”», Д.И. Мишиной (МГУ) «К интерпретации “Пословиц Российских” Н.И. Новикова», А.В. Семеновой (Казахстанский филиал МГУ) «“Обитель праведников” в поэме М.М. Хераскова “Владимир” и представления об идеальном властителе в кружке московских мартинистов», Н.Б. Кардановой (Италия) «Н.И. Новиков и наследие Петра I».

13 мая 2023 г. кафедрой истории русской литературы была проведена всероссийская научная конференция «**В.К. Тредиаковский и Г.Р. Державин в истории русской литературы**», приуроченная к 320-летию Тредиаковского и 280-летию Державина и посвященная памяти Александра Евгеньевича Махова (1959–2021), безвременно ушедшего выдающегося филолога, теоретика литературы и историка русской и европейской литературы.

Конференцию открыл зав. кафедрой В.Б. Катаев. Прозвучали доклады Д.П. Ивинского (МГУ) «В.К. Тредиаковский, Ф. Фенелон и русская литература XVIII–XIX вв.», С.В. Дурасова (Москва) «Личность и дело В.К. Тредиаковского: размышления переводчика», Ю.Э. Шустовой (РГБ, РГГУ) «Работы В.К. Тредиаковского по истории календаря и пасхалии», Д.В. Ларковича (Сургутский гос. пед. ун-т) «Ритмические вариации в переложениях 1-го псалма в XVIII веке: (от М.В. Ломоносова до Г.Р. Державина)», Е.А. Пастернак (МГУ) «Переложения из Псалтири В.К. Тредиаковского и Г.Р. Державина: версификационные и стилистические особенности», В.Л. Коровина (МГУ) «О “библейских песнях” в переложениях В.К. Тредиаковского», Л.А. Трахтенберга (МГУ) «О предметном указателе к “Тилемахиде”», М.Ф. Надъярных (ИМЛИ РАН) «“Топос изобретателя” в поэтологических полемиках XVIII века», Су Кэ (Китай) «О любовной лирике В.К. Тредиаковского (стихотворения “Песенка любовна”, “Без любви и без страсти” и “Прошение любви”», Л.О. Мысовских (Екатеринбург) «Смысл существования человека в оде Г.Р. Державина “Водопад”», А.В. Архангельской (МГУ) «Особенности поэтики финала в баснях Г.Р. Державина», Ю.Б. Орлицкого (РГГУ) «“Езда в остров любви” 1834 г. как образцовая прозиметрическая книга», В.А. Воропаева (МГУ) «Г.Р. Державин в творческом наследии Н.В. Гоголя», О.Л. Довгий (МГУ, РГГУ) «Г.Р. Державин в зеркале А.Е. Махова».

Отдельное заседание было посвящено презентации первого тома собрания сочинений А.Е. Махова «О русской литературе» (сост., общ. ред., предисл. О.Л. Довгий. Тула: Аквариус, 2023. 720 с.).

Таким образом, в ходе трех конференций было заслушано более 65-ти докладов, посвященных различным аспектам истории русской литературы XVIII века и творчеству отдельных писателей.

Поступила в редакцию 18.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 07.09.2023

Received 18.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 07.09.2023

ОБ АВТОРАХ

Ивинский Дмитрий Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; dmitrij_ivinskij@mail.ru

Коровин Владимир Леонидович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; korovinv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Dmitriy Ivinskiy — Doctor of Philology, Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dmitrij_ivinskij@mail.ru

Vladimir Korovin — Doctor of Philology, Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; korovinv@yandex.ru

ВОПРОСЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ АФРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И.Г. Меркулова

Международный центр семиотики и диалога культур Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия; igmerkulova@gau gn.ru

Аннотация: В обзоре представлены результаты международного круглого стола «К семиотике форм в африканской литературе», который прошел в рамках Фестиваля культур стран Африки во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино 19 июля 2023 г. Дискуссия была организована Международным центром семиотики и диалога культур Государственного академического университета гуманитарных наук (МЦС ГАУГН) в сотрудничестве с Культурным центром «Франкотека» ВГБИЛ. В дискуссии приняли участие Жорис Бертен Мадебе, доктор лингвистики и семиотики, ведущий научный сотрудник Национального центра научных и технологических исследований Габона (Либревиль), и Инна Геннадьевна Меркулова, доктор лингвистики и семиотики, доцент, основатель и руководитель Международного центра семиотики и диалога культур ГАУГН (Москва). Участники обсудили книгу профессора Мадебе «К семиотике форм. Введение в семиотическую критику африканской литературы» (2022).

Ключевые слова: семиотика; африканская литература; формы жизни

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-19

Для цитирования: Меркулова И.Г. Вопросы семиотического осмысления африканской литературы // Вестн. Моск. Ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 211–216.

ISSUES OF SEMIOTIC INTERPRETATION OF AFRICAN LITERATURE

Inna G. Merkoulouva

International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; igmerkulova@gau gn.ru

Abstract: The review presents the results of the international round table *On the Semiotics of Forms in African Literature*, which was held on July 19, 2023 as part of the Festival of African Cultures at the Russian State Library for Foreign Literature named after M.I. Rudomino. The discussion was organized by the International

Center for Semiotics and Intercultural Dialogue of the State Academic University for the Humanities (MTCS GAUGN) in cooperation with the Cultural Center Francothèque of the Russian State Library for Foreign Literature. The discussion was attended by Georice Berthin Madébé, Doctor of Linguistics and Semiotics, Leading Researcher at the National Center for Scientific and Technological Research of Gabon (Libreville), and Inna Merkoulouva, Doctor of Linguistics and Semiotics, Associate Professor, founder and director of the GAUGN International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue (Moscow). The participants discussed Professor Madebe's book *On the Semiotics of Forms. An Introduction to Semiotic Criticism of African Literature* (2022).

Keywords: semiotics; African literature; life forms

For citation: Merkoulouva I.G. (2023) Issues of Semiotic Interpretation of African Literature. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 211–216.

В первые десятилетия XXI в. семиотика как наука о знаковых системах и возникновении значения приобретает новое актуальное звучание. Традиции развития дисциплины с середины прошлого столетия (Московско-Гартуская школа, Парижская школа) сегодня находят свое продолжение в новых географических ареалах — в странах Африки, Азии, Латинской Америки, на Дальнем и Ближнем Востоке.

Книга известного африканского семиотика и литературоведа Жориса Бертена Мадебе (Габон) «К семиотике форм. Введение в семиотическую критику африканской литературы» (*Pour une sémiotique des formes. Introduction à la critique sémiotique de la littérature africaine*) вышла в феврале 2022 г. во французском издательстве «Л'Арматтан» (Париж). Выбор издателя оказался неслучаен: основанный в 1975 г. книжный дом «Л'Арматтан» специализируется на издании научно-популярной литературы с особым вниманием к Африке к югу от Сахары. Само название издательства — в честь харматтана, сухого западноафриканского ветра. С 2015 г. в издательстве существует серия «О смысле» (*Du sens*), в которой публикуются работы по семиотике, семантике и анализу дискурса. Книга Ж.Б. Мадебе была издана в данной серии.

В рамках Фестиваля культур стран Африки, проходившего во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино, 19 июля 2023 г. Международный центр семиотики и диалога культур Государственного академического университета гуманитарных наук, в сотрудничестве с Франкотекой ВГБИЛ, организовал круглый стол, посвященный африканской литературе и семиотике, с участием профессора Мадебе.

На встрече, проходившей в смешанном онлайн-офлайн-формате, присутствовали представители российских вузов и научно-иссле-

довательских институтов, руководство и читатели Франкотекки ВГБИЛ, а также студенты и преподаватели Университета Омара Бонго и руководители габонского отделения Университетского агентства франкофонии.

Жорис Бертен Мадебе — ведущий научный сотрудник Национального центра научных и технологических исследований Габона (Либревиль), ученый-семиотик, издатель и писатель, автор десяти монографий и сборников, посвященных семиотическим исследованиям африканского культурного контекста, вопросам франкофонии и социальной жизни современного Габона. Доктор лингвистики и семиотики Мадебе окончил аспирантуру Лиможского университета во Франции под руководством заслуженного профессора Жака Фонтанья — одного из ведущих мировых ученых в данной области, ученика и соавтора Альгирдаса Жюльена Греймаса (1917–1992), основателя Парижской семиотической школы.

У автора Жориса Бертена Мадебе и организатора дискуссии Инны Меркуловой многолетние научные связи: они вместе учились в аспирантуре под руководством профессора Фонтанья и впоследствии стали развивать семиотические исследования в русле антропосемиотики и семиотики культуры, каждый в своей стране.

На круглом столе Ж.Б. Мадебе рассказал о структуре книги «К семиотике форм», о выборе корпуса текстов для анализа, а также о перспективах развития семиотики на африканском континенте. В более чем 300-страничной монографии он излагает принципы общей семиотики Парижской школы применительно к литературным и устным африканским традициям. Среди авторов-теоретиков семиотического и лингвистического направления, к которым обращается Мадебе, — А.Ж. Греймас, а также Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев и Ч. Пирс, Н. Хомский и Ж. Петито. Важные реперные точки для него — работы Жака Фонтанья («Формы жизни» / *Formes de vie*, 2015) и Жана-Клода Коке («Поиск смысла. В поле зрения — язык» / *La quête du sens. Le langage en question*, 1997).

По мнению автора, цель его книги — ответить на ряд вопросов, например: как развивать семиотику в не-западном географическом пространстве? Как выстроить линию сотрудничества между структурализмом Парижской школы и другими семиотическими направлениями? Какова миссия семиотики и ученых-семиотиков в XXI веке?

Суммарный ответ Мадебе — в переходе от программной или структурной семиотики — к так называемой *топологической семиотике*. Иначе говоря, к такой теории смысла и значения, которая раскрывает и объясняет условия, когда конкретная культура как механизм влияет на процесс высказывания и отражает в нем свои

уникальные образы. Помимо нового взгляда на африканскую литературу, выход за пределы привычного пространства франкофонной критики подталкивает читателей к размышлению об эволюции самой семиотики как науки.

В предисловии к книге Мадебе Жак Фонтаний отмечает, что данное исследование — особый гибридный дискурс семиотических течений, сделанный самой Африкой и для Африки. Стиль автора книги можно охарактеризовать как «трудный», с обилием теоретических отсылок: манера письма задумана как осознанное «сопротивление» — не раствориться в общей семиотике Запада и Севера, найти свой уникальный голос. Книга задумана как «встреча» между общей семиотикой (спецификация) и критикой африканской литературы (семиотизация). Своеобразным «ключом» к семиотизации африканской литературы и литературной критики выступают инстанции высказывания, предложенные в субъектной семиотике Жана-Клода Коке. В центре анализа Мадебе — фундаментальная топология. Однако объектные топологические модели общей семиотики XX века (семиотический квадрат, семиосфера и др.) у габонского автора превращаются в топологию субъектную, организованную «вокруг центра», то есть самого рассказчика-аналитика.

Корпус анализа Мадебе охватывает произведения африканских авторов за прошедшее столетие — 1920–2023 гг. В его книге представлены пять ключевых периодов литературного развития на африканском континенте:

1. Период 1920–1950 гг., отмеченный сильным влиянием французских литературных мэтров эпохи (Сенегал: Bakary Diallo, *Force bonté*, 1926);

2. Период 1950–1960 гг. — эпоха жестко-критических романов движения «Негритюд» в защиту самобытности колониальных народов (Камерун: Ferdinand Oyono, *Une vie de boy*, 1956);

3. Период 1960–1980 гг. — период обретения независимости, обращение к постколониальному государству и поиск собственного жанра (Демократическая Республика Конго: M. a M. Ngal, *Giambatista Viko ou Le Viol du discours africain*, 1975);

4. Период 1980–2000 гг. — новые имена африканского романа, обращенные к местным традиционным культурным реалиям (Габон: Laurent Owondo, *Au bout du silence*, 1985);

5. Период 2000–2023 гг. — окончательный отказ от колониальной идентичности в африканской литературе, выход за пределы франкофонного пространства, фантастическое переосмысление африканского континента (Камерун: Léonora Miano, *Rouge impératrice*, 2019).

Для анализа различных стилей африканских авторов Ж.Б. Мадебе прибегает к лингвосемиотической теории высказывания, а также опирается на собственно литературную семиотику, наследницу структуралистских работ Владимира Проппа («Морфология волшебной сказки», 1928) и Юрия Лотмана («О семиосфере», 1984; «Культура и взрыв», 1992). Мадебе стремится создать теорию африканского романа, а затем на ее основе сформулировать общие семиотические правила, вдохновляясь идеями авторов Парижской и Московско-Тартуской школ. По мнению ученого, в африканских романах периода 1960–2000 гг. можно выделить четыре типа дискурсивных форм: классицизм и креативность, с одной стороны, и эксцентричность и типизация, с другой. Анализ литературных фактов в соответствии с данными четырьмя типами позволяет прийти к выводу, что африканская литература образует особую семиосферу, постоянно обновляющую свой дискурс и подпитываемую многочисленными культурными различиями на континенте. Семиотика форм предлагает теорию «глубинной субъективности», исходя из того, что дискурс не может быть оторван от порождающего его опыта и переживания.

Отвечая на вопрос о перспективах развития семиотики в Африке, Ж.Б. Мадебе отметил, что сегодня дисциплина активно развивается в университетах и научных институтах таких стран, как Габон, Сенегал, Буркина-Фасо, Кот-д’Ивуар. Его книга — попытка проверить убедительность общей семиотической теории, как она преподается в западных странах, в свете африканских культур. По мнению автора и участников дискуссии, из теоретического диалога на основе разных семиотических культур и подходов может возникнуть совершенно новый способ исследования смысла и значения, новые пути развития семиотической теории в целом. Что касается семиотики культуры Юрия Лотмана, то она могла бы стать перспективным толчком как для исследования традиций африканского континента, так и для развития новых международных научных проектов.

Видеозапись мероприятия на русском и французском языках: https://vk.com/francoteka_libfl?z=video-218613725_456239049%2Fvideos-218613725%2Fpl_-218613725_-2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Coquet J.-C.* La quête du sens. Le langage en question. Paris, 1997. 272 p.
2. *Fontanille J.* Préface. Littérature africaine et défis de la théorisation sémiotique. G.B. Madébé. Pour une sémiotique des formes. Introduction à la critique sémiotique de la littérature africaine. Paris, 2022, pp. 11–18.
3. *Fontanille J.* Formes de vie. Liège, 2015. 278 p.

4. *Madébé G.B.* Pour une sémiotique des formes. Introduction à la critique sémiotique de la littérature africaine. Paris, 2022. 340 p.

REFERENCES

1. Coquet J.-C. La quête du sens. Le langage en question. Paris: *PUF*. 1997. 272 p.
2. Fontanille J. Préface. Littérature africaine et défis de la théorisation sémiotique. G.B. Madébé. Pour une sémiotique des formes. Introduction à la critique sémiotique de la littérature africaine. Paris, *L'Harmattan*. 2022, pp. 11–18.
3. Fontanille J. Formes de vie. Liège, *PU de Liège*. 2015. 278 p.
4. Madébé G.B. Pour une sémiotique des formes. Introduction à la critique sémiotique de la littérature africaine. Paris, *L'Harmattan*. 2022. 340 p.

Поступила в редакцию 15.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 07.09.2023

Received 15.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 07.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Меркулова Инна Геннадьевна — доктор лингвистики и семиотики, кандидат филологических наук, доцент, основатель и руководитель Международного центра семиотики и диалога культур Государственного академического университета гуманитарных наук, igmerkulova@gaugn.ru

ABOUT THE AUTHOR

Inna Merkoulouva — Ph.D., Associate Professor, Founder and Director of the International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue, State Academic University for the Humanities, igmerkulova@gaugn.ru

ПАМЯТИ...

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ НИКОЛЮКИН

В.М. Толмачёв

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; zarubezh@philol.msu.ru

Аннотация: Ушел из жизни Александр Николаевич Николюкин (1928–2023), крупный ученый, советский и российский литературовед, доктор филологических наук, организатор науки. Главный научный сотрудник ИНИОН РАН, А.Н. Николюкин занимал пост главного редактора «Литературоведческого журнала»; являлся членом Союза писателей России, действительным членом РАЕН и МАНПО. Автор более 600 научных публикаций. Труды А.Н. Николюкина по истории литературы США, Великобритании, русской эмиграции, творчеству В.В.Розанова сформировали не одно поколение литературоведов. Многие из подготовленных им изданий становились знаковыми. Его присутствие в отечественной науке объединяло эпохи и стало символом служения филологии.

Ключевые слова: А.Н. Николюкин; литературоведение; русская литература; американская литература; английская литература; наследие русского зарубежья; биография; основные публикации А.Н. Николюкина

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-20

Для цитирования: Толмачёв В.М. Александр Николаевич Николюкин // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 217–224.

ALEXANDR NIKOLAYEVICH NIKOLYUKIN

V.M. Tolmatchoff

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; zarubezh@philol.msu.ru

Abstract: Alexandr Nikolayevich Nikolyukin, a major scholar, Soviet and Russian literary historian, doctor of philology, academic organiser, passed away. A.N. Nikolyukin was a chief researcher at INION RAS, editor-in-chief of the *Journal of Literary Studies*, a member of the Russian Writers' Union, a full member of the Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Pedagogical Education. He is the author of more than 600 academic publications. A.N. Nikolukin's works on the history of American and English literature, Russian émigré literature, as well as on V.V. Rozanov, has formed more than one generation of literary scholars.

Many of his editions had become an event. His presence in Russian academy united epochs and became a symbol of devoted service to philology.

Keywords: A.N. Nikolyukin; literary studies; Russian literature; American literature; English literature; A.N. Nikolyukin's biography and main publications

For citation: Tolmatchoff V.M. (2023) Alexandr Nikolayevich Nikolyukin. *Lo-monosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 217–224.

28 июля 2023 года в 1-й Градской больнице на 96-м году жизни скончался после операции Александр Николаевич Николюкин.

Из жизни ушел крупный, самобытный ученый, а также выдающийся организатор науки. А.Н. Николюкину суждено было стать последним русским литературоведом, родившимся в 1920-е годы и видевшим на своем веку многое: МГУ в конце сталинской эпохи, ИМЛИ в эпоху оттепели, брежневского застоя, ИНИОН в позднесоветское и постсоветское время. Как бы ни складывалась его жизнь в разные периоды, ее истинным проявлением А.Н. Николюкин считал время, проведенное за письменным столом. С одной стороны, в этом заключалось нечто академически-барское, с другой стороны — нечто подвижническое. Он всегда трудился с большим увлечением и искренне полагал, что пишет потому, что это ему интересно — отклики о себе научной среды его волновали мало. Но речь не шла о сосредоточенности на себе.

Так получилось, что в различные десятилетия А.Н. Николюкину суждено было стать первопроходцем в разработке тех или иных тем. В 1960–1980 годы это касалось американистики, русско-американских литературных связей, научного сопровождения переводной художественной литературы. Затем пришел черед истории критики, литературоведения. В 1990-е к этим темам добавилось литературное бытие первой волны русской эмиграции, а также творчество В.В. Розанова. В начале XXI века А.Н. Николюкин окончательно переключился с западного на «родное», на изучение и популяризацию ранее забытых или запрещенных официозом имен — выпускал научные издания того же Розанова, Д.С. Мережковского, а также русской консервативной критики XIX века. А.Н. Николюкин сохранял работоспособность вплоть до июля 2023 года, получая гранты, продолжая руководить издательскими проектами, а также не прекращая трудиться в ИНИОН РАН, где занимал должность главного научного сотрудника. Количество опубликованного А.Н. Николюкиным поражает! И тем более, что этот буквально подвижник науки последние двадцать лет жизни был полуслепым.

Как и все гуманитарии, А.Н. Николюкин был человеком своего времени. В его случае это коснулось в целом позитивистских принципов работы. Его сравнительно мало интересовали «тщательное чтение» художественного текста, красота интерпретации, а также общая проблематика (за исключением, пожалуй, периодизации романтизма в США). Вместе с тем, от поколения своих родителей и учителей ему передалось уважение к справочникам (и составлению справочников), тщательной фактологической проработке материала, умение найти и выстроить в цепочку цитаты. Следует отметить, что, стремясь в конечном итоге в свой кабинет, к книгам своей домашней библиотеки (большинство из них испещрено его пометками), А.Н. Николюкин с юных лет громадное время проводил в различных государственных библиотеках, изучая не столько литературоведческие труды, сколько периодику. Насыщенность его сочинений «литературными фактами» вызывает искреннее уважение — их много, и ими можно пользоваться самостоятельно или искать благодаря указанным источникам цитирования аналогичные. Склонность к опоре на те или иные факты биографии писателя, к культуре цитирования, к грамотному оформлению своих работ (А.Н. Николюкина всегда возмущали авторы, не упоминавшие своих научных предшественников, не снабжавшие выпущенные ими книги указателем имен!) естественно переросла в подготовку справочников, антологий, престижных научных изданий. Чего стоят «Писатели США о литературе», Э. По и У. Фолкнер в серии «Литературные памятники», издание комментариев В. Набокова к «Евгению Онегину», собрания сочинений Д.С. Мержковского, 17-томник (позднее 30-томник) В.В. Розанова, а также «Кто есть кто в российском литературоведении», «Литературная энциклопедия терминов и понятий», 4-томная «Энциклопедия русского зарубежья», «Розановская энциклопедия»!

А.Н. Николюкин как организатор науки не знал себе равных. Он умел реагировать на общественный запрос, подбирать авторов. В оперативные сроки, пусть порой не без некоторых неточностей, выходили монументальные издания. Он обзванивал сотни авторов, находил с ними общий язык и, главное, всеми правдами и неправдами добивался от них выполнения порученного им. Затем наступала его очередь — проверки материала и редактуры, редактуры доброжелательной, осуществлявшейся без нажима, тем более идеологического. На этом ученый не успокаивался, готовил переиздания, исправлял опечатки и ошибки, добавлял новый материал.

А.Н. Николюкин любил давать поручения молодым людям, поддерживал провинциалов, охотно оппонировал на защитах диссер-

таций. Для многих он, далекий от снобизма, высокомерия (распространенного подчас среди российских гуманитариев), стал примером служения филологии. При этом он всегда помнил о своих учителях — и прежде всего Р.М. Самарине, который поддержал его как провинциала в юные годы и с которым он вместе трудился в ИМЛИ.

Пожалуй, главным научным и человеческим достижением А.Н. Николюкина стало издание «полного» Василия Васильевича Розанова, а также «Розановской энциклопедии» и монографии о нем, вышедшей в серии «ЖЗЛ». Некоторые «розановолюбы» не всегда были согласны с принципами его текстологической деятельности, но сами, скажем прямо, утонув в частностях, не преуспели в работе по извлечению из небытия этой колоссальной литературной фигуры Серебряного века.

Трудно сказать, насколько А.Н. Николюкин совпадал с В.В. Розановым экзистенциально. Но точки пересечения, несомненно, существовали — любовь к России, русской культуре (прежде всего Пушкин, Достоевский), неприятие либерализма, «бесов русской революции», вольное отношение к православию и к русской православной церкви (при их приятии в целом), специфический (при этом непоследовательный в своих проявлениях) консерватизм. Несомненно, мимо А.Н. Николюкина не прошла и завороченность В.В. Розанова эротикой, а также продолжающим ее «обонятельным и осязательным» (в данном случае речь идет о живом материальном воплощении русской культуры — от еды до любви).

А.Н. Николюкин не сразу стал таким, каким его помнят по 1990-м или 2010-м годам. Как человек, переживший правление И. Сталина, Н. Хрущева, Л. Брежнева, Ю. Андропова, М. Горбачева, он изменялся со временем, корректировал при очередной смене правителей свои политические взгляды, но при этом, с одной стороны, оставался государственным и патриотом (не входя в те или иные «партии» московской интеллигенции), а с другой, делал это словно естественно для себя, не как беспринципный оппортунист. Сглаживала внутренние противоречия Александра Николаевича (если они были) его жена, Светлана Алексеевна Коваленко (литературовед, старший научный сотрудник ИМЛИ, специалист по советской поэзии, творчеству Анны Ахматовой, 1927–2007), его верный помощник, организатор семейного быта, а также тот «ангел-хранитель», благодаря энергии и дружеским связям которой ему удалось перезапустить научную карьеру и пережить, таким образом, кризис «середины жизни», связанный с увольнением из ИМЛИ РАН и исключением из КПСС (1974) за «аморальное поведение».

О последнем А.Н. Николюкин позднее сам рассказывал в интервью «Независимой газете» (интервью С. Дмитренко, 18.04.2013). Это и другие интервью академика РАЕН, а также его мемуаристика показывают, что А.Н. Николюкин был одним из немногих русских-советских-постсоветских гуманитариев, кто о прошлом, о своей биографии говорил не «плохо или хорошо», а правду.

Александр Николаевич Николюкин был отпет в храме московского Красного Села его духовником, прот. Артемием Владимировым, и похоронен рядом с женой в семейной могиле на кладбище села Троицкое (рядом со станцией Троицкая Рижской железной дороги).

В заключение приведем основные биографические сведения о покойном.

Вечная ему память!

Николюкин Александр Николаевич (26.05.1928, Воронеж — 28.07.2023, Москва) — исследователь американской и английской литератур, русской литературы и наследия русского зарубежья.

Отец — Николюкин Николай Иванович (1896–1976), выпускник Московского университета (1921), профессор Воронежского пединститута (1935), доктор биологических наук (1948); во время кампании Лысенко против вейсманистов-морганистов осенью 1948 года был уволен из пединститута, поскольку занимался гибридизацией рыб; в 1952 году на биостанции в Саратове вывел рыбу бестер (скрещении белуги и стерляди). Мать — Нина Аполлоновна Тимофеева (1896–1976), из дворянской семьи чиновника земства в Перми, по профессии биолог, с 1925 года работала вместе с мужем. Дед — Иван Николаевич Николюкин (1863–1918), выпускник Московского университета; был ведущим глазным врачом в воронежской городской больнице, служил врачом на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны и получил медаль. В конце 1917 года, после национализации его двухэтажного дома, уехал в родные Березняги Богучарского уезда Воронежской губернии, где на Пасху 1918 года умер от инфаркта.

В 1946 году А.Н. Николюкин окончил в Воронеже школу № 2 с золотой медалью, но из-за нахождения с семьей на оккупированной территории (Киев), не имел права поступать в МГИМО, а стал студентом искусствоведческого отделения исторического факультета ЛГУ. В 1947 году перевелся на искусствоведское отделение филологического факультета Мо-

сковского университета, а в 1949 году — на романо-германское отделение того же факультета. Участник семинаров И.А. Кашкина, Р.М. Самарина, Л.Е. Пинского. Своим основным учителем считал Р.М. Самарина, хотя и очень ценил Л.Е.Пинского.

По окончании Московского университета (1953) зачислен в аспирантуру ИМЛИ по специальности «Литература стран Европы и Америки»; в 1958 году защитил кандидатскую диссертацию «Массовая поэзия в Англии конца XVIII — начала XIX веков» (научный руководитель — А.А. Елистратова). С 1956 года Николюкин — научный сотрудник ИМЛИ, откуда был уволен в 1974 году при директорстве Б.Л. Сучкова. В 1970 году в Московском университете защитил докторскую диссертацию «Американский романтизм и современность». В 1976–2023 годы — старший научный сотрудник, затем ведущий и главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Николюкин — действительный член Российской академии естественных наук (1997), академик Международной академии педагогического образования (2000), член научного Совета АН РФ по изучению и охране культурного и природного наследия (комиссия по исследованию российской эмиграции); член СП России (1992); входил в ученые советы ИНИОН РАН, Московского государственного областного университета.

Николюкин являлся составителем и издателем ценных справочных изданий, «Литературной энциклопедии русского зарубежья» (Т. 1–4; 1997–2003); «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001), «Розановской энциклопедии» (2008), «Кто есть кто в российском литературоведении» (2011). С 1993 года он возглавил «Российский литературоведческий журнал» (с 2000 года — «Литературоведческий журнал»).

Николюкину, труженику и популяризатору русской литературы, а также неутомимому организатору науки, принадлежит более 600 публикаций о литературе Англии, США, русской литературе XVIII–XX вв., о литературных связях и литературе первого поколения русской эмиграции, о консервативной русской критике XIX в. Среди многочисленных книг Николюкина — «Американский романтизм и современность» (1968); «Человек выстоит: реализм У. Фолкнера» (1988); «Литературные связи России и США» (1981); «Голгофа Василия Розанова» (1998). Николюкин — составитель большого количества антологий («Эстетика американского романтизма», «Писатели США о литературе», «Американская романтическая проза», «Русский Нью-Йорк» и др.). Им подготовлены

к публикации сочинения Дж. Н. Г. Байрона, В. Ирвинга, У. Фолкнера, Р.П. Уоррена, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В.В. Розанова (собр. соч.: Т. 1–18. М., 1994–2003), Л. Н. Толстого (двухтомник «Круг чтения», 1991; «Путь жизни», 1993; «Философский дневник. 1901–1910», 2003). При активном участии Николюкина вышли собрание сочинений М.Н. Каткова (в 6 т., 2010–2011), Ю.Ф. Самарина (в 5 т., 2013–2020), С.П. Шевырева (в 7 т., изд. с 2019 г.), а также А.И. Одоевского (в 9 т.), изданы первые переводы книг В. Набокова «Ада, или Страсть» (1995), «Комментарии к “Евгению Онегину” Александра Пушкина» (1999). Николюкин — один из организаторов ежегодных Катковских чтений (с 2007 года).

В центре научных интересов Николюкина — западная и русская литература XVIII–XX вв., творчество В.В. Розанова, русская консервативная критика второй половины XIX в. Работы Николюкина выполнены в методике культурно-исторической школы, сравнительно-исторического литературоведения. В основе его сочинений идея о единстве в XX в. русской литературы в России и в русском зарубежье. Как компаративист Николюкин всегда выступал против теории направленного влияния одного писателя на других и отстаивал тезис о самодвижении, «коллективном отборе» в литературном процессе. Николюкин — автор интереснейших мемуаров о жизни ИМЛИ РАН в 1950–1970-е годы (см. кн. «Наедине с русской классикой»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Николюкин А.Н.* Американский романтизм и современность. М., 1968.
2. *Николюкин А.Н.* Взаимосвязи литератур США и России: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М., 1987.
3. *Николюкин А.Н.* Американские писатели как критики. М., 2000.
4. *Николюкин А.Н.* Розанов (серия ЖЗЛ). М., 2001.
5. *Николюкин А.Н.* О русской литературе: теория и история. М., 2003 (содержит библиографию трудов).
6. *Николюкин А.Н.* Наедине с русской классикой. М., 2013.
7. *Николюкин А.Н.* Собр. соч.: В 3 т. М., 2023.
8. *Аверьянов В.В.* О собрании сочинений В. В. Розанова // Москва. 2002. № 2.
9. *Аверьянов В.В.* Александр Николаевич Николюкин // Пед. образование и наука. 2003. № 2.

REFERENCES

1. *Nikoliukin A.N.* Amerikanskii romantizm i sovremennost'. M., 1968.
2. *Nikoliukin A.N.* Vzaimosvazi literatur SShA i Rossii: Turgenev, Tolstoi, Dostoevskii i Amerika. M., 1987.

3. Nikoliukin A.N. Amerikanskie pisateli kak kritiki. M., 2000.
4. Nikoliukin A.N. Rozanov (seriia ZhZL). M., 2001.
5. Nikoliukin A.N. O russkoi literature: teoriia i istoriia. M., 2003 (soderzhit bibliografiu trudov).
6. Nikoliukin A.N. Naedine s russkoi klassikoi. M., 2013.
7. Nikoliukin A.N. Sobr. soch.: V 3 t. M., 2023.
8. Aver'ianov V.V. O sobranii sochinenii V. V. Rozanova // Moskva. 2002. № 2.
9. Aver'ianov V.V. Aleksandr Nikolaevich Nikoliukin // Ped. obrazovaniia i nauka. 2003. № 2.

Поступила в редакцию 01.08.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 07.09.2023

Received 01.08.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 07.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Толмачёв Василий Михайлович — д.ф.н., профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; zarubezh@philol.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vasily Tolmatchoff — Prof., Dr.Habil., Head of the Department of the History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; zarubezh@philol.msu.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2023. № 5. 1–224.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.